

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»

На правах рукописи

Кошкин Андрей Вячеславович

**Коммуникационные стратегии центральных банков как
инструмент денежно-кредитной политики в России и за рубежом**

5.2.4. – Финансы

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:

доктор экономических наук, профессор
Пенькова Инесса Вячеславовна

Санкт-Петербург – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
---------------	---

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ КАК ИНСТРУМЕНТА ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ

1.1 Денежно-кредитная политика как сфера финансовой коммуникации в условиях информационной асимметрии.....	17
1.2 Эволюция подходов к определению понятия «коммуникационная стратегия» как инструмента денежно-кредитной политики.....	28
1.3 Концепция методики оценки открытости коммуникационных стратегий центральных банков.....	36
Выводы к разделу 1.....	52

РАЗДЕЛ 2

ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

2.1 Трансформации коммуникационных стратегий центральных банков: закономерности и методика периодизации.....	56
2.2 Закрытые коммуникационные стратегии центральных банков (1985-1995 гг.).....	69
2.3 Период перехода от закрытых к открытым коммуникационным стратегиям центральных банков (1995-2015 гг.).....	82
2.4 Открытые коммуникационные стратегии центральных банков (2015-2025 гг.).....	95
Выводы к разделу 2.....	118

РАЗДЕЛ 3

АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ОТКРЫТОСТИ КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

3.1 Индекс открытости коммуникационных стратегий центральных банков	123
3.2. Регрессионный анализ таргетирования инфляции как детерминанты движения центральных банков к открытым коммуникационным стратегиям...	137
3.3. Корреляционный анализ взаимосвязи индекса открытости коммуникационных стратегий центральных банков и индексов оценки политических и экономических институтов.....	149
3.4. Анализ влияния открытости коммуникации монетарных регуляторов на координацию ожиданий.....	157
Выводы к разделу 3.....	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	167
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	170
ПРИЛОЖЕНИЯ	
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Список материалов, использованных для предобучения нейронной сети.....	190
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Практические выборки материалов центральных банков для годового анализа ICS (1985-2025 гг.).....	195
ПРИЛОЖЕНИЕ В. Индекс открытости коммуникационных стратегий центральных банков (ICS) стран выборки с 1985 по 2025 гг. (развернутый).....	209
ПРИЛОЖЕНИЕ Г. Справки о внедрении результатов диссертационного исследования.....	218

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современной системе государственного финансового регулирования центральные банки выступают ключевыми институтами, от решений которых зависят стабильность финансовой системы, динамика денежного предложения и устойчивость цен. В условиях усложнения финансовых рынков, роста глобальных рисков и цифровой трансформации экономики повышение эффективности денежно-кредитной политики (ДКП) становится одной из наиболее актуальных задач финансовой науки и практики. Инструментарий монетарных властей исторически эволюционировал от прямых административных методов к тонким механизмам косвенного воздействия, среди которых коммуникационная стратегия приобрела роль самостоятельного и мощного инструмента воздействия на финансовое поведение. Так, сегодня коммуникация является одним из двух основных инструментов (наряду с ключевой ставкой) денежно-кредитной политики Центрального банка Российской Федерации, что с 2016 года ежегодно утверждается Основными направлениями единой государственной денежно-кредитной политики, принимаемыми Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации.

Коммуникация центральных банков претерпела кардинальную трансформацию от закрытой парадигмы, выраженной в принципах «никогда не объясняй, никогда не извиняйся» (М. Норман, Банк Англии) и намеренной неопределенности высказываний (А. Гринспен, ФРС), до современной модели, где, по мнению Б. Бернанке, монетарная политика строится на 2% действия и 98% разговора. Эта трансформация обусловлена не только технологическим прогрессом, но и сменой операционных режимов денежно-кредитной политики, прежде всего — массовым переходом к таргетированию инфляции (ТИ), который объективно потребовал повышения прозрачности, подотчетности и управления поведением экономических агентов.

Современные центральные банки, формально сохраняя мандат на ценовую стабильность, фактически трансформируются в институты публичного

управления, где коммуникация становится ключевым рычагом координации между государством, рынками и обществом. Вопреки тезису о «нейтральности» монетарной политики, регуляторы используют коммуникационные стратегии для непрямого регулирования поведения экономических агентов, легитимации решений в условиях растущего политического давления и минимизации транзакционных издержек реализации денежно-кредитной политики.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью решения ряда фундаментальных и прикладных задач в области финансов и денежно-кредитного регулирования, а также имеет многоаспектный характер.

Ограниченность существующих концепций коммуникационных стратегий центральных банков выражается в том, что преобладающие в научной литературе трактовки рассматривают коммуникацию центральных банков преимущественно как односторонний процесс передачи сигналов от регулятора к рынкам. При этом игнорируется ключевая для реализации денежно-кредитной политики составляющая двустороннего взаимодействия, обеспечивающая центральному банку обратную связь и доступ к актуальной информации от экономических агентов, что в свою очередь имеет критическое значение при экономическом прогнозировании и посредством этого влияет на эффективность денежно-кредитной политики в целом.

Методологический дефицит в оценке коммуникационной эффективности стратегий центрального банка определяется тем фактом, что существующие подходы к оценке прозрачности регуляторов зачастую не учитывают качественные характеристики коммуникации, такие как ее доступность для массовой аудитории и интерактивность. В связи с этим возникает потребность в разработке интегрированных метрик, позволяющих количественно оценивать открытость коммуникационных стратегий как многомерного явления.

Непригодность существующих методов анализа больших данных для исследования коммуникации центральных банков на их национальных языках в широком историческом и межстрановом разрезе. В свою очередь, использование новейших предобученных нейросетевых моделей открывает возможность для

контент-анализа обширных текстовых массивов, что представляет значительный методологический прорыв в финансовых исследованиях.

Дискуссионность вопроса о роли центральных банков в обеспечении экономического роста в научной литературе актуализирует проведение анализа взаимосвязи показателей открытости коммуникации центральных банков и уровня неопределенности (транзакционных издержек). Наличие этой взаимосвязи на эмпирическом уровне позволит доказать причастность открытости центральных банков к общей институциональной среде и позволит вести речь о влиянии регуляторов на экономический рост не только посредством классических инструментов денежно-кредитной политики (ключевая ставка, нормативы обязательного резервирования и т.д.), но и при помощи регулирования открытости собственной коммуникации.

Потребность в эмпирической верификации роли таргетирования инфляции вызвана тем, что несмотря на доминирующий тезис об ТИ как о ключевом драйвере открытости, в научной литературе сохраняется дискуссия о степени и универсальности этой зависимости, что и требует построения детализированной хронологии и применения регрессионного анализа для установления каузальных зависимостей.

Степень разработанности темы исследования. Теоретико-концептуальной предтечей исследований выбранной проблематики диссертационной работы стал вопрос выбора центральным банком режима денежно-кредитной политики, когда применение соответствующего инструментария было несвоевременным со стороны регулятора, что придало дискреционный характер их стратегиям, и могло быть истолковано экономическими агентами как неуверенность центрального банка в своей приверженности к заявленному целеполаганию. Это ключевая отправная точка для обоснования, почему режимы, основанные на публичных количественных целях, требуют большей прозрачности для формирования доверия. Изучению данного вопроса посвятили свои труды Ф. Кидланд, Э. Прескот и К. Рогофф.

Однако впервые связь между режимом денежно-кредитной политики, коммуникацией центрального банка и ожиданиями экономических агентов была установлена в научной литературе в ходе теоретического обоснования необходимости перехода к таргетированию инфляции. Аргументация в пользу трактовки коммуникации как одного из основных инструментов денежно-кредитной политики в условиях таргетирования инфляции заложена в работах Б. Бернанке, М. Вудфорда, Г. Ордас Кальво и Л. Свенссона.

Новое качественное измерение данное направление приобрело с переходом от постулирования важности открытости и прозрачности деятельности центральных банков к методологическим вопросам их количественного измерения. Ядро данного направления сформировали работы А. Блиндера, С. Гераатс и С. Эйффингера и приобрели развитие в специализированных индексах, обоснованных и представленных в исследованиях Р. Аль-Машат, Н. Динчер, А. Евстигнеевой и Б. Эйхенгрин.

Последние годы актуализируются исследования цифровизации коммуникации регуляторов, а также её влияния на эффективность денежно-кредитной политики, финансовую стабильность и предсказуемость действий центральных банков. Ключевыми работами в данной области стали труды С. Блиндера, Дж. де Хаана, Э. Прескота, К. Ферреро, А. Холдейна.

В качестве отдельного направления коммуникационные стратегии исследуются через призму институциональной парадигмы, чему и посвящены труды О. Уильямсона, Р. Гюрканайка, Д. Кона и П. Ромера.

В работах отечественных авторов тоже периодически находит отражение проблема коммуникации регуляторов как инструмента денежно-кредитной политики. Теоретический базис для понимания, почему выбор режима ДКП системообразующий для всей деятельности центрального банка, включая коммуникацию, отражен в работах В. Полтеровича. Эволюция инструментария Центрального банка Российской Федерации, включая переход к режиму таргетирования инфляции и процесса увеличения прозрачности его коммуникации, отражена в работе И. Богатовой. Вопросы финансовой

коммуникации и её значения для денежно-кредитной политики нашли отражение в работах И. Ангелиной, Л. Волощенко, С. Галазовой, С. Зенченко, О. Мелентьевой и В. Орловой. Одновременно практическую ценность представляют публикации исследовательского и аналитического характера самих сотрудников Банка России, а именно: А. Андреева, А. Евстигнеевой и О. Михалева.

Однако продолжающийся процесс трансформации коммуникационных стратегий центральных банков, появление новых форм коммуникации, новых рисков и вызовов денежно-кредитной политики в современном мире требуют проведения новаторских исследований взаимосвязи коэволюционных процессов коммуникационных стратегий и режимов денежно-кредитной политики. Так, в представленных в научной литературе работах авторы исходят из трактовки односторонней коммуникации, но на практике наблюдается рост значимости информации, которую центральные банки получают в ходе коммуникации, что свидетельствует о необходимости расширения существующих концепций коммуникационной стратегии ЦБ. Проблема коммуникационных стратегий центральных банков как инструмента денежно-кредитной политики, хоть и является для экономической науки относительно новой, получила значительное внимание в современной экономической литературе, однако её изучение остается фрагментарным и требует дальнейшей систематизации. Это определило выбор темы диссертации и позволило сформулировать цель и задачи исследования.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является разработка и обоснование нового подхода к критериальной оценке открытости коммуникационных стратегий центральных банков, который позволяет учитывать современную практику двусторонних взаимодействий в коммуникационной цепочке ЦБ-экономические агенты-ЦБ. Это дает возможность снизить транзакционные издержки и временные затраты в процессе выбора оптимального инструментария таргетирования инфляции и облегчает адаптацию всех участников к денежно-кредитной политике.

Достижение поставленной цели предполагает постановку и решение следующих **задач**:

- выявить специфику теоретико-методологических подходов к изучению коммуникационных стратегий центральных банков, скомпилировав инструментарий экономической теории и теории финансов (институциональный подход, теория сигналов, теория управления ожиданиями, теория транзакционных издержек);

- обосновать научно-методический подход к комплексной оценке открытости коммуникационных стратегий центральных банков, интегрирующий количественные и качественные аспекты (прозрачность, доступность, интерактивность);

- разработать методику анализа доступности к пониманию экономическими агентами языка финансовых коммуникаций центральных банков;

- провести периодизацию трансформации коммуникационных стратегий центральных банков с 1985 по 2025 гг.;

- проанализировать влияние открытости коммуникационных стратегий центральных банков на динамику транзакционных издержек в финансовой системе и улучшение координации инфляционных ожиданий.

Объектом исследования является денежно-кредитная политика центральных банков.

Предметом исследования являются коммуникационные стратегии центральных банков.

Теоретической и методологической основой диссертационного исследования являются концептуальные положения фундаментальных и прикладных работ отечественных и зарубежных авторов по вопросам теории коммуникации, оценки открытости коммуникационных стратегий центральных банков и их влияния на эффективность денежно-кредитной политики.

При проведении научного исследования использовались следующие методы: анализ и синтез – для уточнения экономического содержания категории

«коммуникационная стратегия центрального банка», регрессионный анализ – для оценки влияния выбора режима денежно-кредитной политики на открытость коммуникационной стратегии регулятора, корреляционный анализ – для выявления связи между открытостью коммуникационных стратегий и основными макроэкономическими показателями, количественный контент-анализ – для стратифицированной выборки с дифференциацией по историческим периодам и типам коммуникационных практик.

Информационно-эмпирическую базу исследования составили статистические базы данных международных индексов, отчеты центральных банков перед национальными парламентами, законодательные акты, научные публикации отечественных и зарубежных авторов, а также систематизированные данные с официальных сайтов центральных банков стран выборки, составляющие комплекс документов (пресс-релизы, протоколы заседаний, отчёты, стратегические программы) за период 1985–2025 гг. К исследованию также были привлечены данные экспертного опроса для оценки ограниченной выборки носителями языка с целью последующей валидации предобученных нейросетевых моделей DeepSeek-R1, калиброванных на корпусе из 84 синтетических учебных материалов на соответствующих национальных языках.

Научная новизна заключается в разработке и обосновании нового подхода к оценке открытости коммуникационных стратегий центральных банков, который позволяет учитывать современную практику двусторонних взаимодействий в коммуникационной цепочке ЦБ-экономические агенты-ЦБ. Это дает возможность снизить транзакционные издержки и временные затраты в процессе выбора оптимального инструментария таргетирования инфляции и облегчает адаптацию всех участников к денежно-кредитной политике.

Основные результаты исследования, составляющие его научную новизну, полученные лично автором и выносимые на защиту.

1. Разработана авторская концепция коммуникационной стратегии центрального банка, которая в отличие от существующих позволяет преодолеть методологические ограничения односторонних (сигнальных) трактовок. В

работе доказано, что в структуре внешних взаимодействий центральных банков существуют имеющие весомое значение для денежно-кредитной политики примеры двусторонней коммуникации (такие как Мониторинг предприятий Банка России), обеспечивающие регулятору системную обратную связь и доступ к информации, необходимой для прогнозирования и принятия решений. Это расширяет объем эмпирического материала, необходимого для анализа коммуникации центральных банков, что в свою очередь позволяет более точно оценивать степень открытости регуляторов.

2. Предложен новый инструментарий для финансовых исследований, а именно индекс открытости коммуникационных стратегий (ICS), разработанный с учетом показателей доступности языка, полноты размещаемой информации и интерактивности коммуникации, который в отличие от существующих аналогов не ограничен учетом только односторонней (сигнальной) коммуникацией и одним языком для анализа. Предложенный индекс дает возможность проводить сравнительный анализ эффективности коммуникаций центральных банков в контексте повышения действенности денежно-кредитной политики.

3. Разработана и применена новая методика анализа коммуникации центральных банков на основе искусственной нейронной сети, которая в отличие от существующих аналогов прошла на этапе предобучения валидацию через корреляционный анализ с результатами параллельного экспертного опроса на ограниченной выборке, что позволило преодолеть языковые барьеры и объективно оценить доступность коммуникаций для широкой аудитории на 9 языках 15 центральных банков, обеспечив репрезентативность выборки и валидность полученных результатов на основе анализа 11 885 текстовых документов. Данная методика позволяет анализировать большие массивы эмпирического материала и расширяет возможности кросс-языковых сравнительных исследований.

4. Установлен эволюционный характер трансформации банковских стратегий в контексте периодизации изменения степени открытости коммуникации центральных банков. Проведен новаторский анализ

трансформации коммуникационных стратегий центральных банков с применением эволюционного подхода и построена периодизация изменений их коммуникационных стратегий в динамике с 1985 по 2025 год, что выявило временные лаги и институциональные закономерности данной трансформации. Эмпирически установлено, что переход к таргетированию инфляции выступил как статистически значимый и экономически содержательный детерминант эволюции коммуникационных стратегий центральных банков. Это стало фундаментальным положением для последующего корреляционного анализа взаимосвязи развитости институциональной среды и открытости коммуникационных стратегий регуляторов.

5. Получило развитие положение о роли открытости коммуникационных стратегий центральных банков в устойчивом экономическом росте через снижение уровня неопределенности. Корреляционный анализ позволил выявить статистически значимую взаимосвязь предложенного индекса открытости коммуникационных стратегий (ICS) с индексами качества институтов (Worldwide Governance Indicators) и экономической свободы (Heritage Foundation). Доказано, что открытость регуляторов является частью общей институциональной среды, способствующей устойчивому росту через снижение неопределенности. Это расширяет методологический инструментарий анализа взаимозависимости устойчивости институциональной инфраструктуры и степени открытости регуляторов.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Диссертация выполнена в соответствии с паспортом специальности 5.2.4 – Финансы в части пунктов паспорта: 1. Теория и методология финансовых исследований и 32. Денежно-кредитная политика в Российской Федерации и за рубежом. Критерии и методы повышения эффективности денежно-кредитной политики.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке нового теоретического подхода к исследованию денежно-кредитной политики, на основании концептуализации понятия «коммуникационная стратегия

центрального банка», с учетом роли таргетирования инфляции как драйвера повышения информационной открытости центральных банков и элемента общей институциональной среды экономики.

Для формализации качественных характеристик коммуникативных действий разработан и апробирован авторский синтетический индекс открытости коммуникационных стратегий (ICS), интегрирующий три компонента:

1. Метрика прозрачности (Т) – на основе экспертной оценки полноты раскрытия информации по 5 критериям (политические цели, экономические данные, процедуры принятия решений, подотчётность, каналы коммуникации) с применением шкалы Лайкерта (0–2 балла);

2. Метрика доступности (А) – для анализа сложности восприятия текстов с применением предобученной нейросетевой модели DeepSeek-R1, калиброванной на корпусе синтетических учебных материалов и валидированной методом слепого экспертного контроля;

3. Метрика интерактивности (I) – для фиксации наличия информации на официальном сайте центрального банка о двусторонних коммуникационных форматах (опросы, экспертные сессии).

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования современных методов анализа коммуникации центральных банков для повышения предсказуемости их решений в рамках денежно-кредитной политики.

Работа выполнена в соответствии с тематическим планом научно-исследовательских работ федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» в рамках реализации проекта «Разработка методологии формирования инструментальной базы анализа и моделирования пространственного социально-экономического развития систем в условиях цифровизации с опорой на внутренние резервы» (FSEG-2023-0008).

Результаты диссертационной работы внедрены в работу Северо-Западного главного управления Центрального банка Российской Федерации (справка о внедрении от 19.11.2025); ПАО «Банк Санкт-Петербург» (справка о внедрении от 24.11.2025); Северо-Западного отделения ПАО «Сбербанк» (справка о внедрении от 25.11.2025); АО «Экси-банк» (справка о внедрении №01-01-07/6099 от 13.11.2025); ООО «Управляющая компания «Ленинградский» (справка о внедрении от 07.11.2025); ООО «УК «Высота» (справка о внедрении от 05.11.2025).

Теоретико-методические результаты исследования используются в учебном процессе федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (справка о внедрении №0322-82 от 19.11.2025) и федерального государственного автономного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (справка о внедрении №129/37 от 28.11.2025).

Апробация и внедрение результатов диссертации. Основные научные положения и практические результаты диссертации были представлены автором и получили одобрение на: IV и V международной научно-практической конференции «Экосистемы без границ» (г. Калининград, 2023 г. и 2024 г.), Третьей Международной научно-практической конференции Студенческого научного общества Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, 2024 г.), X Всероссийском конгрессе политологов РАПН с международным участием «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития» (г. Москва, 2024 г.), VIII Международной научно-практической конференции «Будущее знаний: вопросы развития науки, технологий и общества» (г. Мельбурн, Австралия, 2025 г.), XIII Международной научно-практической конференции «Стратегическое развитие инновационного потенциала отраслей, комплексов и организаций» (г. Пенза, 2025 г.).

Публикации. Основные положения диссертационной работы изложены в 19 научных работах, в том числе: 8 статей в рецензируемых научных изданиях

(5,43 п.л., из них лично автору принадлежит 4,27 п.л.), 2 статьи в научных журналах, входящих в международную наукометрическую базу данных «Scopus» (1,58 п.л., из них лично автору принадлежит 0,58 п.л.), 3 статьи в прочих изданиях (2,23 п.л., из них лично автору принадлежит 1,46 п.л.), 6 работ апробационного характера (0,91 п.л., из них лично автору принадлежит 0,76 п.л.). Общий объем публикаций составляет 10,15 п.л., из которых лично автору принадлежит 7,08 п.л.

Структура и содержание диссертационной работы определяются поставленной целью и соответствуют логической последовательности решения поставленных автором задач исследования. Диссертационная работа состоит из введения, трех разделов основного текста, заключения, списка литературы, содержащего 178 источников (в том числе 115 источников на иностранных языках) и 4 приложений. Общий объем работы составляет 225 страниц. Содержание проиллюстрировано 24 таблицами и 6 рисунками.

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены цель, задачи, предмет и объект исследования, приведены методология и методы исследования, раскрыта научная новизна, теоретическое и практическое значение полученных результатов, связь работы с научными темами, представлены данные апробации результатов исследования, основные публикации и структура диссертации.

В **первом** разделе диссертационной работы исследована информационная асимметрия как системная проблема финансовой коммуникации в рамках проведения денежно-кредитной политики. Проведен анализ эволюции подходов понятия «коммуникационная стратегия» в контексте инструментария денежно-кредитной политики, выявлены их ограничения. На этой основе концептуализировано авторское определение коммуникационных стратегий центральных банков, включающее интерактивное взаимодействие. Разработана и апробирована принципиально новая методология оценки открытости коммуникационных стратегий через синтетический индекс ICS, интегрирующий аспекты прозрачности, доступности и интерактивности.

Во **втором** разделе диссертационной работы проведено историко-сравнительное исследование эволюции коммуникационных стратегий

центральных банков на примере репрезентативной выборки из 15 стран за 1985–2025 гг. Выявлены и охарактеризованы три ключевых этапа эволюции: период закрытых стратегий (1985–1995 гг.), переходный период (1995–2015 гг.) и период открытых стратегий (2015–2025 гг.). Проведен сравнительный анализ особенностей коммуникационных стратегий центральных банков развитых и развивающихся экономик, а также регуляторов, сохраняющих консервативный подход.

В **третьем** разделе диссертационной работы реализована эмпирическая часть исследования. На основе разработанной методики рассчитан индекс открытости коммуникационных стратегий (ICS) для центральных банков выборки за весь исследуемый период. Проведен регрессионный анализ, доказавший детерминирующую роль таргетирования инфляции в движении центральных банков к открытым коммуникационным стратегиям. Осуществлен корреляционный анализ взаимосвязи индекса открытости с показателями качества институтов. Методами пост-хок тестирования количественно оценен вклад отдельных элементов коммуникации (в частности, данных опросов предприятий) в точность достижения инфляционных целей.

В **заключении** приведены основные выводы по результатам проведенного исследования, сформулированы предложения и рекомендации в соответствии с поставленной целью и задачами диссертационной работы.

В **приложениях** представлены вспомогательные материалы, иллюстрирующие и дополняющие отдельные положения диссертации.

РАЗДЕЛ 1**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ КАК
ИНСТРУМЕНТА ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ****1.1 Денежно-кредитная политика как сфера финансовой коммуникации в
условиях информационной асимметрии**

Исходным пунктом теоретической рефлексии о природе денежно-кредитного регулирования в современных условиях выступает фундаментальный парадокс экономической координации, коренящийся в противоречии между требованием оптимального распределения ресурсов и когнитивной ограниченностью субъектов хозяйствования. Данное противоречие, обретающее форму устойчивой информационной асимметрии, детерминирует особую роль коммуникативных практик, которые эволюционируют от вспомогательной функции к статусу конститутивного элемента монетарной политики. В этом контексте приобретает свою значимость категория финансовой коммуникации, под которой понимается специализированный вид целенаправленного институционального взаимодействия, опосредованный символическими системами и направленный на формирование, коррекцию и синхронизацию ожиданий экономических агентов для оказания непосредственного воздействия на параметры финансовых потоков, динамику активов и общие условия ликвидности в экономике. Центральный банк, вынужден оперировать не только традиционным инструментарием, но и сложным семиотическим полем, где финансовая коммуникация становится механизмом прямого воздействия на ожидания экономических агентов, формируя тем самым предпосылки для достижения макроэкономической стабильности [9, 14, 46].

Сущностное понимание финансовой коммуникации в данном контексте требует признания ее имманентной двойственности: с одной стороны, она

выполняет утилитарно-техническую роль трансляции фактологических данных, а с другой обладает неоспоримой перформативной силой, активно конституируя ту самую реальность, которую призвана описывать [13]. Вербальные интервенции, формулировки протоколов и даже стилистические нюансы публичных выступлений руководства центрального банка становятся рычагами, непосредственно воздействующими на психологию рынка, формируя атмосферу доверия или настороженности, задавая тон для инвестиционных стратегий и потребительского поведения. Эта конструктивная способность коммуникации, выражающаяся в формировании нарративов, коллективных интерпретаций и, в конечном счете координированных ожиданий, позволяет рассматривать ее не в качестве пассивного канала связи, а в качестве автономного фактора экономической динамики, эффективность которого сопоставима с материальными изменениями ключевых параметров политики [19]. Ее эффективность измеряется не столько точностью соответствия внутренним моделям центрального банка, сколько способностью порождать и закреплять в общественном сознании желаемые интерпретации происходящего, создавая тем самым основу для коллективных экономических действий независимых агентов.

Этот конструктивно-действенный потенциал финансовой коммуникации усиливается в условиях цифровой трансформации публичного пространства. Скорость распространения информации, свойственная эпохе социальных сетей и мессенджеров, порождает феномен «нарративного резонанса», когда даже второстепенное замечание официального лица, будучи вырванным из контекста и тиражированным в виде вирального контента, способно спровоцировать краткосрочную, но разрушительную волатильность на финансовых рынках [174]. Центральный банк оказывается в положении участника глобального информационного потока, когда его заявления должны быть как своевременны, так и тщательно выверены. Это требует от коммуникационной стратегии регулятора не только проактивности и гибкости, но и развития способности к «нарративному парированию» - быстрому и убедительному реагированию на возникающие деструктивные информационные тренды. Таким образом,

современная финансовая коммуникация всё более отчетливо проявляет черты не линейного процесса передачи сигналов, а сложной экосистемы циркуляции смыслов, находящейся в состоянии постоянной турбулентности и требующей от регулятора принципиально новых методов семиотического управления и поддержания символического суверенитета в условиях перманентного информационного давления [21].

Историческая эволюция взглядов на роль информации в экономике демонстрирует последовательное углубление понимания её роли. Классическая политическая экономия (от Смита до Рикардо) имплицитно предполагала прозрачность хозяйственных процессов, где цены выступают совершенными сигналами о редкости благ. Маржиналистская революция конца XIX века, формализовавшая равновесные модели, сохранила эту предпосылку в виде допущения о полноте информации. Решающий методологический сдвиг произошел с осознанием того, что неопределенность не есть временное отклонение, а конститутивное свойство экономической реальности. Так, было установлено принципиальное различие между измеримым риском и истинной неопределенностью, которая не поддается вероятностной оценке [178]. Этот тезис получил развитие в кейнсианской традиции, где ожидания экономических агентов формируются в условиях "радикальной неопределенности", лишенной статистических оснований [73].

Теоретический прорыв конца XX века связан с экспликацией институциональных последствий информационной асимметрии. Статья Дж. Акерлофа "Рынок лимонов" (1970) [64] продемонстрировала, что неравномерное распределение информации между покупателями и продавцами способно вызывать системные сбои рыночного механизма, вплоть до его полного коллапса. Механизм неблагоприятного отбора (*adverse selection*), выявленный Акерлофом, показал, что асимметрия порождает не просто локальные искажения, а фундаментальную трансформацию природы рыночных взаимодействий. Дальнейшие исследования М. Спенса (сигнализирование) [163] и Дж. Стиглица (скрининг) [164] сформировали новую парадигму, в которой

информационные проблемы становятся центральным объяснительным принципом экономической организации.

В современной экономической парадигме, уходящей корнями в теорию рациональных ожиданий, сформулированную Р. Лукасом [138, 139], эффективность монетарной политики в значительной степени детерминирована тем, насколько центральный банк объясняет свои действия экономическим агентам, что делает его политику предсказуемой и понятной. Следовательно, коммуникация превращается из вспомогательной функции в самостоятельный инструмент политики, зачастую не менее значимый, чем фактические изменения процентных ставок. Этот тезис нашел свое отражение в работе А. Блиндера, который отмечал, что для современного центрального банка «сила слова» стала полноценной заменой «силы действия» в условиях нулевых нижних границ процентной ставки [84].

Эволюция роли коммуникации в денежно-кредитной сфере наглядно прослеживается в изменении подходов ведущих центральных банков мира на рубеже XX и XXI веков. Если в более ранний период доминировала доктрина, близкая к принципу «неожиданности денежной политики», обосновывавшая ограничение информации для повышения краткосрочной эффективности интервенций, то с начала 2000-х годов происходит кардинальный сдвиг в сторону транспарентности и управляемого формирования ожиданий. Ясность и последовательность в заявлениях денежных властей позволяют «привязать» инфляционные ожидания к объявленному таргету, снижая издержки борьбы с инфляцией и минимизируя волатильность на финансовых рынках. Этот переход от культуры относительной закрытости к стратегии открытости нашел свое концептуальное оформление в теории «управления ожиданиями» М. Вудфорда [104, 173, 177, 178], ключевой элемент которой – использование будущих ориентиров (forward guidance) для влияния на текущие экономические решения агентов, которые в своих моделях поведения ориентируются на прогнозируемую траекторию процентных ставок.

Вместе с тем, эта эволюция порождает новые вызовы и дилеммы [83, 42]. «Парадокс прозрачности» заключается в том, что стремление к максимальной ясности неизбежно ведет к усложнению коммуникационного кода, что создает риски его неверной интерпретации и формирования новой волатильности. Центральные банки оказываются перед необходимостью постоянного балансирования между предоставлением четких ориентиров и сохранением операционной гибкости, между технократической сущностью и неизбежной политизацией их коммуникации в контексте задач экономической безопасности. Это требует выработки новых, более изощренных подходов к построению диалога с разнородной аудиторией, учитывающих когнитивные особенности восприятия информации различными группами экономических агентов [17, 20, 56].

Функционально финансовая коммуникация центрального банка реализуется через широкий спектр каналов и форматов, образующих целостную систему взаимодействия с публикой. Публикация детализированных протоколов заседаний комитета по монетарной политике, выступления ключевых руководителей, пресс-конференции по итогам ключевых решений, регулярные отчеты об инфляции и финансовой стабильности – все эти инструменты служат единой цели: донести до публики не только принятые решения, но и их обоснование, а также вероятные траектории будущей политики. Как показали в своем исследовании Блиндер и его соавторы [83], именно регулярность и предсказуемость коммуникации, а не просто ее объем, являются критическими факторами ее успешности. Особое значение в этом ряду занимают так называемые «вербальные интервенции», когда центральный банк с помощью тщательно выверенных формулировок сигнализирует о своих намерениях, не прибегая к немедленным действиям.

Качественно новым этапом в процессе повышения открытости коммуникации центральных банков выступает глубокая цифровизация банковской отрасли, порождающая принципиально иную коммуникативную экосистему. Речь идет не о простом переводе традиционных каналов в цифровую

форму, а о возникновении высокоавтоматизированной и проактивной среды, где коммуникация встроена непосредственно в финансовые продукты и платформы [11, 39, 63]. Алгоритмы скоринга, робо-эдвайзинг и персонализированные финансовые предложения становятся новыми, децентрализованными интерпретаторами сигналов ДКП, транслируя их на микроуровне через призму коммерческой логики и поведенческих данных [2, 6, 37, 48]. Это создает парадоксальную ситуацию: центральный банк получает беспрецедентный доступ к Big Data о финансовом поведении в реальном времени, но одновременно теряет монополию на формирование нарратива, который теперь дробится и вирусно мутирует в социальных сетях и мессенджерах [40, 81, 103]. Возникает феномен «алгоритмической» информационной асимметрии, когда понимание траектории ДКП начинает определяться не столько публичными заявлениями регулятора, сколько логикой работы цифровых платформ, агрегирующих и преломляющих эти сигналы для миллионов пользователей, что радикально усложняет традиционные модели управления ожиданиями.

В контексте финансовой коммуникации центральный банк выступает не просто как источник информации, а как создатель метанарратива, интерпретирующего текущую экономическую конъюнктуру и задающего вектор ее развития. Этот нарратив, по выражению Р. Шиллера [157], является фундаментальной движущей силой экономических колебаний. Способность денежных властей формировать убедительный и логически непротиворечивый нарратив позволяет им направлять поведение агентов в желаемое русло, стабилизируя экономику на основе скоординированных ожиданий [40, 41, 56]. Однако создание и поддержание такого нарратива сопряжено с фундаментальной проблемой, проистекающей из самой природы взаимоотношений между центральным банком, обладающим всей полнотой информации об экономической ситуации, и остальными участниками экономических отношений. Проблема эта заключается в глубоко укорененной информационной асимметрии, которая предопределяет специфику, ограничения и риски всего коммуникативного процесса в сфере денежно-кредитного регулирования. Данная

проблема может оказывать серьёзное влияние на финансовую сферу [10, 18, 54, 55, 140]. Эта асимметрия, впервые системно исследованная в контексте рынков Дж. Акерлофом [64, 65], в области монетарной политики приобретает институциональное измерение, создавая постоянный разрыв между информированностью регулятора и восприятием общества, который лишь отчасти может быть преодолен с помощью коммуникативных стратегий.

Важнейшим аспектом, усугубляющим проблему информационной асимметрии, является феномен разнородности степени рациональности экономических агентов, обладающих различными когнитивными моделями, уровнями финансовой грамотности и доступом к информации. Центральный банк, формулируя свой метанарратив, сталкивается с необходимостью его адаптации к фрагментированному информационному полю. Так, например, профессиональные участники финансового рынка, использующие алгоритмический анализ и обладающие доступом к дорогостоящим данным, сосуществуют с домохозяйствами, чье восприятие зачастую опирается на упрощенные эвристики и подвержено влиянию эмоционально окрашенных новостей. Гетерогенность аудитории порождает эффект дифференциальной интерпретации, когда один и тот же сигнал регулятора - будь то изменение формулировок в пресс-релизе или тон выступления руководства - может быть прочитан диаметрально противоположным образом различными субъектами экономики. Для институциональных инвесторов ключевым может стать нюанс, касающийся будущей траектории ставок, в то время как для широкой публики решающее значение будет иметь общее ощущение «оптимизма» или «пессимизма» монетарных властей. Таким образом, коммуникационная стратегия вынуждена балансировать между необходимостью сохранения точности и сложности сообщения для экспертного сообщества и требованием его доступности и однозначности для неспециализированной аудитории. Данное противоречие является источником перманентного риска коммуникационных ошибок, когда стремление к прозрачности оборачивается ростом

неопределенности из-за множественности и противоречивости возникающих интерпретаций.

В макроэкономическом измерении информационная асимметрия предстает как источник субоптимальных равновесий и устойчивых дисфункций. Систематические ошибки в формировании ожиданий экономических агентов обусловлены несовершенством их информационных моделей. Как отмечает В.М. Полтерович, "информационная фрагментарность создает самоподдерживающиеся ловушки неэффективности, когда инвестиции в знание блокируются высокими издержками его верификации" [51]. Особую остроту эта проблема приобретает в условиях институциональных трансформаций, о чем пишет Д.С. Терещенко, доказывая, что асимметрия информации формирует "институциональные ловушки", где неэффективные нормы воспроизводятся из-за невозможности координации ожиданий субъектов [60].

Кроме того, институциональная экономическая теория предложила принципиально новую интерпретацию информационной асимметрии, перестав рассматривать её как "провал рынка". В работах Д. Норта [43, 144, 145] и О. Уильямсона [175] информационное неравенство предстает как естественное состояние, требующее создания специализированных структур для его преодоления. Институты в этой парадигме понимаются как "когнитивные инструменты снижения неопределенности путем структурирования взаимодействий" [125]. Такой подход позволяет трактовать коммуникационные практики не как технические каналы передачи данных, а как базовые экономические институты, формирующие общие смысловые пространства. А.Е. Шаститко подчеркивает, что институты коммуникации выполняют функцию синхронизации ментальных моделей агентов, создавая основу для разделяемых интерпретаций экономических сигналов [62].

Особую значимость проблема преодоления информационной асимметрии приобретает в сфере управления ожиданиями - области, где макроэкономическая теория и институционализм находят точку синтеза. Работы Т. Сарджента [155] и Р. Лукаса [139] установили, что эффективность экономической политики

критически зависит от способности регулятора формировать конвенциональные ожидания. Как отмечает Ж. Лаффон, результат политического вмешательства определяется не его фактическим содержанием, а тем, как оно интерпретируется в системе коллективных представлений [132]. Этот тезис получил глубокую проработку в трудах В.М. Полтеровича, разработавшего концепцию "координационных институтов", которые синхронизируют ожидания экономических агентов через создание "фокальных точек" [51, 52].

Также в современной экономической среде наблюдается стремительная эрозия монополии центрального банка на формирование макроэкономического нарратива. Традиционная модель, в которой регулятор выступал в роли основного и наиболее авторитетного интерпретатора экономических процессов, подвергается давлению со стороны децентрализованных цифровых платформ, социальных сетей и блогеров, чьи высказывания способны мгновенно тиражироваться и приобретать характер самосбывающихся пророчеств. В этих условиях официальные заявления центрального банка вступают в конкурентную борьбу за внимание и доверие с альтернативными, зачастую спекулятивными и сенсационными, точками зрения. Способность регулятора «заякорить» инфляционные ожидания оказывается в прямой зависимости от его умения не только транслировать, но и защищать свой нарратив, активно опровергая дезинформацию и участвуя в публичной дискуссии. Это превращает коммуникацию из инструмента однонаправленного вещания в институт сложной системы публичного диалога, где авторитет более не является априорно данным, а должен постоянно подтверждаться последовательностью, ясностью и доказательностью позиции. Указанная трансформация требует от центрального банка развития новых компетенций, сближающих его с медийными организациями и институтами, специализирующимися на публичной политике, что знаменует собой глубокое изменение самой природы этого института в XXI веке.

Коммуникация центральных банков давно перестала быть второстепенным инструментом, превратившись в ключевой элемент стратегического управления

ожиданиями рынков, бизнеса и населения. В условиях высокой неопределенности и растущей сложности финансовых систем прозрачность и ясность коммуникации приобретают особое значение, поскольку именно они формируют доверие к политике регулятора и снижают волатильность на рынках [20, 37, 38]. Их эволюция отражает смену парадигмы от "механики" монетарного воздействия к "экологии ожиданий", где управление информационными потоками становится ключевым условием экономической стабильности. Как отмечает Б. Бернанке, современный центральный банк управляет не столько балансами, сколько нарративами, формируя общее смысловое поле для экономических решений [78].

Эволюция теоретических представлений об информационной асимметрии привела к формированию концепции коммуникативных институтов как специализированных механизмов снижения транзакционных издержек (transaction costs), порождаемых когнитивной ограниченностью экономических агентов. Р. Коуз в работе "Проблема социальных издержек" [90] показал, что затраты на получение и верификацию информации определяют границы между рыночными и иерархическими формами координации. Этот тезис получил развитие в трудах О. Уильямсона, который доказал, что институты возникают как "управленческие структуры для обработки сложности" [175], где коммуникационные протоколы минимизируют риски оппортунистического поведения. В российской науке аналогичные выводы содержатся в работах А.Н. Олейника, отмечающего, что институты снижают энтропию информационной среды, создавая предсказуемые шаблоны интерпретации сигналов [45].

Ключевым аспектом функционирования коммуникативных институтов является их способность трансформировать качественную неопределенность в измеримый риск. Теория сигналов [162] демонстрирует, что экономические агенты вырабатывают специализированные языки (образовательные сертификаты, репутационные маркеры, брендинг) для преодоления информационных барьеров. М. Спенс показал, что сигналы приобретают ценность не сами по себе, а как инструменты разделения типов агентов в

условиях асимметрии [161]. В макроэкономическом контексте этот механизм трансформируется в практики централизованной коммуникации, где регулятор использует символические действия (изменение ставок, словесные интервенции) как коды для координации ожиданий.

В современных экономиках функция управления ожиданиями концентрируется в институтах денежно-кредитного регулирования, где центральные банки выступают архитекторами информационных ландшафтов. Эволюция их коммуникационных стратегий от закрытости к прозрачности [27] отражает смену парадигмы: от "мистификации" как инструмента автономии к "открытому диалогу" как механизму снижения регуляторных издержек. Как доказал Л. Свенссон, прозрачность центрального банка сокращает дисперсию инфляционных ожиданий, что эквивалентно снижению нейтральной процентной ставки на 0,5-1,5 пункта [167]. Российские исследования подтверждают эту закономерность: по данным М.Ю. Головнина, индекс коммуникационной прозрачности Банка России коррелирует со снижением волатильности валютного курса [12].

При этом вопрос влияния коммуникации на эффективность денежно-кредитной политики активно изучается в современной научной литературе. Согласно исследованиям, оно реализуется через два ключевых канала. Во-первых, четкие и однозначные сигналы о будущей траектории процентной ставки позволяют напрямую воздействовать на долгосрочные рыночные ставки, которые являются критически важными для инвестиционных решений компаний и долгосрочных сбережений домохозяйств [40]. Во-вторых, систематическая коммуникация, направленная на разъяснение целей и реакционной функции центрального банка, способствует стабилизации инфляционных ожиданий [6, 77]. Когда экономические агенты доверяют обязательствам регулятора по обеспечению ценовой стабильности, они склонны закладывать в свои контракты и ценовые решения более низкие показатели будущей инфляции, что разрывает порочный круг инфляционной спирали «заработная плата – цены» и облегчает центральному банку достижение его целевого ориентира [14, 26, 130]. Таким

образом, коммуникация не просто сопровождает монетарную политику, а становится ее несущей конструкцией, позволяя трансмиссионному механизму работать более предсказуемо с меньшими издержками и с упреждающим эффектом.

Таким образом, коммуникация центральных банков предстает как сложный, многоуровневый и противоречивый феномен, находящийся на пересечении экономической теории, институционализма и социологии знания. Она является не просто «придатком» к решениям по ставкам, а имманентным элементом механизма трансмиссии, институтом по снижению транзакционных издержек информационной асимметрии и одновременно полем перманентной семиотической борьбы за доминирование в определении экономической реальности. Ее эволюция от эпизодических заявлений к всеобъемлющей стратегии управления ожиданиями отражает глубинную трансформацию природы государственного регулирования в сложных, рефлексивных системах. Данная теоретико-методологическая рамка, раскрывающая коммуникацию как сущностный инструмент ДКП, делает закономерным и необходимым переход к детальному анализу того, как конкретно структурируется и операционализируется данный инструмент, то есть к исследованию эволюции понятия и компонентов коммуникационной стратегии центрального банка как системного объекта, что и составляет сферу исследования следующего параграфа диссертации.

1.2 Эволюция подходов к определению понятия «коммуникационная стратегия» как инструмента денежно-кредитной политики

Феномен коммуникационной стратегии центрального банка, первоначально находившийся на периферии экономического анализа, претерпел кардинальную трансформацию в своей теоретической трактовке - от второстепенного элемента институционального дизайна до ключевого самостоятельного инструмента денежно-кредитной политики. Изначально, в рамках неоклассической парадигмы, коммуникация если и рассматривалась, то

как вспомогательный, почти технический элемент институционального дизайна, призванный минимизировать искажения, вызванные асимметрией информации. Ее функция сводилась к пассивной трансляции решений, уже принятых на основе объективных экономических моделей. Однако по мере укрепления теории рациональных ожиданий и осознания проблемы временной несогласованности политики, взгляд на коммуникацию претерпел кардинальную трансформацию. Из нейтрального канала передачи данных она стала восприниматься как активный инструмент формирования самих ожиданий, то есть как переменная, непосредственно влияющая на уравнение, которое она, по старой логике, лишь описывала. Этот концептуальный сдвиг ознаменовал переход от трактовки коммуникации как экзогенного фактора к пониманию ее в качестве эндогенного компонента монетарного механизма, чье содержание и форматы требуют самостоятельного моделирования и оптимизации.

Исторически деятельность монетарных властей, в духе принципа «никогда не объясняй, никогда не извиняйся», ассоциировавшегося с управляющим Банком Англии М. Норманом [86], характеризовалась намеренной непрозрачностью, что считалось необходимым условием для сохранения свободы действий и авторитета регулятора. Ситуация начала радикально меняться с конца XX века под влиянием ряда фундаментальных факторов: глобализации финансовых рынков, демократизации доступа к информации и, что наиболее существенно, массового перехода центральных банков к режиму таргетирования инфляции, который объективно потребовал активного управления ожиданиями экономических агентов.

Категориальная трансформация понимания коммуникации была инспирирована развитием теории рациональных ожиданий и, в особенности, теоретическим осмыслением проблемы временной несогласованности оптимальной политики, сформулированной в работах Ф. Кидланда и Э. Прескотта [131]. Данная проблема выявила, что отсутствие надежных предварительных обязательств (commitment) ведет к формированию завышенных инфляционных ожиданий и субоптимальным макроэкономическим

результатам. Это создало строгий теоретический императив для перехода к политике, основанной на правилах и ясных количественных ориентирах, адекватная реализация которой была невозможна без активного формирования доверия к этим обязательствам. Коммуникация, таким образом, перестала быть нейтральным каналом, превратившись в необходимое условие для решения проблемы доверия – завоевания и поддержания репутации, без которой любое правило теряет силу. Из экзогенного, почти эпифеноменального фактора она начала эволюционировать в эндогенную переменную монетарного механизма, требующую самостоятельного моделирования [153].

Следующий, качественный скачок в концептуализации коммуникации был связан с теоретическим обоснованием и глобальным распространением режима инфляционного таргетирования. В рамках этой парадигмы, детально разработанной в трудах Б. Бернанке [77, 78, 79, 80], Т. Свенссона [165, 166, 167] и М. Вудфорда [177, 178], управление ожиданиями было эксплицировано как первичный, а в условиях близости процентных ставок к эффективной нижней границе – и как доминирующий канал трансмиссионного механизма. Вудфорд [178] показал, что будущая траектория политики, дисконтированная в сегодняшние рыночные цены, обладает большей силой, чем текущее состояние ставки. Следовательно, способность центрального банка влиять на представления агентов об этой будущей траектории через коммуникацию (forward guidance) становилась краеугольным камнем всей политики. Коммуникация эволюционировала из инструмента поддержания доверия в ядерный операционный инструмент, непосредственно определяющий финансовые условия. Как отмечал Бернанке, она превратилась из факультативной практики публичных отношений в сущностное содержание работы современного центрального банка [78].

Параллельно с теоретическим осмыслением происходила и операционализация понятия, связанная с разработкой методологий количественной оценки коммуникационной деятельности. Пионерские работы А. Блиндера и его соавторов [81, 82, 83] эмпирически доказали позитивную

корреляцию между транспарентностью и эффективностью политики. Значительный вклад внесли исследования С. Эйффингера и П. Герратс [102], предложивших формализованные индексы прозрачности, которые декомпозировали коммуникацию на составляющие: политическую, экономическую, процедурную и операционную прозрачность. Эти индексы, впоследствии развитые в кросс-национальных сравнительных исследованиях Н. Динчер и Б. Эйхенгрин [98, 99, 101], позволили перевести дискуссию о коммуникации из качественной плоскости в область измеримого и сопоставимого анализа, заложив метрическую основу для понятия «стратегия».

Современный этап эволюции характеризуется усложнением, гуманитаризацией подхода и смещением исследовательского фокуса с анализа отдельных коммуникативных актов центральных банков на изучение их комплексных коммуникационных стратегий. Такой переход обусловлен тем, что в условиях фрагментации информационного поля и цифровой трансформации разрозненные, даже регулярные коммуникативные действия оказываются недостаточными для устойчивого управления ожиданиями [139]. Только целостная стратегия, интегрирующая цели, каналы, аудитории и механизмы обратной связи в единый контур управления, позволяет центральному банку последовательно формировать нарратив и оказывать предсказуемое воздействие на финансовое поведение. Именно поэтому коммуникационная стратегия становится центральным объектом исследования, раскрывающим, как информационное влияние трансформируется в институционализированный инструмент денежно-кредитной политики.

Также акцент сместился с чисто количественных параметров прозрачности на качественные аспекты эффективности коммуникации: ее нарративную убедительность, лингвистические особенности, доступность для гетерогенной аудитории и способность к диалогу. Исследования А. Холдейна [116] и других авторов демонстрируют, что эффективность коммуникации определяется не только объемом раскрываемой информации, но и ее лингвистическими характеристиками, форматом подачи и способностью вовлекать в диалог

различных экономических агентов. Это актуализировало междисциплинарный подход, интегрирующий инструментарий экономической науки, лингвистики и теории коммуникаций.

В результате этой многомерной эволюции в современной литературе сформировался спектр трактовок коммуникационной стратегии, которые, однако, можно систематизировать вокруг нескольких ключевых фокусов (Таблица 1.1).

Таблица 1.1 – Коммуникационные стратегии как комплекс коммуникации центральных банков: подходы к трактовке понятия

Подход	Краткая характеристика	Представители
Коммуникация как инструмент управления ожиданиями	Коммуникация центральных банков рассматривается как механизм управления инфляционными и экономическими ожиданиями. Этот подход акцентирует внимание на том, что центральные банки используют коммуникацию для формирования ожиданий экономических агентов, что, в свою очередь, влияет на их поведение.	Bernanke [78], Blinder et al. [83], Haldane and McMahon [116]
Коммуникация как сигнал о будущей политике	Коммуникация рассматривается как способ передачи сигналов о будущих действиях центрального банка. Этот подход основан на теории сигналов, согласно которой центральные банки используют коммуникацию для передачи информации о своих намерениях.	Geraats [111]
Коммуникация как инструмент повышения прозрачности	Коммуникация центральных банков рассматривается как способ повышения прозрачности и подотчетности. Этот подход акцентирует внимание на том, что открытость коммуникации способствует укреплению доверия к монетарным властям.	Dincer and Eichengreen [98], De Haan and Eijffinger [95].
Коммуникация как способ взаимодействия с различными аудиториями	Коммуникация центральных банков рассматривается как способ взаимодействия с различными аудиториями, включая финансовые рынки, домохозяйства и экспертные сообщества. Этот подход акцентирует внимание на адаптации коммуникационных стратегий к потребностям разных групп.	Ehrmann & Wabitsch [103]
Коммуникация как инструмент стабилизации экономики	Коммуникация центральных банков рассматривается как инструмент стабилизации экономики, особенно в периоды кризисов. Этот подход акцентирует внимание на том, что эффективная коммуникация может снизить неопределенность и улучшить результаты монетарной политики	Berger & Pfajfar [77]

Несмотря на видимую полноту, анализ существующих дефиниций позволяет выявить их общий методологический изъян, заключающийся в имплицитном или эксплицитном рассмотрении коммуникации как процесса односторонней передачи сигналов от активного регулятора к пассивным реципиентам. В рамках такой парадигмы информация, полученная в ходе коммуникации от общества, служит скорее обратной связью для корректировки коммуникации центрального банка. Регулятор воспринимается как единственный субъект коммуникации. Общество, экспертное и академическое сообщество и хозяйствующие субъекты трактуются в виде объектов для коммуникации центральных банков. Данная парадигма, укорененная в классических моделях, не в полной мере соответствует современной эмпирической реальности становления двусторонних коммуникативных форматов, таких как Мониторинг предприятий Банка России, систематические опросы или экспертные дискуссионные панели. Это представляется критически важным недостатком существующих подходов к трактовке коммуникационных стратегий центральных банков, особенно в контексте таргетирования инфляции.

Для преодоления указанного концептуального ограничения необходимо дать четкую границу между тем, что может и должно входить в составляющие коммуникационной стратегии, а что является иными формами взаимодействия регуляторов с обществом и рынком. Решая данную междисциплинарную задачу, представляется уместным опереться на теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса [115]. Данная теория, фокусирующаяся на достижении intersubjectивного взаимопонимания через рациональный дискурс, позволяет реконцептуализировать коммуникационную стратегию. В ее рамках стратегия предстает не как линейный план трансляции сообщений, а как институционализированная практика диалога, нацеленная на легитимацию политики через обмен аргументами, признание множественности перспектив (intersubjectивность) и совместное конструирование разделяемых смыслов.

Применимость теории Хабермаса в данном контексте была апробирована на примере анализа коммуникационных стратегий и коммуникационных

экосистем эмитентов муниципальных ценных бумаг в России, США, Великобритании и Германии [93]. Также примеры применения теории коммуникативного действия для изучения коммуникационных стратегий осуществляющих государственную власть органов можно найти в иной научной литературе [21, 61, 110, 158].

Это позволяет дифференцировать коммуникацию как элемент стратегии от иных форм взаимодействия по следующим критериям:

- ориентация на взаимопонимание;
- структурированность рационального дискурса;
- учет интерсубъективности;
- легитимация действий через обмен информацией.

Данные критерии позволяют не только учитывать ту коммуникацию, которые проводят центральные банки в одностороннем формате (пример: пресс-конференция по итогам заседания совета директоров), но и в двустороннем (пример: опросы предприятий или же экспертные сессии с привлечением академического сообщества).

Отличие от существующих теоретических подходов является принципиальным для обоснования научной новизны концепции.

1. В отличие от теории сигналов, где коммуникация - это акт демонстрации скрытых характеристик отправителя, в формулируемой концепции коммуникация - это процесс совместного продуцирования знания. Сигнальная теория фокусируется на проблеме достоверности сигнала (например, приверженности инфляционной цели), в то время как предложенный подход акцентирует внимание на совместном конструировании смыслов и снижении фундаментальной неопределенности (в кейнсианском её понимании) через диалог.

2. В отличие от односторонних моделей управления ожиданиями, где центральный банк только «заякоривает» ожидания, формулируемая концепция коммуникационной стратегии признает, что сами ожидания регулятора относительно состояния экономики и реакции агентов также формируются и

корректируются в процессе коммуникации. Управление ожиданиями превращается из манипуляции в координацию. Это перекликается с идеями В.М. Полтеровича о «координационных институтах», которые синхронизируют ожидания агентов через создание фокальных точек [51, 52], но добавляет к этому измерение взаимного обучения.

3. В отличие от классического институционализма, акцентирующего стабилизирующую, ограничивающую функцию институтов, предложенный подход подчеркивает их адаптивную и генеративную функцию. Институт коммуникации не только снижает транзакционные издержки за счет стандартизации взаимодействий, но и становится источником новых знаний и инноваций в политике. Это созвучно эволюционной экономике, где институты рассматриваются как носители рутин, которые отбираются и видоизменяются в процессе конкуренции [144].

На основании изложенного представляется возможным сформулировать определение.

Коммуникационные стратегии центральных банков — это системный подход к передаче и получению информации, который позволяет центральным банкам управлять ожиданиями рынков и общества, а также более точно прогнозировать экономические показатели, повышая эффективность монетарной политики.

Эти стратегии включают в себя использование различных методов и каналов коммуникации для повышения прозрачности, укрепления доверия к монетарной политике и управления поведением экономических агентов. Основная цель таких стратегий - формирование инфляционных ожиданий, снижение неопределенности на рынках и обеспечение предсказуемости действий центрального банка. Ключевые аспекты коммуникационных стратегий центральных банков:

1. *Управление ожиданиями:* Центральные банки используют коммуникацию для формирования инфляционных и экономических ожиданий, что влияет на поведение экономических агентов;

2. *Сигнализирование*: Коммуникация используется для передачи сигналов о будущих действиях и намерениях центрального банка, что помогает рынкам лучше понимать и предсказывать решения монетарных властей;

3. *Повышение прозрачности*: Открытость коммуникации способствует укреплению доверия к монетарной политике и повышению подотчетности центральных банков;

4. *Взаимодействие с различными аудиториями*: Коммуникационные стратегии адаптируются к потребностям различных групп, включая финансовые рынки, домохозяйства и экспертные сообщества;

5. *Стабилизация экономики*: Эффективная коммуникация помогает снизить волатильность на рынках и улучшить результаты монетарной политики, особенно в периоды кризисов.

Предложенное определение является более комплексным, так как оно интегрирует теоретические основы из различных социальных наук, конкретизирует механизмы управления ожиданиями, учитывает двусторонний характер коммуникации, подчеркивает роль прозрачности и доверия, а также необходимость адаптации коммуникации регуляторов к различным аудиториям.

1.3 Концепция методики оценки открытости коммуникационных стратегий центральных банков

Разработка любой научно обоснованной методики оценки, в том числе направленной на измерение открытости коммуникационных стратегий центральных банков, неизбежно сталкивается с фундаментальным вызовом, проистекающим из дуалистической природы самого объекта исследования. С одной стороны, коммуникация предстает как внешне наблюдаемый, эмпирически фиксируемый процесс, воплощенный в конкретных текстах, выступлениях и мероприятиях. С другой стороны, ее подлинная эффективность и «открытость» являются латентными категориями, существующими не столько в материальных артефактах, сколько в субъективном восприятии и интерпретациях многочисленных аудиторий - от финансовых аналитиков до

рядовых домохозяйств. Этот разрыв между объективной доступностью информации и ее субъективной усвояемостью образует центральную проблему для любого измерительного инструментария. Преодоление данного разрыва требует выхода за рамки чисто количественного подсчета публикуемых документов или частоты публичных выступлений руководителей регуляторов. Необходимо конструирование такой многомерной модели, которая была бы способна ухватить не только формальные атрибуты прозрачности, но и качественные параметры, определяющие способность коммуникации достигать своей конечной цели - формирования разделяемого и адекватного понимания намерений и действий регулятора.

Формирование концептуального фундамента для методики оценки открытости коммуникационных стратегий центральных банков требует выхода за рамки констатации их значимости и предполагает переход к системному структурированию самого феномена коммуникации. Такой подход диктуется необходимостью преодоления методологического редукционизма, при котором сложность и многогранность процесса взаимодействия регулятора с общественностью подменяется анализом разрозненных и зачастую сугубо количественных показателей. В этой связи исходным и научно обоснованным шагом выступает построение комплексной типологии коммуникационных практик, которая служила бы не просто таксономическим описанием, а раскрывала бы их сущностную природу через призму выполняемых функций и оказываемого воздействия на ключевой объект монетарного регулирования - ожидания экономических агентов. Функциональный признак позволяет дифференцировать инструментарий коммуникации в зависимости от решаемых задач - будь то разъяснение логики принятых решений, ориентация на будущую траекторию политики или легитимация действий регулятора. Параллельно анализ характера воздействия на ожидания дает возможность классифицировать практики по силе и механизму их влияния на формирование ментальных моделей домохозяйств, компаний и финансовых рынков, что является центральным звеном в передаче монетарных импульсов в реальную экономику. Таким образом,

предлагаемая типология закладывает основу для последующей операционализации понятия «открытость», трансформируя его из умозрительной категории в систему измеряемых параметров, что составляет ядро разрабатываемой методики оценки. На этом представляется уместным предложить типологизацию инструментов коммуникации центральных банков по функциональному признаку и характеру воздействия на ожидания экономических агентов.

1. Разъяснения (Explanations). Данный тип коммуникации является фундаментальным и нацелен на интерпретацию уже принятых решений и текущей экономической ситуации. Его цель – снизить информационную асимметрию, повысить предсказуемость действий регулятора и сформировать адекватное понимание мотивов его политики. Разъяснения переводят сложные экономические процессы и монетарные механизмы на язык, доступный для широкой аудитории. Классическим примером служат пресс-конференции председателя ЕЦБ, следующие за заседаниями Управляющего совета, в ходе которых детально разъясняется логика решения по процентным ставкам, дается оценка рисков для инфляционного прогноза. Другим примером является публикация Банком России «Доклада о денежно-кредитной политике», где содержится расширенная аналитика факторов инфляции и состояния экономики.

2. Декларации о намерениях (Forward Guidance). Этот инструмент представляет собой стратегическую коммуникацию, направленную в будущее, и заключается в сигнализации о вероятных будущих действиях денежно-кредитной политики. Его роль заключается в «заякоривании» ожиданий экономических агентов на среднесрочном и долгосрочном горизонтах, что позволяет снизить волатильность на финансовых рынках и управлять кривой доходности. Например, в период после глобального финансового кризиса 2008 года ФРС США активно использовала качественные и календарные декларации, указывая на намерение сохранять ставки на низком уровне «в течение продолжительного времени» [85]. Банк России, в свою очередь, применяет данный инструмент, формулируя в своих сообщениях «нейтральную» или

«ограничительную» ориентацию политики, тем самым задавая вектор ожиданий [15].

3. *Определение количественных ориентиров (Quantitative Targets).* Наиболее жесткая форма коммуникации, предполагающая публичное объявление конкретных числовых целей, достижению которых регулятор подчиняет свою политику. Это создает прозрачный и измеримый критерий для оценки эффективности деятельности центрального банка, повышая его подотчетность. Ярчайшим примером является режим таргетирования инфляции, когда ЦБ устанавливает и публично объявляет целевой показатель инфляции (например, 4% для Банка России). Другим историческим примером служило таргетирование денежных агрегатов Бундесбанком в Германии. Наличие количественного ориентира дисциплинирует сам регулятор и служит фокальной точкой для формирования инфляционных ожиданий домохозяйств и бизнеса.

4. *Публичные оценки (Public Assessments).* Этот тип коммуникации отличается от разъяснений более широким контекстом и оценочным характером. Речь идет о квалифицированных суждениях представителей ЦБ относительно состояния и перспектив экономики, финансовой стабильности, отраслевых рисков. Эти оценки не обязательно связаны с немедленными монетарными действиями, но формируют информационный фон и влияют на восприятие регулятора как экспертного института. Например, регулярные выступления членов Совета управляющих ФРС с оценками рисков на рынке коммерческой недвижимости или устойчивости корпоративного долга являются формой публичной оценки. Банк России дает подобные оценки в рамках «Обзора финансовой стабильности», где анализирует уязвимости финансового сектора [47].

5. *Двусторонняя коммуникация (Two-Way Communication).* Данный инструмент знаменует переход от парадигмы монолога к диалогу и является методологическим прорывом, обоснованным в настоящем исследовании. Он предполагает не просто передачу сигналов от ЦБ, но и активное получение обратной связи и первичной информации от экономических агентов. Это

позволяет регулятору верифицировать свои гипотезы, корректировать модели прогнозирования и получать репрезентативные «мягкие» данные. Каноническим примером, детально проанализированным в работе, является «Мониторинг предприятий» Банка России - регулярные опросы руководителей компаний нефинансового сектора. Другими форматами являются экспертные сессии, общественные слушания, взаимодействие с академическим и бизнес-сообществом, как это практикует, например, Банк Англии в рамках программ «Агентов Банка Англии».

6. *Антикризисная коммуникация (Crisis Communication)*. Специфический, но критически важный тип коммуникации, активируемый в условиях системного стресса или шоков. Его цель – предотвратить панику, стабилизировать ожидания, разъяснить экстраординарные меры поддержки и сохранить доверие к финансовой системе. Такой коммуникации свойственны повышенная частота, оперативность и упреждающий характер. Хрестоматийным примером служат выступления председателя ФРС Дж. Пауэлла в марте 2020 года в разгар пандемии COVID-19, когда в экстренном порядке анонсировались масштабные программы количественного смягчения и поддержки ликвидности. Банк России аналогично действовал во время кризиса 2022 года, оперативно комментируя вводимые валютные ограничения и меры по санации банковского сектора, что позволило сдержать дестабилизацию. Также иллюстрацией может послужить выступление председателя ЕЦБ Марио Драги в разгар долгового кризиса в зоне евро, когда его лаконичное, но мощное обязательство сделать «все необходимое для сохранения евро» (whatever it takes) оказало мгновенный стабилизирующий эффект на рынки суверенных облигаций, по сути, заменив собой масштабные интервенции [122].

В этом контексте предлагаемая концепция методики оценки открытости сознательно дистанцируется от редукционистских подходов, сводящих открытость к механическому набору дискретных действий. Вместо этого она предлагает рассматривать открытость как комплексное системное качество, возникающее из динамического взаимодействия трех фундаментальных измерений: прозрачности (трансляции информации), доступности (адаптации

формы сообщения) и интерактивности (обратной связи и диалога). Эпистемологической основой такой триангуляции служит синтез идей коммуникативного действия, акцентирующего интересубъективное со-конструирование смысла, и современной институциональной теории, трактующей коммуникативные практики как специализированные механизмы снижения транзакционных издержек, порождаемых когнитивной ограниченностью агентов.

На основе всего вышеизложенного, представляется уместным сформулировать концепцию механизма функционирования денежно-кредитной политики, отражающую сформулированную типологию инструментария коммуникационных стратегий центральных банков, а также их интерактивность, отраженной на рис. 1.1.

Теперь, когда найдено решение вопроса с тем, что оценивать, представляется уместным перейти к ответу на вопрос, как оценивать коммуникационные стратегии центральных банков.

В современных исследованиях широко представлены попытки количественного измерения данных показателей, в частности, и информационной открытости центральных банков в общем. Первой полноценной попыткой анализа прозрачности решений центральных банков может быть назван индекс транспарентности, рассчитанный Н. Динчер и Б. Эйхенгрином в 2014 г. [98]. Также можно отметить аналогичный индекс Аль-Машат [66], разработанный специально для анализа коммуникационных стратегий центральных банков, таргетирующих инфляцию. Вместе с этим существуют исследования, ставящие своей целью оценить влияние вербальных интервенций центральных банков [36, 37, 72]. Наконец, сотрудники Центрального банка Российской Федерации самостоятельно оценили прозрачность отечественного регулятора в рамках Обзора денежно-кредитной политики [15, 16]. Уместно остановиться на каждом из упомянутых методов более подробно.

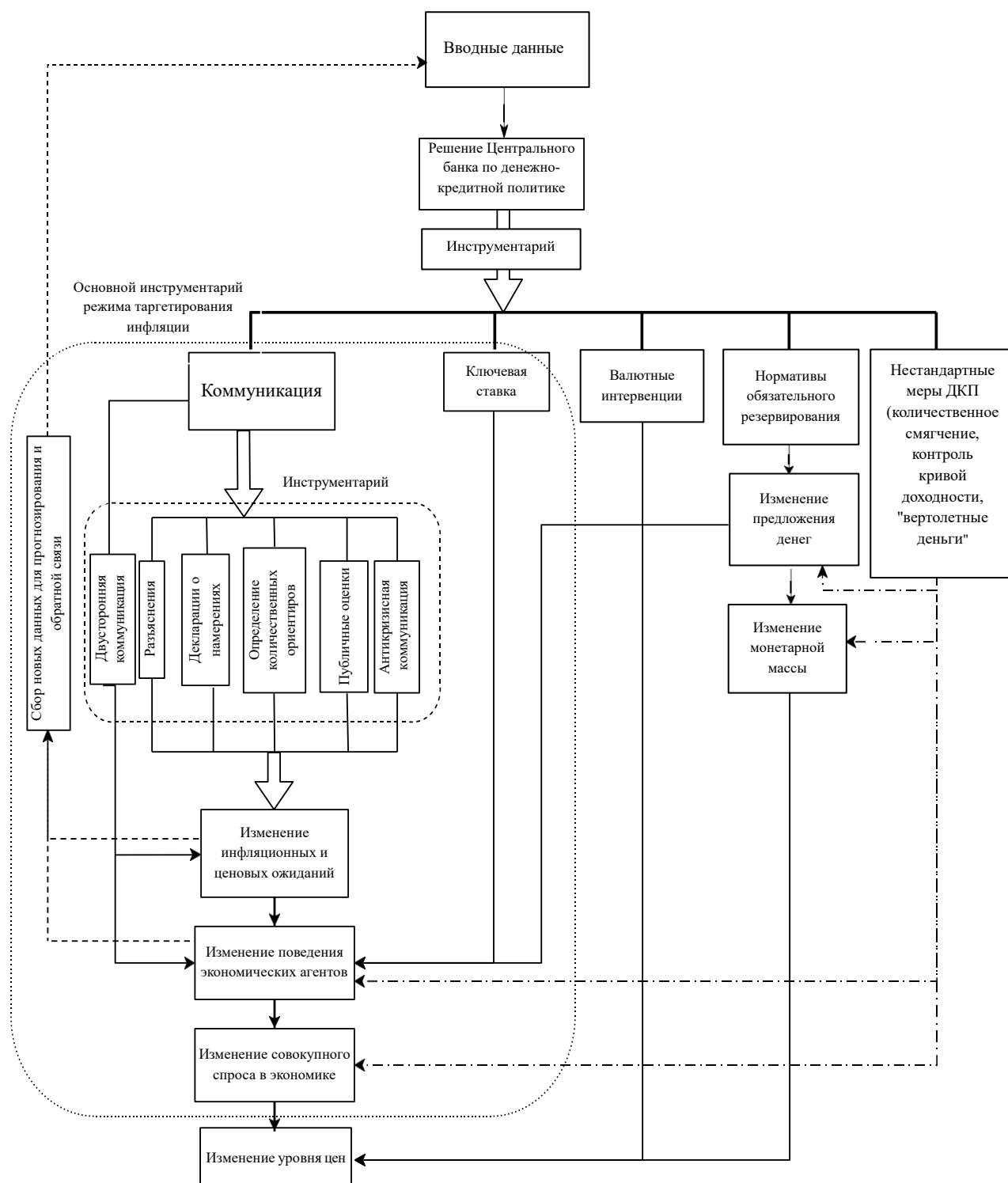

Рисунок 1.1 – Механизм функционирования денежно-кредитной политики с учетом типологизации инструментария коммуникации.

Индекс транспарентности Н. Динчер и Б. Эйхенгрин

Индекс транспарентности (Transparency Index) разработан для оценки степени открытости центральных банков в принятии решений и их коммуникации с общественностью. Он основан на анализе 15 ключевых аспектов, объединенных в пять категорий:

1. Политические цели (четкость формулировки целей (например, таргетирование инфляции), публикация стратегических документов);
2. Экономическая информация (раскрытие данных о макроэкономических показателях (ВВП, инфляция, занятость), публикация прогнозов и моделей);
3. Процедуры принятия решений (прозрачность процесса принятия решений (например, публикация протоколов заседаний), прозрачность процесса принятия решений (например, публикация протоколов заседаний));
4. Подотчетность (наличие механизмов отчетности перед правительством или парламентом, публикация годовых отчетов);
5. Коммуникация (регулярность пресс-конференций и публичных выступлений, использование социальных сетей и других каналов для взаимодействия с общественностью).

Метод расчета: каждый из 15 аспектов оценивается по бинарной шкале (0 или 1), где 1 означает наличие прозрачности по данному критерию. Индекс транспарентности рассчитывается как сумма баллов по всем аспектам, что позволяет сравнивать центральные банки разных стран.

Преимущества: простота и универсальность, возможность сравнения центральных банков на глобальном уровне. Недостатки: Бинарная шкала не учитывает степень раскрытия информации (например, частичное или полное), не учитывает качество коммуникации (например, доступность информации для широкой аудитории).

Индекс коммуникационной прозрачности Аль-Машат

Индекс разработан специально для анализа коммуникационных стратегий центральных банков, таргетирующих инфляцию. Он фокусируется на трех ключевых аспектах:

1. Прозрачность целей (четкость формулировки целей (например, целевой уровень инфляции), публикация стратегических документов);
2. Прозрачность данных (раскрытие данных о макроэкономических показателях (инфляция, ВВП, занятость), публикация прогнозов и моделей);
3. Прозрачность решений (объяснение решений по процентным ставкам, публикация протоколов заседаний).

Метод расчета: каждый аспект оценивается по шкале от 0 до 2, где: 0 - отсутствие прозрачности, 1 - частичная прозрачность, 2 - полная прозрачность. Индекс рассчитывается как среднее значение по всем аспектам.

Преимущества: учет степени раскрытия информации (частичное или полное), фокус на центральных банках, таргетирующих инфляцию. Недостатки: ограниченность тремя аспектами (не учитывает интерактивность и адаптивность), не учитывает качество коммуникации (например, доступность для широкой аудитории).

Оценка ясности коммуникации Банка России

Оценка ясности коммуникации Банка России проводится на основе анализа его коммуникационных практик и сравнения с международными стандартами. Метод включает следующие этапы:

1. Создание лингвистически обоснованной модели на основе 44 характеристик текста, охватывающих синтаксический, лексический, морфологический, фонетический, семантический и дискурсивный уровни;
2. Формирование корпуса текстов из 10 000 размеченных экспертами текстов на русском языке, распределенных по уровням сложности;
3. Обучение нейронной сети класса "Трансформер" на этом корпусе, которая учитывает как текстовые данные, так и лингвистические характеристики;
4. Оценка удобочитаемости текстов Банка России (пресс-релизы, заявления, доклады и аналитические комментарии) с использованием обученной модели;
5. Анализ результатов и выработка рекомендаций по улучшению коммуникации, таких как сокращение использования терминов, упрощение синтаксиса и избегание стилистических недочетов.

Преимущества: высокий потенциал автоматизации оценки, учет качественных характеристик посредством количественного анализа показателей, высокая адаптивность построенной модели к текстам на том же языке. Недостатки: ограниченность лингвистических характеристик с точки зрения качественного анализа, ограниченность построенной модели анализа одним языком, высокие трудозатраты на экспертную оценку крупного корпуса текстов для обучения модели.

Каждый из рассмотренных методов имеет свои преимущества и недостатки. Индекс Динчер и Эйхенгрин подходит для глобального сравнения, но не учитывает качество коммуникации. Индекс Аль-Машат более специализирован, но ограничен в охвате аспектов. Оценка ясности коммуникации Банка России с использованием нейронных сетей предлагает высокую точность, но требует значительных ресурсов. Также все предложенные методы содержат в себе недостатки концептуальной рамки определения коммуникационной стратегии, которые были разобраны выше. Для комплексной оценки коммуникационных стратегий центральных банков необходимо сочетать несколько подходов, учитывая как количественные, так и качественные аспекты коммуникации, в том числе с учетом форм двусторонней коммуникации регуляторов.

Синтез критического анализа существующих оценочных методологий и разработанной многоуровневой типологии коммуникационных инструментов закономерно подводит к следующему этапу исследования — конструированию собственного аналитического инструментария. Преодоление выявленных концептуальных и операциональных ограничений предшествующих индексов требует не эволюционного усовершенствования, а принципиально иного подхода, основанного на холистическом понимании открытости как комплексного системного атрибута. Такой подход имплицитно отрицает саму возможность адекватной оценки через призму как сугубо количественных бинарных показателей, так и исключительно лингвистического анализа текстов, сколь бы изощренным он ни был. В этой связи представляется методологически

необходимым осуществить переход от деконструкции чужих моделей к конструктивному предложению авторской методики, призванной интегрировать в единую систему координат три фундаментальных измерения коммуникационного процесса: институциональную прозрачность, семиотическую доступность и диалогическую интерактивность. Оценка будет вестись по трем аспектам:

Оценка прозрачности (Т)

- Политические цели: четкость формулировки целей (например, таргетирование инфляции) и публикация стратегических документов;
- Экономическая информация: раскрытие данных о макроэкономических показателях (ВВП, инфляция, занятость), публикация прогнозов и моделей;
- Процедуры принятия решений: прозрачность процесса принятия решений (например, публикация протоколов заседаний);
- Подотчетность: наличие механизмов отчетности перед правительством или парламентом, публикация годовых отчетов;
- Коммуникация: регулярность пресс-конференций, использование социальных сетей и других каналов для взаимодействия с общественностью.

Метод: использование шкалы от 0 до 2 (0 — отсутствие прозрачности, 1 — частичная прозрачность, 2 — полная прозрачность) для каждого аспекта. Это позволит учитывать степень раскрытия информации, а не только её наличие. Среднее значение по всем показателям в группе оценки.

Оценка доступности для восприятия (А)

- Удобочитаемость текстов: анализ синтаксической, лексической, морфологической и семантической сложности текстов (пресс-релизы, заявления, доклады);
- Доступность для широкой аудитории: оценка того, насколько тексты понятны не только экспертам, но и широкой публике;
- Адаптивность коммуникации: учет использования различных форматов (видео, инфографика, социальные сети) для адаптации сообщений к разным аудиториям.

Метод: использование нейронных сетей для анализа текстов и оценки их сложности. Оценка адаптивности будет вестись по шкале от 0 до 2 (0 - отсутствие адаптивности, 1 - частичная адаптивность, 2 - полная адаптивность). Среднее значение по всем показателям в группе оценки.

Оценка интерактивности и двусторонней коммуникации (I)

– Опросы и обратная связь: наличие регулярных опросов предприятий, экспертов и населения (например, Мониторинг предприятий Банка России);

– Экспертные сессии и круглые столы: проведение мероприятий с участием академического сообщества, бизнеса и других заинтересованных сторон.

Метод: оценка частоты и репрезентативности таких мероприятий. Использование шкалы от 0 до 2 (0 - отсутствие мероприятий, 1 - наличие мероприятий числом до 4 в год, 2 – наличие мероприятий числом более 4 в год) для каждого аспекта.

Общий индекс открытости коммуникационной стратегии ЦБ (ICS) будет выглядеть следующим образом:

$$ICS = (0,4 \times T) + (0,4 \times A) + (0,2 \times I) \quad (1.1)$$

Где:

- Т - оценка прозрачности (Transparency);
- А - оценка доступности для восприятия (Accessibility);
- I - оценка интерактивности и двусторонней коммуникации (Interactivity).

Индекс ICS может варьироваться от 0 до 2, где:

- 0-0,5: низкий уровень открытости коммуникационной стратегии;
- 0,5-1,0: умеренный уровень открытости коммуникационной стратегии;
- 1,0-1,5: высокий уровень открытости коммуникационной стратегии;
- 1,5-2,0: очень высокий уровень открытости коммуникационной стратегии.

Пример расчета индекса

Предположим, что для некоторого ЦБ были получены следующие оценки:

- Прозрачность (Т): 1,8 (среднее значение по всем критериям прозрачности);

- Доступность (А): 1,5 (среднее значение по всем критериям доступности);
- Интерактивность (І): 1 (сумма значений по критериям интерактивности).

Тогда общий индекс открытости коммуникационной стратегии (ICS) будет рассчитан следующим образом:

$$ICS = (0,4 \times 1,8) + (0,4 \times 1,5) + (0,2 \times 1) = 0,72 + 0,6 + 0,2 = 1,52$$

Такой центральный банк может оцениваться как регулятор, реализующий коммуникационную стратегию с очень высоким уровнем открытости.

Схематично структура индекса представлена на рис. 1.2.

Отдельно имеет смысл остановиться на предложенных весах показателей индекса. Интеграция трех компонентов в сводный индекс ICS с предложенными весовыми коэффициентами является не просто статистической операцией, но актом теоретического выбора, отражающим гипотезу об их относительной важности в формировании общего уровня открытости. Установление равных весов для прозрачности и доступности подчеркивает их симбиотическую связь: исчерпывающая, но невоспринимаемая информация так же неэффективна, как и доступная, но неполная [154]. Прозрачность (публикация решений, прогнозов, протоколов) обеспечивает доверие и снижает информационную асимметрию [119], но без доступности (адаптация языка, мультимедийность) её эффективность резко падает [14]. Равные веса (0,4) отражают взаимозависимость этих компонентов - прозрачность без ясности бесполезна, а упрощение без содержания ведет к манипуляциям. Несколько меньший вес интерактивности не умаляет ее роли, но указывает на ее вторичный, дополняющий характер по отношению к базовым условиям открытости - собственно, диалог становится содержательным лишь при наличии чего-то существенного для обсуждения [34].

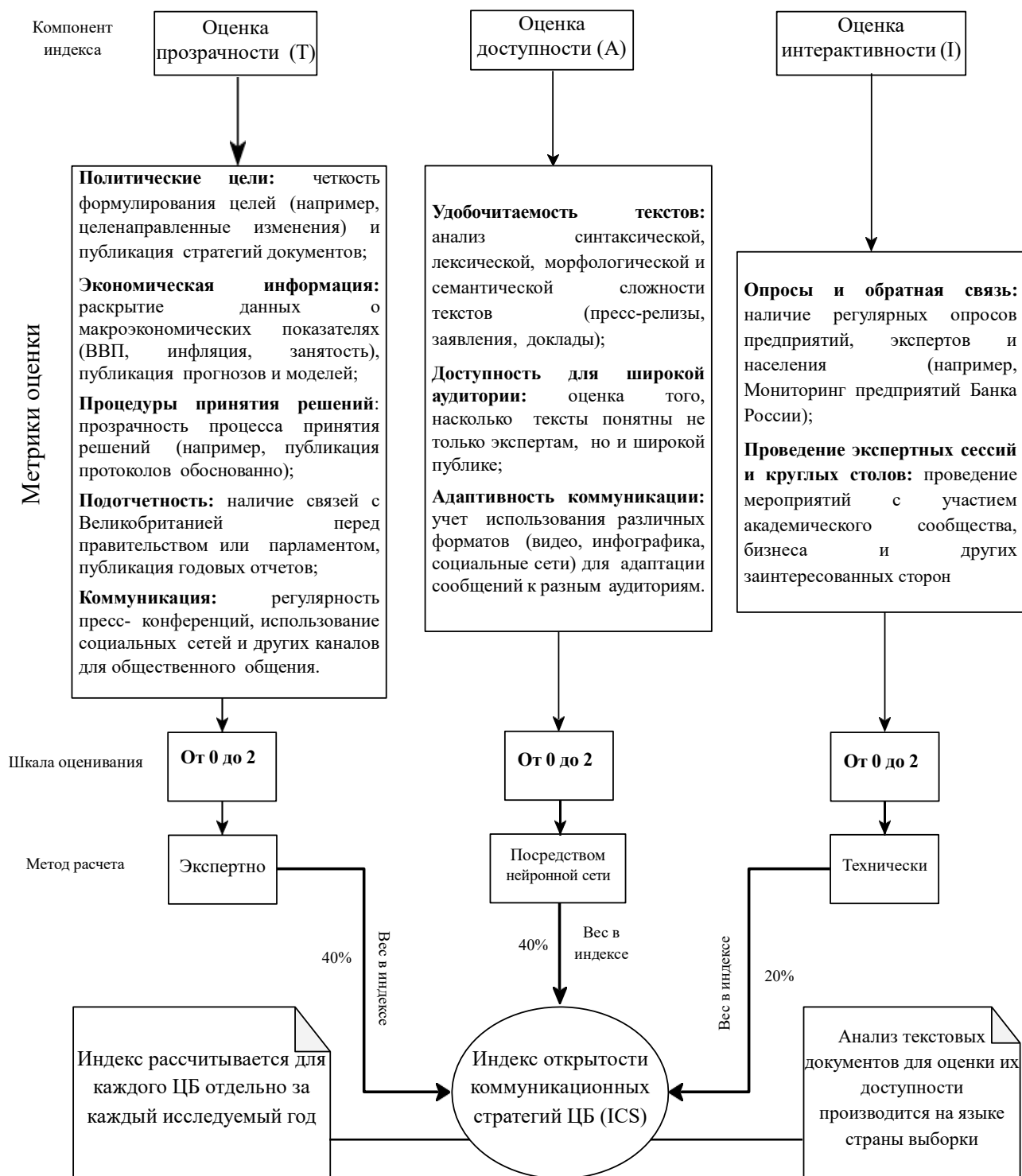

Рисунок 1.2 – Схема расчета индекса открытости коммуникационных стратегий центральных банков

Таким образом, предлагаемая методика представляет собой не просто калькулятор индекса, а целостную аналитическую рамку, позволяющую не только диагностировать текущее состояние коммуникационной стратегии, но и идентифицировать узкие места и векторы ее потенциального развития в условиях усложняющейся медиасреды и растущих требований общества к подотчетности ключевых финансовых институтов.

Особую методологическую сложность представляет операционализация и измерение второго компонента - доступности для восприятия (Accessibility). Если прозрачность может быть оценена через призму наличия или отсутствия определенных классов информации, а интерактивность — через факт проведения диалоговых мероприятий, то доступность находится на стыке лингвистики, когнитивистики и экономической социологии. Традиционные лингвистические метрики, такие как индексы удобочитаемости, хотя и предоставляют объективные количественные данные о синтаксической и лексической сложности текста, зачастую оказываются слепы к его концептуальной и контекстуальной сложности. Текст, формально соответствующий критериям «простоты», может оставаться недоступным для неподготовленного читателя в силу использования специализированных экономических концептов или имплицитных логических связей. С другой стороны, чрезмерное упрощение, граничащее с примитивизацией, способно подорвать доверие к регулятору со стороны профессионального сообщества, создав искаженное представление о глубине проводимого им анализа. Следовательно, задача оценки доступности - это не столько задача измерения простоты, сколько задача оценки адекватности коммуникативного усилия, его соразмерности когнитивным возможностям и информационным потребностям целевых аудиторий.

Предложенный в методике подход к преодолению этой трудности с использованием моделей на основе искусственного интеллекта, обученных на синтетических корпусах текстов разного уровня сложности, представляет собой попытку найти компромисс между объективностью и содержательностью. Такой подход позволяет перейти от интуитивных оценок «понятности» к

воспроизводимому и масштабируемому анализу, минимизируя субъективный фактор. Однако он также порождает новый круг вопросов, связанных с кросс-культурной и кросс-лингвистической валидностью подобных моделей. Семантика «доступности» может существенно варьироваться в разных языковых и культурных средах, что требует тонкой калибровки алгоритмов и учета национальной специфики экономического дискурса. Таким образом, процесс оценки доступности превращается из чисто технической процедуры в комплексное исследовательское предприятие, требующее постоянной верификации результатов и уточнения методологического инструментария.

Для оценки доступности текстов можно было бы использовать стандартные лингвистические метрики (к примеру, индекс Флэша-Кинкейда [128]), которые уже применяются для анализа сложности текстов. Эти метрики могут быть рассчитаны автоматически и не требуют экспертной оценки. Однако, из-за того, что модель должна будет анализировать материал на разных языках, в том числе тех для которых не существует достаточно проработанных стандартных лингвистических метрик – этот способ не подходит.

Использование метода, аналогичного тому, что использовался в исследовании Банка России, также затруднено. Это связано с тем, что для предобучения модели для каждого отдельного языка потребуется привлечения большого числа экспертов для разметки чрезмерно высокого числа текстов. Кросс-язычная калибровка модели с использованием стандартных лингвистических метрик также дает слишком высокие отклонения для анализа материалов на языках разных языковых семей [91].

С учетом вышеизложенного была избрана следующая процедура оценивания доступности коммуникации центральных банков посредством нейронной сети. В качестве материала для обучения модели решено использовать синтетические данные в виде учебников по экономике для обучающихся разного уровня, а также кандидатские диссертации на соответствующем языке. После обучения модель тестируется на специальной выборке текстов, доступность которых можно оценить с привлечением экспертов. Также после оценки моделью

эмпирического материала было решено провести нормализацию оценок для каждого языка посредством z-нормализации. Данный способ позволяет более значимо автоматизировать процесс оценки, а также снизить в исследовании роль экспертизы. Еще одним преимуществом является возможность не ограничиваться для анализа языками, для которых существуют достаточно проработанные стандартные лингвистические метрики.

Выводы к разделу 1

Проведенный в первом разделе анализ теоретико-методологических основ и исторического контекста формирования коммуникационных стратегий центральных банков позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, которые задают концептуальный каркас для последующего эмпирического анализа. Изучение эволюции научных взглядов, концептуальных подходов и методических инструментов оценки выявило сложную, многомерную природу коммуникации регуляторов как феномена, находящегося на стыке экономической теории, финансов, институциональных исследований и социологии.

1. В ходе рассмотрения денежно-кредитной политики как сферы финансовой коммуникации было установлено, что одной из ключевых составляющих контекста, детерминирующим ее развитие, является проблема информационной асимметрии. Изначально рассматриваемая как источник рыночных несовершенств и транзакционных издержек, в условиях современной сложной и рефлексивной экономической системы информационная асимметрия приобрела институциональное измерение, став постоянным фактором взаимодействия между регулятором и экономическими агентами. Это обусловило трансформацию коммуникации из вспомогательной, технической функции по трансляции уже принятых решений в конститутивный, а зачастую и доминирующий элемент монетарного механизма. Было показано, что финансовая коммуникация центрального банка обладает имманентной двойственностью: с одной стороны, она служит каналом передачи фактологических данных, а с другой - обладает перформативной силой, активно

конституируя экономические ожидания и, следовательно, саму реальность, которую призвана описывать. Формируемый регулятором метанарратив становится ключевым инструментом координации действий независимых агентов, а его убедительность и внутренняя непротиворечивость оказывают непосредственное воздействие на макроэкономическую стабильность. Однако цифровая трансформация публичного пространства, фрагментация аудитории и эрозия монополии центрального банка на формирование макроэкономического нарратива порождают новые вызовы, такие как «нарративный резонанс» и «алгоритмическая» информационная асимметрия, существенно усложняя традиционные модели управления финансовыми потоками через ожидания экономических агентов.

2. Анализ эволюции подходов к определению понятия «коммуникационная стратегия» продемонстрировал кардинальный сдвиг в отражении его содержания. От первоначального восприятия в рамках неоклассической парадигмы как пассивного, технического элемента институционального дизайна, коммуникация эволюционировала до статуса самостоятельного и стратегического инструмента денежно-кредитной политики. Данный переход был детерминирован развитием теории рациональных ожиданий, осознанием проблемы динамической непоследовательности оптимальной денежно-кредитной политики и глобальным распространением режима инфляционного таргетирования, в рамках которого управление ожиданиями экономических агентов было эксплицировано как первичный канал трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики. На современном этапе формирования определения «коммуникационных стратегий» наблюдается смещение фокуса с анализа отдельных коммуникативных актов на изучение комплексных стратегий, интегрирующих цели, каналы, аудитории и механизмы обратной связи. Критический анализ существующих трактовок, систематизированных вокруг управления ожиданиями, сигнализирования, повышения прозрачности, взаимодействия с аудиториями и стабилизации экономики, выявил их общий методологический изъян - имплицитную ориентацию на модель

однонаправленной передачи сигналов и информации. Для преодоления этого ограничения в исследовании предложена реконцептуализация коммуникационной стратегии центрального банка на основе теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, что позволило переосмыслить ее как институционализированную практику диалога, нацеленную на достижение intersubjectивного взаимопонимания и совместное конструирование разделяемых смыслов. Это обеспечивает учет не только односторонних, но и двусторонних форматов взаимодействия между монетарными регуляторами и экономическими агентами.

3. Разработка концепции методики оценки открытости коммуникационных стратегий центральных банков стала логическим завершением теоретического анализа и потребовала преодоления дуализма между объективно наблюдаемыми коммуникативными практиками и их субъективным восприятием. В качестве фундамента для операционализации понятия «открытость» была предложена функциональная типология инструментов коммуникации центральных банков, включающая разъяснения, декларации о намерениях, определение количественных ориентиров, публичные оценки, двустороннюю коммуникацию и антикризисную коммуникацию. На основе критического анализа существующих индексов (Динчер-Эйхенгрин, Аль-Машат) и методов (оценка ясности через нейронные сети) был сформулирован авторский подход, в соответствии с которым открытость определяется как системное качество, производное от динамического взаимодействия трех измерений: прозрачности, доступности для восприятия и интерактивности. Предложенный в работе интегральный индекс ICS, рассчитываемый на основе взвешенной суммы оценок по этим компонентам, представляет собой не только измерительный инструмент, но и аналитическую рамку, позволяющую диагностировать состояние коммуникационной стратегии центрального банка и выявлять векторы ее развития. Особое методологическое значение имеет разработанный подход к оценке доступности с использованием нейронных сетей, обученных на синтетических корпусах финансово-экономических текстов, что позволяет

преодолеть ограничения стандартных лингвистических метрик и осуществить кросс-языковой анализ. Установленные весовые коэффициенты отражают теоретическую гипотезу о симбиотической связи прозрачности и доступности как базовых условий эффективной финансовой коммуникации регуляторов, в то время как интерактивность играет принципиальную роль в условиях становления диалоговых форматов.

Таким образом, проведенное в первом разделе исследование позволило не только систематизировать существующие в научной литературе подходы к изучению коммуникационных стратегий центральных банков, но и осуществить концептуальный синтез, преодолевающий ограничения традиционных односторонних моделей. Сформулированный междисциплинарный подход, интегрирующий экономическую теорию, институциональный анализ и теорию коммуникативного действия, а также разработанный на его основе методический инструментарий, создают теоретико-методологический фундамент для последующего эмпирического анализа эволюции и эффективности конкретных коммуникационных стратегий центральных банков в условиях современных вызовов.

Основные результаты исследования, представленные в данном разделе, опубликованы автором в работах [25], [26], [27], [29], [32], [34], [93], [169].

РАЗДЕЛ 2

ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

2.1 Трансформации коммуникационных стратегий центральных банков: закономерности и методика периодизации

Разработка научно обоснованной периодизации эволюции коммуникационных стратегий центральных банков представляет собой фундаментальную задачу данного исследования, позволяющую выявить системные закономерности и движущие силы трансформации взаимодействия монетарных властей с общественностью и финансовыми рынками. В рамках разработки данной периодизации ключевое значение приобретает не просто хронологическое описание сменяющих друг друга практик, но и выявление системных детерминант, обусловивших саму возможность и необходимость подобной трансформации. Исходный тезис данного исследования заключается в том, что наблюдаемые изменения в подходах к коммуникации являются не следствием произвольного выбора или сиюминутных тактических соображений руководства монетарных властей, а закономерным отражением глубинных сдвигов в макроэкономической теории и, что еще более существенно, в операционной парадигме денежно-кредитной политики.

Предлагаемая концепция периодизации основывается на тезисе о том, что изменения в коммуникационных подходах не являются случайными или сугубо ситуативными, а детерминируются глубинными сдвигами в парадигме денежно-кредитной политики и в понимании роли ожиданий экономических агентов. Ключевым критерием для выделения этапов служит функциональное назначение коммуникации: от ее полного отрицания как инструмента политики через утилитарное использование для односторонней передачи сигналов к ее признанию в качестве полноценного инструмента двустороннего взаимодействия, необходимого для формирования и коррекции ожиданий.

Следовательно, предлагаемая периодизация базируется на анализе изменяющейся функциональной нагрузки коммуникации, которая последовательно эволюционировала от статуса потенциально дестабилизирующего фактора, подлежащего минимизации, до статуса полноценного и незаменимого инструмента политики, чья эффективность напрямую определяет достижение провозглашенных макроэкономических целей.

Изначально, в условиях доминирования кейнсианских подходов и относительно простых моделей инфляции, центральный банк воспринимался как технократический институт, чья эффективность напрямую ассоциировалась со степенью его независимости от политического цикла и свободы от сиюминутных реакций рынка. В этой логике коммуникация несла в себе исключительно репутационные и операционные риски, поскольку любое публичное разъяснение мотивов или, тем более, анонсирование будущих действий рассматривалось как добровольный отказ от стратегического преимущества, обеспечиваемого неопределенностью.

Первый выделяемый период, условно охватывающий 1985-1995 годы, характеризуется доминированием закрытых коммуникационных стратегий. На данном этапе в теоретических воззрениях и практиках ведущих центральных банков господствовала концепция, в рамках которой коммуникация рассматривалась не как потенциальный актив, а исключительно как источник непредсказуемых рисков. Идеологическим обоснованием такой позиции служила теория, согласно которой операционная свобода центрального банка максимизируется в условиях минимальной информированности экономических агентов о его намерениях и внутренних дискуссиях. Любое разъяснение мотивов принятых решений или, тем более, анонсирование будущих действий воспринималось как добровольное ограничение собственного маневра и создание неоправданных обязательств. В этой логике центральный банк представал в роли технократического института, чья деятельность по своей природе должна быть ограждена от публичного обсуждения, дабы не поддаваться

сиюминутному политическому давлению или спекулятивным настроениям на рынках.

Таким образом, на первом этапе коммуникация в ее современном понимании была системно не востребована самой моделью денежно-кредитного регулирования. Достижение таких целей, как контроль над денежной массой или поддержание валютного курса в заданном коридоре, осуществлялось преимущественно через прямые интервенции и административные инструменты, не требовавшие активного управления ожиданиями частного сектора. Стратегическая неопределенность становилась осознанным инструментом политики, а знаменитый принцип «никогда не объясняй, никогда не извиняйся» был не просто риторической фигурой, а отражением институциональной нормы. Следовательно, отказ от коммуникации был не следствием недостаточного развития коммуникационных технологий, а продуманной стратегией, проистекавшей из господствующей макроэкономической доктрины и понимания природы инфляционных процессов, в которой инфляционные ожидания не играли самостоятельной роли.

Переход ко второму периоду, эпохе гибридных коммуникационных стратегий (1995-2015 гг.), был инициирован кардинальным пересмотром роли доверия и предсказуемости в проведении денежно-кредитной политики. Ключевым катализатором этой трансформации стало широкое распространение новых режимов денежно-кредитной политики, прежде всего таргетирования монетарной массы, а впоследствии – таргетирования валютного курса. Эти режимы, в отличие от предшествующей практики, предполагали публичное объявление количественного ориентира. Сам по себе этот акт означал революционный сдвиг: центральный банк добровольно брал на себя публичное обязательство, создавая тем самым измеримый критерий для оценки своей деятельности.

Однако провозглашение цели оказалось недостаточным для ее надежного достижения. Эффективность новых режимов оказалась напрямую зависимой от степени доверия к ним со стороны экономических агентов. Если рынки и

общественность не верили в способность или готовность центрального банка удерживать заявленные параметры денежной массы или валютного курса, их рациональное поведение начинало противоречить целям регулятора, что приводило к самоисполняющимся пророчествам и дестабилизации. В этих условиях коммуникация перестала быть факультативной и превратилась в необходимый инструмент укрепления доверия к проводимой политике. Возникла насущная потребность в сигнальной (односторонней) коммуникации, главной функцией которой стало последовательное и настойчивое убеждение аудитории в твердости намерений центрального банка, в его готовности использовать все имеющиеся ресурсы для достижения провозглашенной цели.

На данном этапе коммуникация носит по преимуществу убеждающий и декларативный характер. Ее цель – «заякорить» ожидания, транслируя неизменность курса. Именно в этот период получают распространение такие форматы, как пресс-релизы с объяснением решений, первые инфляционные отчеты и выступления официальных лиц. Коммуникация становится каналом передачи сигнала о приверженности цели, но диалог с аудиторией, учет ее реакции в процессе выработки политики остаются ограниченными. Центральный банк говорит рынку, что он должен думать, но не интересуется тем, что рынок думает на самом деле. Гипотеза, проверяемая в рамках данного исследования, заключается в том, что именно переход к таргетированию инфляции становится ключевым рубежом, детерминирующим движение к следующей, качественно отличной фазе.

Третий период, ознаменованный утверждением открытых коммуникационных стратегий (2015-2025 гг.), знаменует собой принципиальный отход от монолога к диалогу. Промежуточным итогом эволюции монетарной парадигмы на данный момент становится повсеместное принятие режима таргетирования инфляции, который в своей идеальной форме делает инфляционные ожидания центральным объектом управления [76]. В рамках этой модели устойчивое достижение ценовой стабильности невозможно без надежного управления этими ожиданиями [6]. Центральный банк осознает, что

его собственные прогнозы и модели, сколь бы совершенны они ни были, являются неполными без учета реальных представлений, формирующихся в сознании домохозяйств, компаний и финансовых институтов.

Это осознание приводит к кардинальному пересмотру функционального назначения коммуникации. Из инструмента однонаправленного сигнализирования она трансформируется в механизм интерактивного (двустороннего) взаимодействия. Возникает острая необходимость не только транслировать готовые месседжи, но и получать, анализировать и интегрировать обратную связь от экономических агентов. Ценностям прозрачности и предсказуемости добавляется ценность адаптивности. На этом этапе коммуникационная стратегия нацелена на решение двуединой задачи: с одной стороны, продолжать эффективно «заякоривать» долгосрочные ожидания, а с другой – гибко реагировать на их краткосрочные колебания, вызванные шоками и изменением конъюнктуры [78].

Именно на этом этапе получают развитие такие форматы, как системные опросы предприятий и домохозяйств, аналитические обзоры, учитывающие данные этих опросов, публикация различных сценариев и модельных расчетов, а также активное использование цифровых платформ для оперативного взаимодействия. Коммуникация становится источником ценной микро- и макропруденциальной информации, которая напрямую используется для калибровки политических решений. Таким образом, открытая стратегия – это не просто большая прозрачность, это качественно иной тип отношений между центробанком и обществом, основанный на взаимном обмене информацией и признании того, что эффективное управление ожиданиями возможно только в режиме диалога.

Важным аспектом, дополняющим понимание движущих сил этой эволюции, является феномен растущей финансовой сложности. Финансовые рынки во второй половине XX века претерпели значительную структурную трансформацию: произошел взрывной рост производных финансовых инструментов, секьюритизация, развитие высокочастотной торговли и

увеличение доли институциональных инвесторов, чьи решения в высокой степени зависят от прогнозов и сигналов монетарных властей. В этой новой среде традиционные инструменты денежно-кредитного регулирования, такие как интервенции на открытом рынке, оказались недостаточными. Возникла «тонкая настройка» ожиданий, требующая от центрального банка способности влиять не только на текущие цены активов, но и на их будущую дисконтированную стоимость, что напрямую зависит от траектории, закладываемой в ожидания участников рынка. Следовательно, коммуникация превратилась в своего рода «мягкий» инструмент политики, позволяющий управлять стоимостью кредита и финансовыми условиями на более длительных горизонтах, не прибегая к частым и потенциально дестабилизирующим операциям.

Параллельно с этим развивалась и теоретическая мысль, обосновывавшая возрастающую роль коммуникации. Если в ранних теоретических моделях неопределенность считалась фактором, ограничивающим эффективность политики, то позднее, в рамках теории рациональных ожиданий и принципа временной несогласованности, она стала рассматриваться как источник инфляционного смещения. Рациональные экономические агенты, ожидая возможность отступления центрального банка от заявленных целей под давлением краткосрочных выгод (например, стимулирования занятости), немедленно закладывают премию за риск в свои инфляционные ожидания. Это приводит к хронически завышенной инфляции без какого-либо выигрыша в реальном секторе. Коммуникация, направленная на убеждение в приверженности цели, стала инструментом решения этой проблемы временной несогласованности, позволяя центральному банку сделать свои обязательства более надежными и заслуживающими доверия.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и влияние глобализации капитала. Интеграция финансовых рынков означала, что решения даже среднего по значимости центрального банка стали оказывать трансграничное воздействие, привлекая внимание международных инвесторов. Это создало дополнительный стимул к повышению прозрачности, так как непредсказуемость начала

ассоциироваться с повышенными рисками и могла приводить к резким оттокам капитала. Коммуникация стала элементом интеграции национальной финансовой системы в глобальную, способом сигнализировать о своей предсказуемости и надежности для международного инвестиционного сообщества.

Предложенная трехэтапная концепция периодизации - от стратегической закрытости через утилитарное сигнализирование к системному интерактивному взаимодействию - образует теоретический каркас для последующего эмпирического анализа. Каждый этап знаменует собой ступень в осознании того, что в современной экономике центральный банк не может быть «технократом в башне из слоновой кости»; он вынужден становиться активным участником публичного дискурса, постоянно доказывая свою состоятельность в роли гаранта ценовой стабильности и управляя самым хрупким своим активом - общественным доверием. Схематически она может быть представлена следующим образом (рис. 2.1).

Она позволяет интерпретировать наблюдаемые изменения в коммуникационных практиках не как разрозненные события, а как проявление единой логики эволюции денежно-кредитной политики, в центре которой находится растущее понимание критической роли ожиданий и доверия. Последующие параграфы данного раздела будут посвящены верификации данной концепции на обширном фактическом материале, позволяющем проследить, как общетеоретические закономерности преломлялись в конкретных исторических и институциональных условиях деятельности центральных банков, составляющих репрезентативную выборку данного исследования.

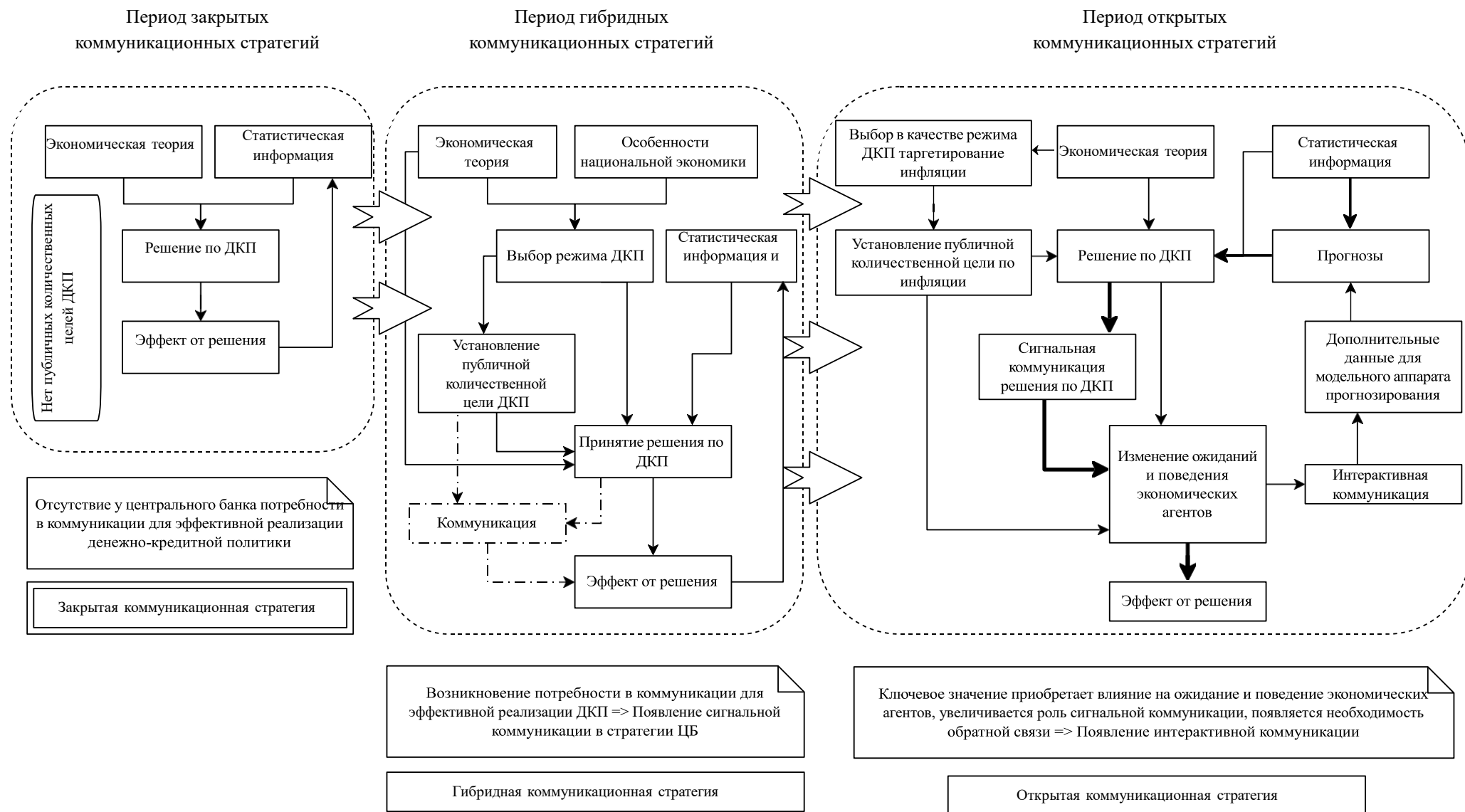

Рисунок 2.1 – Периодизация трансформации коммуникационных стратегий центральных банков

О выборке эмпирического исследования

Теперь необходимо подробнее рассмотреть вопрос формирования выборки для анализа коммуникационных стратегий центральных банков в данном диссертационном исследовании. Несмотря на то, что предложенный метод исследования позволяет более автоматизированно обрабатывать эмпирический материал, изучение коммуникационной стратегии центральных банков стран за последние 40 лет всё равно остается весьма трудозатратным, особенно в отношении сбора эмпирического материала. Ввиду этого, обработать всю генеральную совокупность предмета исследования не представляется возможным. Для изучения было решено остановиться на выборке из 15 центральных банков. С целью обеспечения репрезентативности выборки были установлены следующие квоты:

1) Не менее 7 центральных банков стран с развивающимися рынками и не менее 8 банков стран с развитыми экономиками;

2) Не менее 7 центральных банков стран, где английский не является официальным языком и не менее 7 стран с разными языками в статусе официальных;

3) Не менее чем по 1 центральному банку из стран Африки, Ближнего Востока и Океании, не менее чем по 2 банка из стран Латинской и Северной Америки, не менее чем по 3 банка из стран Европы, Азии;

4) Не менее 3 центральных банков, не практикующих таргетирование инфляции.

Такие квоты были установлены по нескольким причинам. Центральные банки стран с развитыми и развивающимися экономиками сталкиваются с разными вызовами и задачами. В развитых странах, как правило, более стабильные экономические условия, тогда как в развивающихся странах могут быть более высокие уровни инфляции, волатильность валютных курсов и другие макроэкономические риски. Это позволяет исследовать, как коммуникационные стратегии адаптируются к различным экономическим условиям. Также в развитых странах центральные банки часто имеют более длительную историю

независимости и прозрачности, тогда как в развивающихся странах эти институты могут быть менее независимыми и более подверженными политическому влиянию. Это важно для понимания того, как институциональные различия влияют на коммуникационные стратегии.

Коммуникационные стратегии центральных банков могут существенно различаться в зависимости от языковых и культурных особенностей. Включение стран с разными языками позволяет учесть, как языковые барьеры и культурные особенности влияют на коммуникацию с общественностью и рынками. В странах, где английский не является официальным языком, доступ к информации о коммуникационных стратегиях может быть ограничен для международной аудитории. Это важно для понимания, как центральные банки адаптируют свои коммуникационные стратегии для разных аудиторий. Включение стран с разными языками обеспечивает глобальную репрезентативность выборки, что позволяет сделать выводы, применимые к различным регионам мира.

Включение центральных банков из разных регионов мира позволяет учесть региональные особенности в коммуникационных стратегиях. Например, центральные банки в Африке могут сталкиваться с уникальными вызовами, такими как высокая инфляция или политическая нестабильность, тогда как в Европе акцент может быть сделан на интеграцию в рамках ЕС [68]. Разные регионы имеют свои специфические экономические условия и вызовы. Например, в Латинской Америке центральные банки часто сталкиваются с проблемами высокой инфляции и валютной нестабильности, тогда как в Азии акцент может быть сделан на экспортно-ориентированную экономику. Установление квот по регионам обеспечивает баланс в выборке, что позволяет избежать перекоса в сторону какого-либо одного региона и сделать выводы более универсальными.

Таргетирование инфляции является одним из ключевых факторов, влияющих на коммуникационные стратегии центральных банков. Включение центральных банков, которые не практикуют таргетирование инфляции, позволяет сравнить, как разные режимы денежно-кредитной политики влияют на

коммуникацию. Основная гипотеза исследования заключается в том, что переход к таргетированию инфляции детерминирует движение к более открытым коммуникационным стратегиям. Включение центральных банков, которые не практикуют таргетирование инфляции, позволяет проверить эту гипотезу и выявить, действительно ли таргетирование инфляции является ключевым фактором. Таким образом, была составлена выборка центральных банков различных стран (табл. 2.1).

Таблица 2.1 – Выборка центральных банков.

№	Страна	ЦБ	Регион	Язык*	Рынок	Таргетирует ли инфляцию
1	Австралия	Резервный банк Австралии	Океания	Английский	Развитый	Да
2	Аргентинская Республика	Центральный банк Аргентины	Латинская Америка	Испанский	Развивающийся	Нет
3	Европейский Союз**	Европейский центральный банк	Европа	Английский	Развитый	Да
4	Канада	Банк Канады	Северная Америка	Английский	Развитый	Да
5	Китайская Народная Республика	Народный банк Китая	Азия	Китайский	Развивающийся	Нет
6	Королевство Саудовская Аравия	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	Ближний Восток	Арабский	Развивающийся	Нет
7	Российская Федерация***	Центральный банк Российской Федерации****	Европа / Азия	Русский	Развивающийся	Да
8	Соединенные Штаты Америки	Федеральная резервная система	Северная Америка	Английский	Развитый	Да
9	Соединенное Королевство	Банк Англии	Европа	Английский	Развитый	Да
10	Турецкая Республика	Центральный банк Республики Турция	Европа / Азия	Турецкий	Развивающийся	Да
11	Федеративная Республика Бразилия	Центральный банк Бразилии	Латинская Америка	Португальский	Развивающийся	Да
12	Швейцарская Конфедерация	Швейцарский национальный банк	Европа	Немецкий	Развитый	Да
13	Южно-Африканская Республика	Южно-Африканский резервный банк	Африка	Английский	Развивающийся	Да
14	Япония	Банк Японии	Азия	Японский	Развитый	Да
15	Республика Индия	Резервный банк Индии	Азия	Английский	Развивающийся	Да

Примечание: * - при наличии двух и более официальных языков указан язык, который будет использоваться для анализа; ** - Европейский союз не является страной, однако его денежно-кредитная политика отличается высокой степенью централизованности, что позволяет анализировать ЕЦБ наравне с центральными банками

полноценных стран; *** - до 1991 года Союз Советских Социалистических Республик; **** - до 1987 года Государственный банк СССР, с 1987 по 1991 – Центральный банк Советского Союза.

Эмпирический анализ, представленный в последующих подразделах, базируется на последовательном применении сравнительно-исторического метода, ориентированного на выявление магистральных траекторий эволюции коммуникационных практик центральных банков в их институциональном и макроэкономическом контексте. Методологической основой исследования выступает предложенная трехуровневая периодизация, которая служит не просто хронологическим каркасом, но и системой координат для интерпретации наблюдаемых изменений. Эмпирическая верификация концепции осуществляется через призму качественного анализа конкретных форматов и инструментов коммуникации, используемых регуляторами на каждом из выделенных этапов.

Практическая реализация исследовательской задачи потребовала изучения обширного корпуса исторических данных, документов и официальных сообщений центральных банков, входящих в разработанную выборку. Основное внимание было сосредоточено на идентификации наличия или отсутствия, а также на анализе содержательного наполнения ключевых каналов взаимодействия с публикой и финансовыми рынками. В фокусе находились такие институционализированные форматы, как публикация решений по процентным ставкам с сопутствующей аргументацией, проведение пресс-конференций по итогам заседаний руководящих органов, раскрытие протоколов этих заседаний, регулярный выпуск специализированных отчетов (в первую очередь, инфляционных), а также организация системных опросов предприятий и экспертного сообщества для получения обратной связи. Для каждого центрального банка и для каждого хронологического периода была составлена характеристика, фиксирующая состояние его коммуникационного ландшафта.

Анализ первого периода, характеризующегося доминированием закрытых стратегий, был направлен на документирование и осмысление феномена институциональной молчаливости. Эмпирическая работа на этом этапе

заклучалась не только в констатации отсутствия современных коммуникационных практик, но и в реконструкции идеологических и операционных оснований такой позиции. Исследование показало, что отказ от развернутой публичной коммуникации не был следствием технической отсталости или неразвитости медиа-инфраструктуры, а представлял собой осознанную доктринальную установку, проистекавшую из специфического понимания независимости центрального банка и природы инфляционных процессов. Сравнительный анализ позволил выявить удивительное единообразие в коммуникационных подходах регуляторов, принадлежащих к разным экономическим системам и географическим регионам, что подтвердило тезис о глобальном доминировании определенной макроэкономической парадигмы в тот исторический момент.

Переход ко второму, гибричному этапу потребовал более тонкого аналитического инструментария, поскольку объектом изучения стало не отсутствие, а зарождение и постепенное усложнение коммуникационных активностей. Эмпирическое исследование было сфокусировано на выявлении триггеров, обусловивших начало трансформации, и на траекториях адаптации различных центральных банков к новым вызовам. Особое внимание уделялось анализу того, как смена режима денежно-кредитной политики, в частности, переход к таргетированию монетарных агрегатов или инфляции, детерминировала необходимость введения новых форматов коммуникации. Изучалась эволюция содержания публичных заявлений и отчетов: от лаконичных деклараций о намерениях к более развернутым объяснениям, призванным не просто информировать, но и целенаправленно формировать ожидания экономических агентов. На этом этапе исследование зафиксировало нарастающую дифференциацию в скорости и глубине коммуникационных преобразований между центральными банками развитых и развивающихся экономик, что позволило говорить о возникновении качественно различных моделей гибридности.

Эмпирическое исследование современного периода, отмеченного утверждением открытых стратегий, являлось наиболее комплексным и многогранным. Его ключевой задачей стал анализ перехода от монолога к диалогу, от односторонней передачи сигналов к интерактивному двустороннему взаимодействию. Это потребовало изучения не только традиционных каналов коммуникации, но и новых цифровых платформ, таких как официальные аккаунты в социальных сетях, подкасты, мобильные приложения и интерактивные дашборды. Анализовалась не только частота и объем коммуникации, но и ее качественные характеристики: степень адаптации сложной технической информации для широкой аудитории, использование элементов визуализации и геймификации, вовлеченность в публичную дискуссию с представителями бизнеса и гражданского общества.

Сравнительный подход, применяемый на протяжении всего эмпирического анализа, был реализован не как механическое сопоставление списков практик, а как выявление системных закономерностей и уникальных национальных особенностей. Он позволил продемонстрировать, как общемировые тренды, такие как цифровизация и растущие требования к прозрачности, преломляются в специфических институциональных, политических и культурных контекстах деятельности различных центральных банков. Таким образом, эмпирическая часть работы представляет собой не просто хронологическое описание событий, а целостную интерпретацию эволюции коммуникационных стратегий как рефлексии глубинных трансформаций в теории и практике денежно-кредитного регулирования.

2.2 Закрытые коммуникационные стратегии центральных банков (1985-1995 гг.)

В 1980-е и 1990-е годы коммуникационные стратегии центральных банков многих стран характеризовались высокой степенью закрытости. Это было связано с рядом факторов, включая стремление избежать рыночных шоков, защитить свободу действий центральных банков и ограничить реакцию рынков

на их решения. В этот период центральные банки редко публиковали подробные экономические данные, не проводили пресс-конференций и избегали публичных комментариев о своих решениях. Рассмотрим конкретные примеры закрытых коммуникационных стратегий центральных банков из выборки, основываясь на форматах коммуникации, предложенных ранее (публикация аргументации решений, пресс-конференции, протоколы заседаний, инфляционные отчеты, опросы предприятий и экспертов и т.д.).

В 1980-е годы ФРС США (осуществляет свою деятельность на основании Закона о Федеральной резервной системе 1913 года [108]) была известна своей закрытостью. До 1994 года ФРС не публиковала решения по процентным ставкам сразу после заседаний Федерального комитета по открытым рынкам (FOMC). Решения становились известны только через несколько недель или месяцев, что создавало высокую неопределенность на финансовых рынках. ФРС также не публиковала протоколы заседаний, что делало процесс принятия решений непрозрачным для общественности и рынков [149]. Пресс-конференции после заседаний FOMC не проводились, а публичные выступления председателя ФРС Алана Гринспена были намеренно неясными, чтобы избежать излишней реакции рынков [81]. Инфляционные отчеты и прогнозы также не публиковались, что затрудняло понимание долгосрочных целей монетарной политики [118].

Сводка по коммуникации Федеральной резервной системы США (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала до 1994 года;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

Банк Англии (осуществляет свою деятельность на основании Закона о Банке Англии 1998 года [70]) в 1980-е годы также придерживался закрытой коммуникационной стратегии. Руководители банка избегали публичных

комментариев, а первый пресс-секретарь Банка Англии получил инструкцию «держать Банк подальше от прессы, а прессу — подальше от Банка» [86]. М. Норман, возглавлявший Банк Англии в 1920-1940-е годы, стал автором афоризма «никогда не объясняй, никогда не извиняйся», который оставался актуальным и в 1980-е годы. Банк Англии не публиковал протоколы заседаний и не проводил пресс-конференций, что делало его политику непрозрачной для рынков и общественности. Такая закрытость была обусловлена желанием сохранить независимость и избежать политического давления.

Сводка по коммуникации Банка Англии (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

В 1980-е и 1990-е годы Банк Японии (осуществляет свою деятельность на основании Закона №89 о Банке Японии 1997 года [71]) также отличался закрытостью в коммуникации. Решения по денежно-кредитной политике не сопровождались подробными объяснениями, а публичные выступления руководителей банка были редкими. Банк Японии не публиковал протоколы заседаний и не проводил пресс-конференций, что делало его политику непрозрачной для рынков и общественности. В условиях экономического бума и последующего кризиса 1990-х годов такая закрытость приводила к недоверию со стороны инвесторов и экономических агентов. Банк Японии также не раскрывал свои макроэкономические модели и прогнозы, что затрудняло понимание его политики [87].

Сводка по коммуникации Банка Японии (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;

- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

В 1980-е годы Центральный банк Аргентины (осуществляет свою деятельность на основании Закона № 24.144 - «Органический устав Центрального банка Аргентинской Республики» 1964 года [89]) был крайне закрытым институтом. В условиях высокой инфляции и экономической нестабильности банк не публиковал подробные экономические данные и не раскрывал свои стратегические цели. Коммуникация с общественностью и рынками была минимальной, что усугубляло недоверие к монетарной политике. Центральный банк Аргентины также не проводил пресс-конференций и не публиковал протоколы заседаний, что делало его политику непрозрачной. Инфляционные отчеты и прогнозы также не публиковались, а взаимодействие с экспертным сообществом было минимальным [172].

Сводка по коммуникации Центрального банка Аргентины (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

В 1980-е и 1990-е годы Народный банк Китая (осуществляет свою деятельность на основании Закона Китайской Народной Республики о Народном банке Китая 1993 года [135]) был крайне закрытым. В условиях плановой экономики и позднее в период перехода к рыночной экономике НБК не публиковал подробные данные о своей денежно-кредитной политике. Решения принимались без публичных объяснений, а коммуникация с рынками и общественностью была минимальной. НБК также не раскрывал свои макроэкономические модели и прогнозы, что затрудняло понимание его

политики. Пресс-конференции и публичные выступления руководителей банка были редкими, а опросы предприятий и экспертов не проводились [133].

Сводка по коммуникации Народного банка Китая (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

В 1990-е годы, после распада СССР, Центральный банк Российской Федерации (осуществляет свою деятельность на основании Конституции Российской Федерации [44] и Федерального закона № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» 2002 года [22]) также придерживался закрытой коммуникационной стратегии. В условиях экономического кризиса и высокой инфляции ЦБ РФ не публиковал подробные экономические данные и не раскрывал свои стратегические цели. Коммуникация с общественностью и рынками была минимальной, что усугубляло недоверие к монетарной политике. Банк России также не проводил пресс-конференций и не публиковал протоколы заседаний, что делало его политику непрозрачной. Инфляционные отчеты и прогнозы также не публиковались, а взаимодействие с экспертным сообществом было минимальным [8, 171].

Сводка по коммуникации Госбанка СССР \ Банка России (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились

В 1980-е и 1990-е годы Агентство денежного обращения Саудовской Аравии (АДО СА) (осуществляет свою деятельность на основании Закона о

Центральном банке Саудовской Аравии, изданного Королевским указом № М/86 1957 года [170]) также отличалось закрытостью. В условиях привязки саудовского риала к доллару США АДО СА не публиковало подробные данные о своей денежно-кредитной политике. Решения принимались без публичных объяснений, а коммуникация с рынками и общественностью была минимальной. АДО СА также не раскрывало свои макроэкономические модели и прогнозы, что затрудняло понимание его политики. Пресс-конференции и публичные выступления руководителей банка были редкими, а опросы предприятий и экспертов не проводились [106].

Сводка по коммуникации Агентства денежного обращения Саудовской Аравии (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

В 1980-е и 1990-е годы Резервный банк Индии (РБИ) (осуществляет свою деятельность на основании Закона о Резервном банке Индии 1934 года [152]) также придерживался закрытой коммуникационной стратегии. В условиях экономических реформ и либерализации РБИ не публиковал подробные данные о своей денежно-кредитной политике. Решения принимались без публичных объяснений, а коммуникация с рынками и общественностью была минимальной. РБИ также не раскрывал свои макроэкономические модели и прогнозы, что затрудняло понимание его политики. Пресс-конференции и публичные выступления руководителей банка были редкими, а опросы предприятий и экспертов не проводились [125].

Сводка по коммуникации Резервного банка Индии (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;

- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

В 1980-е и 1990-е годы Центральный банк Бразилии (осуществляет свою деятельность на основании Закона № 4.595 1964 года [136]) также отличался закрытостью. В условиях высокой инфляции и экономической нестабильности банк не публиковал подробные экономические данные и не раскрывал свои стратегические цели. Коммуникация с общественностью и рынками была минимальной, что усугубляло недоверие к монетарной политике. Центральный банк Бразилии также не проводил пресс-конференций и не публиковал протоколы заседаний, что делало его политику непрозрачной. Инфляционные отчеты и прогнозы также не публиковались, а взаимодействие с экспертным сообществом было минимальным [75].

Сводка по коммуникации Центрального банка Бразилии (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

В 1980-е и 1990-е годы Южно-Африканский резервный банк (ЮАРБ) (осуществляет свою деятельность на основании Закона № 90 о Южно-Африканском резервном банке 1989 года [160]) также придерживался закрытой коммуникационной стратегии. В условиях политической нестабильности и экономических санкций ЮАРБ не публиковал подробные данные о своей денежно-кредитной политике. Решения принимались без публичных объяснений, а коммуникация с рынками и общественностью была минимальной. ЮАРБ также не раскрывал свои макроэкономические модели и прогнозы, что затрудняло понимание его политики [123]. Такая закрытость была обусловлена

желанием избежать критики со стороны общественности и политиков, но она также приводила к нестабильности на финансовых рынках.

Сводка по коммуникации Южно-Африканского резервного банка (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

Европейский центральный банк (ЕЦБ) был создан только в 1998 году (осуществляет свою деятельность на основании Протокола № 4 об Уставе Европейской системы центральных банков и Европейского центрального банка [92]), поэтому в 1980-е и большую часть 1990-х годов его не существовало. Однако до создания ЕЦБ денежно-кредитная политика в Европе осуществлялась национальными центральными банками, которые также отличались закрытостью. Например, Бундесбанк Германии, который был одним из самых влиятельных центральных банков в Европе, не публиковал протоколы заседаний и не проводил пресс-конференций. Решения по процентным ставкам и другим аспектам денежно-кредитной политики не сопровождались подробными объяснениями, что делало политику непрозрачной для общественности и рынков [141]. По вышеописанным причинам, сводка по коммуникации Европейского центрального банка составлена не будет.

В 1980-е и 1990-е годы Банк Канады (осуществляет свою деятельность на основании Закона о Банке Канады 1985 года [69]) также придерживался закрытой коммуникационной стратегии. Решения по процентным ставкам не публиковались сразу после заседаний, а протоколы заседаний и подробные объяснения политики отсутствовали. Банк Канады не проводил пресс-конференций и не публиковал инфляционные отчеты, что делало его политику

непрозрачной для общественности и рынков. Взаимодействие с экспертным сообществом было минимальным, а опросы предприятий не проводились [148].

Сводка по коммуникации Банка Канады (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

Швейцарский национальный банк (ШНБ) (осуществляет свою деятельность на основании Федерального закона о Швейцарском национальном банке 2003 года [107]) в 1980-е и 1990-е годы также отличался закрытостью. Решения по процентным ставкам и другим аспектам денежно-кредитной политики не сопровождались подробными объяснениями, а протоколы заседаний не публиковались. ШНБ не проводил пресс-конференций и не публиковал инфляционные отчеты, что делало его политику непрозрачной для общественности и рынков. Взаимодействие с экспертным сообществом было минимальным, а опросы предприятий не проводились [67].

Сводка по коммуникации Швейцарского национального банка (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

В 1980-е и 1990-е годы Резервный банк Австралии (РБА) (осуществляет свою деятельность на основании Закона о Резервном банке 1959 года [151]) также придерживался закрытой коммуникационной стратегии. Решения по процентным ставкам не публиковались сразу после заседаний, а протоколы

заседаний и подробные объяснения политики отсутствовали. РБА не проводил пресс-конференций и не публиковал инфляционные отчеты, что делало его политику непрозрачной для общественности и рынков. Взаимодействие с экспертным сообществом было минимальным, а опросы предприятий не проводились [156].

Сводка по коммуникации Резервного банка Австралии (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

В 1980-е и 1990-е годы Центральный банк Турции (ЦБТ) (осуществляет свою деятельность на основании Закона № 1211 о Центральном банке Турецкой Республики 1970 года [168]) придерживался закрытой коммуникационной стратегии. Решения по процентным ставкам и другим аспектам денежно-кредитной политики не сопровождались подробными объяснениями, а протоколы заседаний не публиковались. ЦБТ не проводил пресс-конференций и не публиковал инфляционные отчеты, что делало его политику непрозрачной для общественности и рынков. Взаимодействие с экспертным сообществом было минимальным, а опросы предприятий не проводились. Такая закрытость была обусловлена желанием избежать критики со стороны общественности и политиков, но она также приводила к нестабильности на финансовых рынках.

Сводка по коммуникации Центрального банка Турции (с 1985 по 1995):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: отсутствовала;
- Пресс-конференции: не проводились;
- Протоколы заседаний: не публиковались;
- Инфляционные отчеты: отсутствовали;
- Опросы предприятий и экспертов: не проводились.

Данный раздел мог закономерно показаться несколько однообразным. Тем не менее, зафиксировать отсутствие коммуникации со стороны регуляторов представляется необходимым. Подводя промежуточный итог, в период 1980-х - 1990-х годов центральные банки активно прибегали к закрытым коммуникационным стратегиям, что было обусловлено рядом факторов, связанных как с особенностями экономической среды, так и с необходимостью сохранения стабильности финансовых рынков. В условиях высокой волатильности и нестабильности, характерных для этого периода, центральные банки стремились минимизировать риски, связанные с непредсказуемой реакцией рынков на их действия. Открытость в коммуникациях могла привести к спекуляциям, усилению паники среди инвесторов и дестабилизации экономической ситуации. Поэтому закрытость воспринималась как инструмент контроля над информационными потоками, позволяющий регуляторам сохранять гибкость в принятии решений и избегать излишнего давления со стороны общественности и политических кругов [78].

Характерные черты закрытых коммуникационных стратегий центральных банков:

1. Ограниченный доступ к информации: регуляторы сознательно ограничивают распространение информации о своих решениях, планах и внутренних обсуждениях. Это касается как текущей монетарной политики, так и прогнозов на будущее;
2. Минимализм в публичных заявлениях: коммуникация центральных банков часто сводится к кратким и общим формулировкам, чтобы избежать двусмысленности или неправильной интерпретации со стороны рынков;
3. Использование закрытых каналов связи: информация передается через узкий круг доверенных лиц или организаций, таких как крупные банки, финансовые институты или правительственные структуры;
4. Отсутствие четких ориентиров: центральные банки избегают публичного установления конкретных целей или временных рамок для своих действий, чтобы сохранить гибкость в принятии решений.

5. Контроль над утечками информации: регуляторы активно работают над предотвращением утечек, так как даже незначительная информация может вызвать нежелательные колебания на рынках;

6. Реактивный характер коммуникации: центральные банки чаще реагируют на события, чем проактивно информируют о своих планах. Это позволяет им адаптироваться к изменяющимся условиям без излишнего давления со стороны общественности;

7. Использование технического языка: В публичных заявлениях монетарные власти часто используют сложный и специализированный язык, который затрудняет понимание для широкой аудитории;

8. Ограниченное взаимодействие с медиа: регуляторы минимизируют контакты с прессой и другими СМИ, чтобы избежать искажения информации и нежелательного внимания;

9. Фокус на стабильности: Основная цель закрытых коммуникаций - поддержание стабильности на финансовых рынках и предотвращение паники среди инвесторов;

10. Конфиденциальность внутренних процессов: Решения принимаются в узком кругу, а протоколы и материалы заседаний, как правило, не публикуются или становятся доступными только спустя длительное время.

Одной из ключевых причин выбора закрытых стратегий была необходимость предотвращения манипуляций на рынке. В условиях, когда решения регуляторы могли существенно повлиять на курсы валют, процентные ставки и другие ключевые экономические показатели, утечка информации могла спровоцировать необоснованные колебания на финансовых рынках. Например, в 1980-х годах ФРС США нередко сталкивалась с ситуациями, когда слухи о возможных изменениях монетарной политики вызывали резкие скачки на рынке облигаций и валютных операциях [105]. Это вынуждало регулятор действовать более осторожно и ограничивать доступ к информации даже для ближайшего круга аналитиков и экспертов.

Установка управляющего Банком Англии М. Нормана «Никогда не объясняй, никогда не извиняйся» [86] представляла собой не просто личное кредо, а институциональную норму, нацеленную на создание сакрального ореола вокруг центрального банка, чьи решения были подобны решениям оракула – не подлежащими обсуждению, а лишь интерпретации. Однако наиболее изощренное развитие эта стратегия получила в эпоху А. Гринспена. Его знаменитый афоризм «Если вы меня поняли – то вы меня не поняли», часто трактуемый как курьез, на самом деле является блестящим образцом риторики контр-прозрачности. Это высказывание было метакоммуникационным посланием: оно прямо информировало рынки о том, что их попытки декодировать сигналы ФРС заведомо тщетны. Подобный дискурс целенаправленно конструировал реальность, в которой центральный банк был единственным агентом, обладающим всей полнотой информации, а рынки пребывали в состоянии продуктивной неопределенности, вынужденные гадать о намерениях регулятора. Это не было отсутствием коммуникации; это была специфическая форма коммуникации, использующая двусмысленность в качестве инструмента сдерживания спекулятивного поведения и сохранения максимального маневра.

Согласно этой логике, любое детальное разъяснение будущих намерений центрального банка создавало бы для него формальные или неформальные обязательства, от которых в будущем, под давлением обстоятельств (например, стремления временно стимулировать занятость), могло бы быть выгодно отступить. Рациональные экономические агенты, ожидая эту возможность, сразу же закладывали в свои инфляционные ожидания премию за риск подобного отклонения, что в итоге приводило к хронически завышенной инфляции без какого-либо выигрыша в реальных показателях. Следовательно, стратегическим императивом была максимальная степень операционной свободы, обеспечиваемая минималистичной и непредсказуемой коммуникацией [27].

Ярким примером негативных последствий утечек информации является случай с Банком Англии в начале 1990-х годов. В 1992 году, в период,

предшествующий "Черной среде" (16 сентября 1992 года), когда британский фунт стерлингов был вынужден выйти из механизма обменных курсов, в СМИ появились слухи о возможной девальвации валюты. Эти утечки, предположительно исходившие из внутренних источников, привели к массовой спекулятивной атаке на фунт. Инвесторы, ожидая девальвации, начали активно продавать валюту, что значительно усугубило давление на Банк Англии и в конечном итоге привело к выходу из механизма обменных курсов. Этот эпизод стал одним из наиболее известных примеров того, как утечка информации может спровоцировать кризис на финансовых рынках [100].

Таким образом, закрытые коммуникационные стратегии центральных банков в 1980-х - 1990-х годах были не просто данью традиции, а осознанной необходимостью, продиктованной сложной экономической и политической обстановкой. Они позволяли центральным банкам сохранять контроль над ситуацией, минимизировать риски и избегать нежелательных последствий, связанных с утечками информации. Однако, как показывает практика, даже в условиях строгой конфиденциальности полностью исключить утечки не удавалось, что порой приводило к серьезным потрясениям на рынках.

2.3 Период перехода от закрытых к открытым коммуникационным стратегиям центральных банков (1995-2015 гг.)

В конце 1990-х годов начался постепенный переход центральных банков к более открытым коммуникационным стратегиям. Этот процесс был обусловлен рядом факторов, включая глобализацию финансовых рынков, развитие информационных технологий и повышение требований к прозрачности и подотчетности монетарных властей. Рассмотрим, как этот переход происходил в странах выборки.

В конце 1990-х годов Резервный банк Австралии начал активно внедрять элементы открытой коммуникации. В 1996 году РБА официально перешел к режиму таргетирования инфляции, что потребовало более прозрачного

взаимодействия с общественностью и рынками. Банк начал публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых подробно объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись прогнозы инфляции. В 1998 году РБА ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике, что стало важным шагом в повышении прозрачности. Также банк начал активно использовать интернет для публикации данных и отчетов, что сделало информацию более доступной для широкой аудитории [156].

Сводка по коммуникации Резервного банка Австралии (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 1996 года;
- Пресс-конференции: с 1998 года;
- Протоколы заседаний: публикуются с 2007 года;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 1996 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2000 года.

Центральный банк Аргентины начал переход к более открытым коммуникационным стратегиям в начале 2000-х годов, после экономического кризиса 2001-2002 годов. В 2003 году банк начал публиковать ежемесячные отчеты о монетарной политике, в которых объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись данные о макроэкономической ситуации. В 2006 году ЦБА ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике. Однако, несмотря на эти шаги, уровень прозрачности ЦБА оставался ниже, чем у многих других центральных банков, что было связано с политической нестабильностью и высоким уровнем инфляции [172].

Сводка по коммуникации Центрального банка Аргентины (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 2003 года;
- Пресс-конференции: с 2006 года;
- Протоколы заседаний: не публикуются;
- Инфляционные отчеты: ежемесячно с 2003 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2005 года.

Европейский центральный банк был создан в 1998 году, и с самого начала своей деятельности он придерживался относительно открытой коммуникационной стратегии. ЕЦБ начал проводить пресс-конференции после каждого заседания Совета управляющих, на которых председатель банка комментировал принятые решения и отвечал на вопросы журналистов. В 2000 году ЕЦБ начал публиковать ежемесячные бюллетени, в которых подробно объяснялись решения по денежно-кредитной политике и предоставлялись прогнозы инфляции [5]. В 2015 году ЕЦБ ввел практику публикации протоколов заседаний, что стало важным шагом в повышении прозрачности.

Сводка по коммуникации Европейского центрального банка (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 1998 года;
- Пресс-конференции: с 1998 года;
- Протоколы заседаний: публикуются с 2015 года;
- Инфляционные отчеты: ежемесячно с 2000 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2003 года.

Банк Канады начал переход к более открытым коммуникационным стратегиям в конце 1990-х годов. В 1998 году банк официально перешел к режиму таргетирования инфляции, что потребовало более прозрачного взаимодействия с общественностью и рынками. Банк начал публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых подробно объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись прогнозы инфляции. В 2000 году Банк Канады ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике. Также банк начал активно использовать интернет для публикации данных и отчетов, что сделало информацию более доступной для широкой аудитории.

Сводка по коммуникации Банка Канады (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 1998 года;
- Пресс-конференции: с 2000 года;
- Протоколы заседаний: публикуются с 2005 года;

- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 1998 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2001 года.

Народный банк Китая начал переход к более открытым коммуникационным стратегиям в начале 2000-х годов, после вступления Китая в ВТО в 2001 году. В 2003 году НБК начал публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись данные о макроэкономической ситуации. В 2006 году НБК ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике. Однако, несмотря на эти шаги, уровень прозрачности НБК оставался ниже, чем у многих других центральных банков, что было связано с политическими ограничениями и отсутствием режима таргетирования инфляции.

Сводка по коммуникации Народного банка Китая (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 2003 года;
- Пресс-конференции: с 2006 года;
- Протоколы заседаний: не публикуются;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 2003 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2005 года.

Агентство денежного обращения Саудовской Аравии начало переход к более открытым коммуникационным стратегиям в середине 2000-х годов. В 2005 году АДО СА начало публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись данные о макроэкономической ситуации. В 2008 году АДО СА ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике. Однако, несмотря на эти шаги, уровень прозрачности АДО СА оставался ниже, чем у многих других центральных банков, что было связано с привязкой саудовского риала к доллару США и отсутствием режима таргетирования инфляции [100].

Сводка по коммуникации Агентства денежного обращения Саудовской Аравии (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 2005 года;
- Пресс-конференции: с 2008 года;
- Протоколы заседаний: не публикуются;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 2005 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2007 года.

Центральный банк Российской Федерации начал переход к более открытым коммуникационным стратегиям в начале 2000-х годов. В 2003 году Банк России начал публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись данные о макроэкономической ситуации. В 2006 году ЦБ РФ ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике. В 2014 году Банк России официально перешел к режиму таргетирования инфляции, что потребовало более прозрачного взаимодействия с общественностью и рынками. Банк начал публиковать протоколы заседаний и активно использовать интернет для публикации данных и отчетов [8].

Сводка по коммуникации Банка России (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 2003 года;
- Пресс-конференции: с 2006 года;
- Протоколы заседаний: публикуются с 2014 года;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 2003 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2005 года.

Федеральная резервная система США начала переход к более открытым коммуникационным стратегиям в конце 1990-х годов. В 1994 году ФРС начала публиковать решения по процентным ставкам сразу после заседаний ФКОР. В 1999 году ФРС начала публиковать заявления после заседаний ФКОР, в которых объяснялись решения по процентным ставкам. В 2011 году ФРС ввела практику проведения пресс-конференций после заседаний ФКОР, а в 2014 году начала публиковать прогнозы по процентным ставкам. В 2015 году ФРС начала публиковать протоколы заседаний ФКОР, что стало важным шагом в повышении прозрачности [78].

Сводка по коммуникации Федеральной резервной системы США (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 1994 года;
- Пресс-конференции: с 2011 года;
- Протоколы заседаний: публикуются с 2015 года;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 1999 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2002 года.

Банк Англии начал активно внедрять элементы открытой коммуникации в конце 1990-х годов. В 1997 году банк получил операционную независимость, что стало важным шагом в повышении прозрачности его деятельности. В 1998 году Банк Англии официально перешел к режиму таргетирования инфляции, что потребовало более прозрачного взаимодействия с общественностью и рынками. Банк начал публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых подробно объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись прогнозы инфляции. В 1999 году Банк Англии ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний Комитета по денежно-кредитной политике [113]. В 2015 году банк начал публиковать протоколы заседаний Комитета, что стало важным шагом в повышении прозрачности.

Сводка по коммуникации Банка Англии (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 1998 года;
- Пресс-конференции: с 1999 года;
- Протоколы заседаний: публикуются с 2015 года;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 1998 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2000 года.

Центральный банк Турции начал переход к более открытым коммуникационным стратегиям в начале 2000-х годов. В 2002 году ЦБТ начал публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись данные о макроэкономической ситуации. В 2006 году ЦБТ ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике. В 2012

году ЦБТ официально перешел к режиму таргетирования инфляции, что потребовало более прозрачного взаимодействия с общественностью и рынками. Банк начал публиковать протоколы заседаний и активно использовать интернет для публикации данных и отчетов.

Сводка по коммуникации Центрального банка Турции (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 2002 года;
- Пресс-конференции: с 2006 года;
- Протоколы заседаний: публикуются с 2012 года;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 2002 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2005 года.

Центральный банк Бразилии начал переход к более открытым коммуникационным стратегиям в конце 1990-х годов. В 1999 году бразильский регулятор официально перешел к режиму таргетирования инфляции, что потребовало более прозрачного взаимодействия с общественностью и рынками. Банк начал публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых подробно объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись прогнозы инфляции [88]. В 2000 году Центральный банк Бразилии ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике. В 2011 году бразильские монетарные власти начали публиковать протоколы заседаний, что стало важным шагом в повышении прозрачности [75].

Сводка по коммуникации Центрального банка Бразилии (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 1999 года;
- Пресс-конференции: с 2000 года;
- Протоколы заседаний: публикуются с 2011 года;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 1999 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2002 года.

Швейцарский национальный банк начал переход к более открытым коммуникационным стратегиям в начале 2000-х годов. В 2000 году ШНБ начал публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых

объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись данные о макроэкономической ситуации. В 2003 году ШНБ ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике. В 2015 году ШНБ начал публиковать протоколы заседаний, что стало важным шагом в повышении прозрачности. Также банк активно использует интернет для публикации данных и отчетов [67].

Сводка по коммуникации Швейцарского национального банка (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 2000 года;
- Пресс-конференции: с 2003 года;
- Протоколы заседаний: публикуются с 2015 года;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 2000 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2004 года.

Южно-Африканский резервный банк начал переход к более открытым коммуникационным стратегиям в конце 1990-х годов. В 1998 году ЮАРБ официально перешел к режиму таргетирования инфляции, что потребовало более прозрачного взаимодействия с общественностью и рынками. Банк начал публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых подробно объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись прогнозы инфляции. В 2000 году ЮАРБ ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике [150]. В 2014 году ЮАРБ начал публиковать протоколы заседаний, что стало важным шагом в повышении прозрачности.

Сводка по коммуникации Южно-Африканского резервного банка (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 1998 года;
- Пресс-конференции: с 2000 года;
- Протоколы заседаний: публикуются с 2014 года;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 1998 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2001 года.

Банк Японии начал переход к более открытым коммуникационным стратегиям в начале 2000-х годов. В 2001 году японский регулятор начал публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись данные о макроэкономической ситуации. В 2003 году Банк Японии ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике. В 2013 году японские монетарные власти официально перешли к режиму таргетирования инфляции, что потребовало более прозрачного взаимодействия с общественностью и рынками. Банк начал публиковать протоколы заседаний и активно использовать интернет для публикации данных и отчетов [100].

Сводка по коммуникации Банка Японии (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 2001 года;
- Пресс-конференции: с 2003 года;
- Протоколы заседаний: публикуются с 2013 года;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 2001 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2004 года.

Резервный банк Индии начал переход к более открытым коммуникационным стратегиям в конце 1990-х годов. В 1998 году РБИ официально перешел к режиму таргетирования инфляции, что потребовало более прозрачного взаимодействия с общественностью и рынками. Банк начал публиковать ежеквартальные отчеты о монетарной политике, в которых подробно объяснялись решения по процентным ставкам и предоставлялись прогнозы инфляции. В 2000 году РБИ ввел практику проведения пресс-конференций после заседаний по денежно-кредитной политике. В 2014 году РБИ начал публиковать протоколы заседаний, что стало важным шагом в повышении прозрачности.

Сводка по коммуникации Резервного банка Индии (с 1995 по 2015):

- Публикация аргументации решений по процентным ставкам: с 1998 года;
- Пресс-конференции: с 2000 года;

- Протоколы заседаний: публикуются с 2014 года;
- Инфляционные отчеты: ежеквартально с 1998 года;
- Опросы предприятий и экспертов: проводятся с 2001 года.

Период с конца 1990-х по 2010-е годы стал временем значительных изменений в коммуникационных стратегиях центральных банков по всему миру. Этот переход от закрытых к более открытым подходам был обусловлен рядом факторов, включая глобализацию финансовых рынков, развитие информационных технологий, а также растущие требования к прозрачности и подотчетности монетарных властей. В данном разделе были рассмотрены ключевые этапы этого перехода на примере центральных банков 15 стран, что позволило выявить общие тенденции и специфические особенности в эволюции их коммуникационных стратегий.

Однако, несмотря на общую тенденцию к открытости, темпы и глубина изменений варьировались в зависимости от специфики каждой страны. Центральные банки развитых экономик, такие как ФРС США, Банк Англии и Европейский центральный банк, быстрее адаптировались к новым требованиям, в то время как регуляторы развивающихся стран, такие как Центральный банк Аргентины или Народный банк Китая, сталкивались с дополнительными вызовами, связанными с политической нестабильностью, высоким уровнем инфляции или отсутствием режима таргетирования инфляции.

Важным аспектом перехода к гибридным коммуникационным стратегиям стал переход к одному из режимов денежно-кредитной политики: таргетированию монетарной массы, таргетированию валютного курса или таргетированию инфляции [26, 27]. Так, политика таргетирования денежной массы, активно проводившаяся в начале 1980-х годов в США и Великобритании (в рамках «рейганомики» и «тэтчеризма»), натолкнулась на проблему фискального доминирования, когда масштабные бюджетные дефициты ограничивали способность центральных банков контролировать денежное предложение, не провоцируя резкого роста ставок. Режим таргетирования валютного курса, успешно реализовывавшийся в странах Юго-Восточной Азии

до финансового кризиса 1997–1998 годов, оказался крайне уязвим к «внезапным остановкам» притока капитала, что обнажило риски зависимости фискальной стабильности от конъюнктуры мировых финансовых рынков. Это детерминировало потребность центральных банков в коммуникации. Прежде всего это было связано с необходимостью публичного установления количественных ориентиров по таргетируемому показателю [49]. Задачей гибридной стратегии в этом контексте становится не просто информирование, а активное «заякоривание» ожиданий экономических агентов вокруг объявленного целевого ориентира, что требует сочетания различных каналов и форматов донесения информации для обеспечения максимальной убедительности и доверия [114]. При этом распространение получает именно сигнальная (односторонняя) коммуникация, без необходимости прибегать к интерактивным формам. Схематично предлагаемую концепцию гибридной стратегии можно изобразить следующим образом (рис. 2.2).

Особое значение имел переход ряда центральных банков именно к режиму таргетирования инфляции [28]. Этот шаг потребовал от регуляторов более четкого формулирования своих целей и задач, а также активного взаимодействия с общественностью и рынками для управления инфляционными ожиданиями. В результате центральные банки начали публиковать подробные отчеты о монетарной политике, проводить пресс-конференции, раскрывать протоколы заседаний и активно использовать интернет для распространения информации. Эти меры способствовали повышению прозрачности и доверия к действиям монетарных властей. Хронология перехода центральных банков стран выборки к режиму таргетированию инфляции представлена в табл. 2.2.

Таким образом, период 1995-2015 годов можно охарактеризовать как время значительного прогресса в области коммуникационных стратегий центральных банков. Переход к гибридным стратегиям не только повысил прозрачность и подотчетность монетарных властей, но и способствовал стабилизации экономики, снижению неопределенности на рынках и укреплению доверия к действиям регуляторов. Однако, как показывает анализ, процесс перехода к

открытым коммуникационным стратегиям остается незавершенным, особенно в странах с развивающимися экономиками, где институциональные и политические ограничения продолжают влиять на степень прозрачности и доступности информации [30, 33, 35].

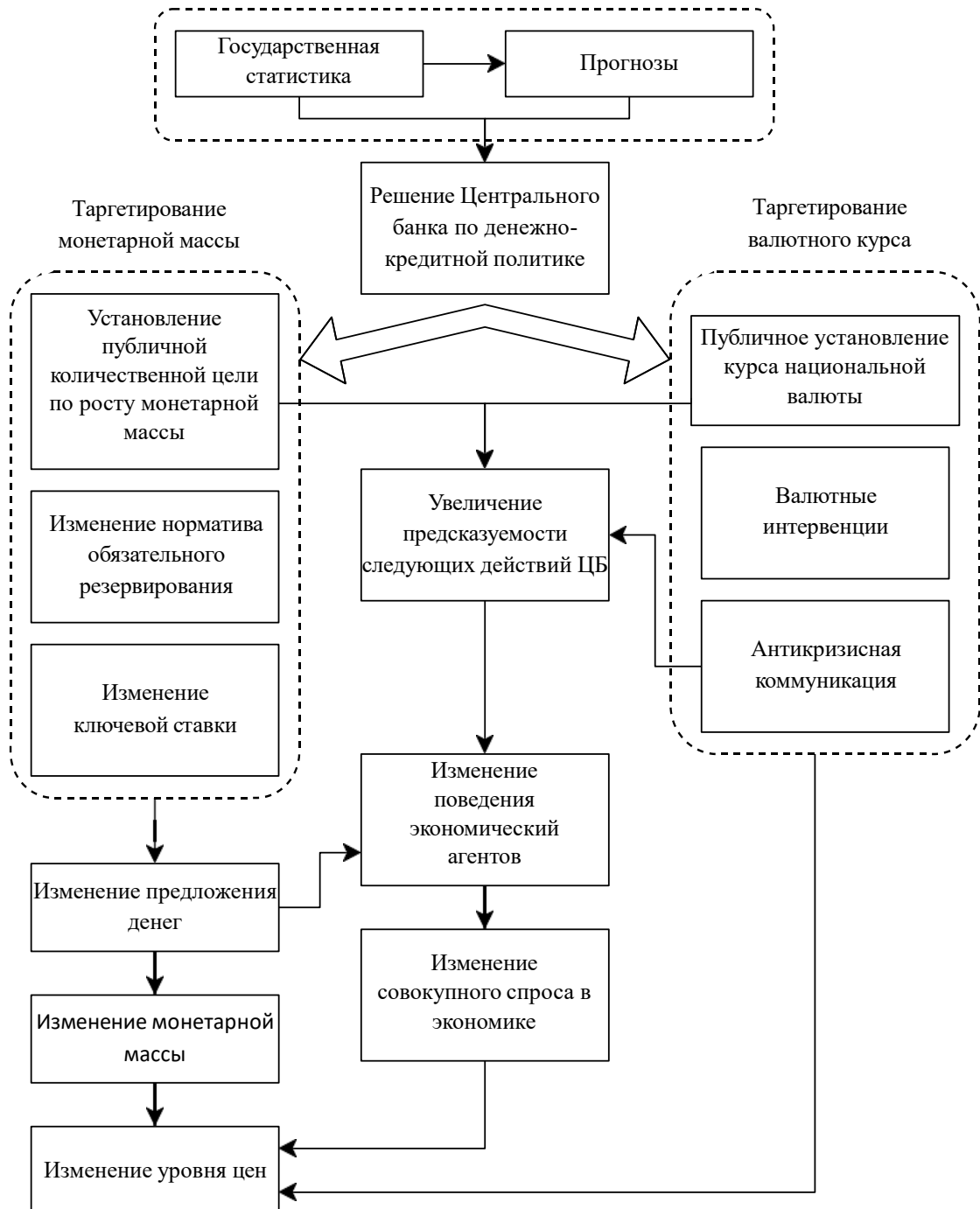

Рисунок 2.2 – Концепция гибридной коммуникационной стратегии

Таблица 2.2 – Хронология перехода центральных банков стран выборки к режиму таргетированию инфляции.

№	Страна	ЦБ	Когда ЦБ перешел к таргетированию инфляции	Примечание
1	Австралия	Резервный банк Австралии	1993 г.	-
2	Аргентинская Республика	Центральный банк Аргентины	-	Не перешел к таргетированию инфляции. Основной фокус — поддержание фиксированного курса песо к доллару США.
3	Европейский Союз*	Европейский центральный банк	1998 г.	ЕЦБ не декларировал явный переход к таргетированию инфляции, но де-факто проводит политику, ориентированную на стабильность цен (инфляция ниже, но близко к 2%).
4	Канада	Банк Канады	1991 г.	-
5	Китайская Народная Республика	Народный банк Китая	-	Не перешел к таргетированию инфляции, хотя в последние годы обсуждается возможность такого перехода.
6	Королевство Саудовская Аравия	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	-	Не перешел к таргетированию инфляции. Основной фокус — поддержание фиксированного курса риала к доллару США.
7	Российская Федерация	Центральный банк Российской Федерации	2014 г.	-
8	Соединенные Штаты Америки	Федеральная резервная система	2012 г.	ФРС США не декларировала явный переход к таргетированию инфляции, но с 2012 года официально установила целевой уровень инфляции в 2%, что де-факто является таргетированием инфляции.
9	Соединенное Королевство	Банк Англии	1992 г.	-
10	Турецкая Республика	Центральный банк Республики Турция	2006 г.	-
11	Федеративная Республика Бразилия	Центральный банк Бразилии	1999 г.	-
12	Швейцарская Конфедерация	Швейцарский национальный банк	2000 г.	-
13	Южно-Африканская Республика	Южно-Африканский резервный банк	2000 г.	-
14	Япония	Банк Японии	2013 г.	-
15	Республика Индия	Резервный банк Индии	2016 г.	-

* - Европейский союз не является страной, однако его денежно-кредитная политика отличается высокой степенью централизованности, что позволяет анализировать ЕЦБ наравне с центральными банками полноценных стран [Бажан, 2024].

2.4 Открытые коммуникационные стратегии центральных банков (2015-2025 гг.)

2015-2025 гг. стали периодом, когда среди регуляторов сложился относительно единый консенсус о необходимости движения в сторону большей открытости своих коммуникационных стратегий. Структурно для данного параграфа был избран подход сравнительного анализа конкретных особенностей коммуникации по группам стран во избежания дескриптивного перечисления всего массива исследуемого эмпирического материала (а именно на данный период пришлось более 50% всех актов коммуникации центральных банков за исследовательский период).

Отдельно освещены кейсы антикризисной коммуникации центральных банков, т.к. после мирового финансового кризиса в 2007 году это стало особенно прорабатываться регуляторами и к 2015 году уже выработалась практика, которую можно с определенной долей уверенности называть именно стратегией [33]. Так, коммуникация остается одним из ключевых инструментов антикризисного реагирования органов государственной власти (Несмотря на то, что, к примеру, в рамках российского законодательства Центральный банк Российской Федерации не является де-юре органом государственной власти, он, равно как и его аналоги в иных странах, де-факто реализует соответствующие функции [7]). Принципиальная важность коммуникации в рамках антикризисного реагирования была продемонстрирована на примере антикризисной промышленной политике регионов Российской Федерации в период начала пандемии COVID-19 [3].

Лидеры открытости (ФРС, ЕЦБ, Банк Англии)

В период 2015–2025 гг. центральные банки развитых экономик, такие как Федеральная резервная система США, Европейский центральный банк и Банк Англии, значительно углубили свои коммуникационные стратегии, став эталоном прозрачности и инноваций в области управления ожиданиями рынков. Их подходы базируются на трех ключевых принципах: максимальная

информационная открытость, активное использование цифровых технологий и системное вовлечение различных аудиторий в диалог.

1. Федеральная резервная система США

ФРС США, исторически ассоциировавшаяся с тактикой намеренной неопределенности в эпоху Алана Гринспена, к середине 2010-х годов завершила переход к модели стратегической открытости. Этот переход был постепенным и последовательным. Ключевым элементом новой философии коммуникации стало признание того, что управляемая предсказуемость снижает издержки денежно-кредитной политики [143]. Институционализацией этого подхода стала регулярная публикация «графика точечных прогнозов» (так называемый «Dot Plot»), на котором члены Комитета по открытым рынкам (FOMC) отражают свои индивидуальные ожидания относительно будущей траектории процентных ставок. Этот инструмент, несмотря на периодическую критику за провоцирование краткосрочной рыночной волатильности, принципиально изменил характер дискуссии о монетарной политике, сместив фокус с гаданий о следующем решении на анализ среднесрочных перспектив. В дополнение к этому ФРС последовательно наращивала частоту и содержательность прямого контакта с общественностью. С 2019 года пресс-конференции председателя стали проводиться после каждого из восьми ежегодных заседаний FOMC, что свело к минимуму информационные лаги и позволило оперативно контекстуализировать принятые решения. Параллельно происходила активная цифровизация коммуникации: ФРС развивает присутствие в социальных сетях, запускает образовательные проекты вроде «Fed Explained», используя видеоинфографику для адаптации сложных экономических концепций для широкой аудитории. Особенно ярко эффективность этой выстроенной системы проявилась в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19. ФРС оперативно применила метод «календарного» и позже «состоятельно-зависимого» forward guidance, явно увязав свои будущие действия с достижением конкретных макроэкономических порогов, что сыграло важную роль в стабилизации ожиданий и сдерживании панических настроений на рынках.

Таким образом, коммуникация ФРС превратилась из вспомогательного инструмента в неотъемлемый компонент самой денежно-кредитной политики, функционирующий в режиме непрерывного диалога с финансовыми рынками и обществом.

2. Европейский центральный банк

ЕЦБ, функционирующий в уникальном институциональном контексте многоязычной и многогосударственной еврозоны, в период 2015-2025 годов выработал собственную, высокосложную модель открытой коммуникации. Эта модель была вынуждена балансировать между требованием максимальной прозрачности, необходимой для управления ожиданиями разнородных экономических агентов в 19 странах, и необходимостью сохранять консенсус внутри самого Совета управляющих, где представлены различные национальные интересы. Если ФРС могла позволить себе большую оперативность и яркую индивидуальную риторику председателя, то подход ЕЦБ изначально был более коллегиальным, осторожным и структурированным, что наложило отпечаток на эволюцию его стратегии.

К середине 2010-х годов ЕЦБ уже обладал устоявшимся набором коммуникационных инструментов, таких как ежемесячные пресс-конференции и регулярные бюллетени. Однако качественный скачок произошел в сторону углубления содержательной составляющей и поиска новых форматов для преодоления дистанции с широкой общественностью. Одним из наиболее значимых нововведений стала публикация стенограмм (расшифровок) заседаний Совета управляющих, решение о котором было принято в 2023 году. Хотя эти материалы раскрываются с пятилетним лагом, сам этот шаг стал беспрецедентным актом открытости для центрального банка такого уровня, предоставив исследователям и рынкам впоследствии уникальную возможность проанализировать ход дискуссий и спектр мнений, стоявших за итоговыми решениями. Это была попытка преодолеть традиционную для ЕЦБ репутацию «черного ящика» и продемонстрировать, что даже сложные коллективные решения рождаются в процессе аргументированных дебатов.

Параллельно ЕЦБ предпринял масштабные усилия по демократизации и визуализации своей коммуникации. Его инфляционные отчеты и экономические бюллетени превратились в интерактивные онлайн-документы, насыщенные динамическими графиками и дашбордами, позволяющими пользователям самостоятельно исследовать данные и моделировать различные сценарии. Особое внимание было уделено прямой коммуникации с гражданами еврозоны, для которых технический язык монетарной политики часто остается непонятным. Инициатива «Гражданские диалоги» (Citizen Dialogues), запущенная около 2020 года, предполагала организацию прямых онлайн-встреч руководства ЕЦБ с представителями общественности, где политика разъяснялась на упрощенном языке, а граждане могли задавать вопросы. Этот проект был направлен на укрепление легитимности ЕЦБ, часто критикуемого за оторванность от повседневных проблем простых европейцев, и на прямое формирование инфляционных ожиданий, минуя посредников в лице финансовых аналитиков.

Испытанием на прочность для коммуникационной стратегии ЕЦБ стали кризисы второй половины периода, в особенности энергетический шок и всплеск инфляции 2022 года. Столкнувшись с беспрецедентным для еврозоны ростом цен, отчасти импортированным, ЕЦБ был вынужден не только принимать решительные меры, но и сложным образом объяснять природу этой инфляции, отличную от классических моделей. В ответ банк запустил специальные аналитические серии, такие как «Инфляция в деталях», где детально разбирались структура индекса потребительских цен по странам и компонентам, объяснялась роль административно регулируемых тарифов и эффекта базового года. Эта кропотливая работа по декомпозиции инфляции позволила ЕЦБ более четко разделить факторы, на которые он может повлиять, от внешних шоков, тем самым защитив свой мандат и управляя ожиданиями. Таким образом, коммуникационная стратегия ЕЦБ эволюционировала от стандартной для развитых банков прозрачности к созданию многоканальной, многоуровневой системы взаимодействия, призванной обслуживать и профессиональные рынки,

и национальные правительства, и конечных граждан, что является отражением уникальной политико-экономической конструкции самого Европейского центрального банка.

3. Банк Англии

Банк Англии в период 2015-2025 гг. сформировал стратегию «адаптивной прозрачности», превратив коммуникацию в инструмент двустороннего диалога и управления ожиданиями. Ключевым нововведением стал системный сбор и интеграция обратной связи от реального сектора через ежемесячный Decision Maker Panel (DMP) — репрезентативный опрос тысяч руководителей компаний [126]. Данные DMP о ценах, инвестициях и ожиданиях стали не просто аналитическим продуктом, а прямым входом в прогнозные модели Комитета по денежно-кредитной политике (MPC), позволив регулятору учитывать настроения бизнеса при принятии решений, особенно в условиях неопределенности вокруг Brexit.

Для повышения предсказуемости и снижения когнитивных барьеров Банк Англии внедрил инновационные форматы визуализации. В Инфляционные отчеты были включены «деревья решений» - схематические представления зависимости будущих изменений ставки от ключевых макроэкономических показателей. В области цифровизации был запущен образовательный проект — мобильное приложение «Инфляция: игра», где пользователи могли на упрощенной модели попробовать себя в роли прогнозиста, что способствовало финансовому просвещению и лучшему пониманию логики регулятора [127].

В условиях инфляционного кризиса 2021-2023 гг., когда инфляция достигла многодесятилетних максимумов, Банк Англии перешел к практике явного сценарного планирования. В коммуникациях MPC стал параллельно с базовым прогнозом публично раскрывать альтернативные сценарии («upside» и «downside» risks), детально описывая лежащие в их основе допущения и потенциальные ответные меры. Это позволило подготовить рынки к различным траекториям политики, сохранив гибкость и снизив риск шока от неожиданных данных. Таким образом, коммуникационная стратегия Банка Англии

эволюционировала от одностороннего информирования к созданию интерактивной экосистемы, где обратная связь от экономических агентов и инновационные форматы донесения информации стали неотъемлемой частью процесса разработки и обоснования денежно-кредитной политики.

ФРС, ЕЦБ и Банк Англии демонстрируют, что открытость коммуникации — это не только публикация данных, но и адаптация форматов под разные аудитории, использование поведенческой экономики и цифровых технологий. Для удобства восприятия представлена табл. 2.3.

Таблица 2.3 – Сравнительный анализ коммуникационных стратегий центральных банков, лидирующих в степени открытости.

Критерий	ФРС	ЕЦБ	Банк Англии
Частота пресс-конференций	8 раз в год	6 раз в год	8 раз в год
Доступность данных	API для макростатистики	Интерактивные отчеты	Открытые базы данных
Инновации	Dot Plot	Гражданские диалоги	Decision Maker Panel
Кризисная коммуникация	Forward guidance	Детализация ИПЦ	Альтернативные сценарии

Проанализированный опыт подтверждает гипотезу о том, что таргетирование инфляции требует постоянного совершенствования коммуникационных стратегий [74]. Однако избыточная прозрачность может создавать риски: например, рынки иногда чрезмерно реагируют на малейшие изменения в формулировках [109]. Это ставит перед центральными банками новую задачу - баланс между открытостью и стабильностью.

Развивающиеся рынки: Банк России, Центральный банк Турции, Резервный банк Индии

Центральные банки развивающихся экономик в период 2015–2025 гг. демонстрировали ускоренную адаптацию лучших мировых практик коммуникации, однако их стратегии отличались большей гибкостью, обусловленной макроэкономической нестабильностью, политическими рисками и необходимостью управления инфляционными ожиданиями в условиях высокой

волатильности. Банк России, Центральный банк Турции и Резервный банк Индии представляют три различных подхода к построению открытости в этом контексте.

1. Банк России: от формальной прозрачности к интерактивному диалогу

Банк России в период 2015-2025 гг. реализовал ускоренную трансформацию своей коммуникационной стратегии, превратив ее в системный инструмент управления инфляционными ожиданиями. Переход к таргетированию инфляции (2014 г.) выступил ключевым драйвером этой эволюции, потребовав не только декларативной прозрачности, но и построения инфраструктуры для постоянного диалога с экономикой.

Ядром стратегии стал интерактивный компонент, прежде всего Мониторинг предприятий. Эта уникальная программа, охватывающая около 15 тыс. компаний ежемесячно, предоставляет регулятору оперативные качественные данные о деловой активности, ценах и, что критически важно, краткосрочных инфляционных ожиданиях бизнеса. Полученные индикаторы напрямую интегрируются в аналитические и прогнозные модели Банка России. Эмпирически доказано, что их использование статистически значительно повышает точность краткосрочных прогнозов инфляции, что делает данную коммуникацию не просто каналом сбора информации, а прямым вкладом в эффективность денежно-кредитной политики.

Параллельно была проведена глубокая диверсификация и цифровизация каналов:

- Для оперативного информирования профессиональной аудитории активно используется Telegram.

- Для содержательного диалога запущены подкасты с членами Совета директоров и увеличено число региональных коммуникационных сессий.

- С 2024 года введена практика публикации обезличенных резюме обсуждений по ключевой ставке, раскрывающих спектр аргументов, рассматривавшихся в Совете директоров.

Кризисным испытанием и подтверждением зрелости стратегии стал 2022 год. В условиях внешнего шока Банк России оперативно адаптировал коммуникацию: резко увеличил частоту аналитических обзоров, ввел детальные разъяснения по новым регуляторным мерам и использовал четкую, успокаивающую риторику для сдерживания паники и управления ожиданиями.

2. Центральный банк Турции: баланс между открытостью и политическим давлением

Центральный банк Турции в период 2015-2025 гг. представляет собой уникальный кейс, когда формальное движение к открытой коммуникационной стратегии в рамках режима таргетирования инфляции (официально принят в 2006 г.) постоянно нивелировалось и деформировалось под влиянием интенсивного политического давления. В отличие от Банка России, чья трансформация была последовательной, коммуникация турецкого регулятора характеризовалась вынужденной непоследовательностью, что привело к формированию модели ситуативной и ограниченной открытости.

Ключевым дестабилизирующим фактором стали частые смены руководства ЦБТ, каждая из которых сопровождалась резкими изменениями монетарной доктрины и, как следствие, коммуникационной риторики. Наиболее показательным стал контраст между периодом до 2018 года, когда ЦБТ в целом придерживался ортодоксальных принципов, и последующими годами. Например, в 2021 году председатель Шаххап Каваджыоглу публично высказывал нетрадиционные взгляды, отрицая прямую связь между процентными ставками и инфляцией, что полностью противоречило предыдущим заявлениям регулятора и подрывало доверие к его сигналам. Это создавало для рынков ситуацию, когда формальные каналы коммуникации (пресс-релизы, отчеты) теряли предсказательную силу, уступая место анализу политических заявлений.

В этих условиях ЦБТ был вынужден развивать «альтернативные» или адаптивные каналы коммуникации, пытаясь доносить свои сообщения в обход

идеологического давления. Особую роль стали играть социальные сети (Twitter¹), где банк публиковал упрощенную инфографику, пытаясь объяснить населению основы инфляционных процессов. Уникальной практикой стала локализация контента - дублирование ключевых материалов на курдском языке, что является редким примером учета внутреннего языкового разнообразия для центрального банка [121].

В кризисный период 2022-2023 гг., когда инфляция превысила 80%, коммуникационная стратегия ЦБТ приобрела сугубо реактивный и сдерживающий характер. Для борьбы с паникой и избыточным вниманием к волатильным компонентам ценового роста регулятор ввел в оборот «индекс базовой инфляции», исключая энергию, продовольствие. Кроме того, была резко увеличена частота публикаций - переход на еженедельные пресс-релизы, что было призвано демонстрировать постоянный контроль над ситуацией, даже при отсутствии возможности кардинально влиять на ее причины.

Таким образом, коммуникационная стратегия ЦБТ в исследуемый период демонстрирует модель вынужденной гибридности и адаптивности. Она сочетала в себе элементы формальной открытости (публикация отчетов, пресс-конференции) с необходимостью постоянного маневра и поиска обходных путей в условиях доминирования политической повестки. Этот кейс ярко иллюстрирует, как институциональная слабость и отсутствие реальной независимости могут трансформировать даже формально прогрессивную коммуникационную архитектуру, превращая ее в инструмент не столько управления ожиданиями, сколько их ситуативного сдерживания в атмосфере общей неопределенности.

3. Резервный банк Индии: системная прозрачность в условиях разнообразия

Резервный банк Индии в период 2015-2025 гг. сформировал стратегию инклюзивной открытости, решая беспрецедентную задачу коммуникации в

---

¹ Социальная сеть заблокирована в России по решению Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

условиях крайней социально-экономической и лингвистической разнородности. Принятие таргетирования инфляции в 2016 году потребовало от регулятора выстраивания многоуровневой системы, способной одновременно обслуживать глобальные рынки и население с высокой долей неграмотности и неформальной занятости.

Основой подхода стала системная многоязычность и адаптация форматов. Ключевые решения, заявления и пресс-релизы оперативно публикуются не только на английском и хинди, но и на 10-12 основных региональных языках. Для преодоления барьеров грамотности РБИ разработал аудиоверсии решений и образовательные анимационные ролики «RBI Kehta Nai», распространяемые через сельские радио и общественные центры.

Цифровизация была нацелена на прямой охват. РБИ активно использует партнерство с мессенджером WhatsApp для рассылки кратких объяснительных материалов десяткам миллионов пользователей, что позволяет напрямую достигать малый бизнес и население в регионах. Для улучшения анализа реального сектора был создан «Индекс малых и средних предприятий», основанный на регулярных опросах тысяч компаний.

В кризисных условиях (демонетизация 2016 г., пандемия) РБИ оперативно усиливал частоту и простоту коммуникации на всех языковых каналах, делая акцент на приверженности инфляционной цели, что помогало стабилизировать ожидания.

Таблица 2.4 – Сравнительный анализ коммуникационных стратегий центральных банков стран с развивающимися рынками.

Критерий	Банк России	Центральный банк Турции	Резервный банк Индии
Главный вызов	Санкции (2022)	Политическое давление	Языковое разнообразие
Особый инструмент коммуникации	Мониторинг предприятий	Соцсети	Мультиязычные форматы
Частота отчетности	Ежемесячно + кризисные обзоры	Еженедельно (в кризис)	Ежеквартально + спецотчеты
Инновации	Подкасты, Telegram	Локализация (курдский)	WhatsApp-рассылки

Центральные банки развивающихся рынков в 2015–2025 гг. доказали, что открытость возможна даже в нестабильных условиях. Их опыт подтверждает тезис о том, что "идеальная прозрачность" зависит от контекста: в отличие от ФРС или ЕЦБ, эти регуляторы вынуждены балансировать между открытостью и стабильностью. Сравнение банков в группе приведено в табл. 2.4.

Консервативные регуляторы: Народный банк Китая, Агентство денежного обращения Саудовской Аравии, Центральный банк Аргентины

Центральные банки, сохраняющие закрытые или ограниченно открытые коммуникационные стратегии, демонстрируют устойчивую приверженность традиционным подходам, обусловленную политическими, экономическими и институциональными особенностями. Народный банк Китая, Агентство денежного обращения Саудовской Аравии и Центральный банк Аргентины (ЦБА) представляют три различных модели консервативной коммуникации, каждая из которых отражает специфику национальных экономических систем.

1. Народный банк Китая: управляемая прозрачность

Народный банк Китая в период 2015-2025 гг. представляет собой модель управляемой прозрачности, принципиально отличную от стратегий центральных банков развитых стран. Его коммуникационная стратегия детерминирована не столько логикой таргетирования инфляции (формально не принятого) или запросами финансовых рынков, сколько императивами политико-экономического управления в рамках централизованной системы [134]. Открытость НБК носит строго дозированный, функциональный и подконтрольный характер, подчиняясь задаче поддержания макроэкономической и социальной стабильности.

Ключевой особенностью является ограниченная публичность и формализованность основных каналов. В отличие от ФРС или ЕЦБ, НБК проводит пресс-конференции лишь 2-3 раза в год, и они носят скорее ритуальный, чем содержательно-разъяснительный характер. Протоколы заседаний руководящего органа не публикуются, что делает процесс принятия

решений закрытым "черным ящиком". Инфляционные отчеты и прогнозы содержат минимум аналитики и не раскрывают внутренние модели банка.

Основным методом коммуникации выступает использование косвенных сигналов и доверенных каналов. Важнейшие решения о монетарной политике (изменение резервных требований, ставок) зачастую сначала анонсируются не на сайте НБК, а в партийных или государственных СМИ, таких как People's Daily, или озвучиваются высокопоставленными чиновниками. Это создает систему "сигнальной субординации", где экономическое сообщение одновременно является и политическим, подтверждая единство курса.

Цифровизация коммуникации носит внутренне ориентированный и контролируемый характер. НБК не представлен в международных социальных сетях (Twitter², Facebook³). Его ключевой платформой является официальный аккаунт в WeChat - приложения, доминирующего в китайском цифровом пространстве. Через него распространяются тщательно отобранные новости и разъяснения, аудитория которого исчисляется десятками миллионов, но находится в рамках национального интернет-пространства [120].

Академическая и аналитическая закрытость остается фундаментальным принципом. НБК не раскрывает детали своих эконометрических моделей, методы прогнозирования и полные массивы данных, что существенно ограничивает возможности независимого анализа и верификации его политики международным экспертным сообществом.

Таким образом, коммуникационная стратегия НБК является логичным элементом китайской модели государственного управления. Это не "закрытость" в понимании 1980-х годов, а стратегия избирательной и субординированной информационной открытости, где прозрачность подчинена задачам политического контроля, управления капитальными потоками и поддержания суверенной монетарной политики. Ее эффективность оценивается не по критериям рыночного доверия в западном понимании, а по способности

---

² Социальная сеть заблокирована в России по решению Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

³ Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации

обеспечивать плановые макроэкономические результаты и социальную стабильность без провоцирования неконтролируемых спекулятивных потоков.

2. Агентство денежного обращения Саудовской Аравии: закрытость как стабилизатор

Агентство денежного обращения Саудовской Аравии в период 2015-2025 гг. олицетворяет модель стратегической закрытости, где минимализм в коммуникации является осознанным инструментом поддержания стабильности в экономике с фиксированным валютным курсом. Ключевой задачей регулятора является безусловное поддержание привязки саудовского риала к доллару США, что предопределяет пассивный характер денежно-кредитной политики и сводит публичные дискуссии о ее направлении к минимуму.

Формальные коммуникации АДО СА характеризуются крайней лаконичностью и отсутствием пояснений. Решения, например, по изменению процентных ставок (которые обычно следуют за шагами ФРС), объявляются короткими пресс-релизами в 1-2 абзаца без аналитического обоснования или развернутого комментария. Пресс-конференции не проводятся, а публичные выступления руководства редки и сосредоточены на общих принципах. Регулятор не публикует инфляционные прогнозы, собственные макроэкономические модели или сценарии, устраняя саму возможность публичной дискуссии о целесообразности своего основного режима.

Управление ожиданиями осуществляется через непубличные, доверительные каналы. Основные сигналы и разъяснения, вероятно, передаются в ходе закрытых встреч с руководством крупнейших национальных банков и ключевых министерств. Эта система позволяет координировать действия, не создавая информационных поводов для спекуляций на рынке, чувствительном к любым намекам на возможный пересмотр валютного режима.

3. Центральный банк Аргентины: кризисная непрозрачность

Центральный банк Аргентины в период 2015-2025 гг. демонстрирует модель коммуникационной деградации на фоне перманентного макроэкономического и политического кризиса. Его коммуникация

характеризуется реактивной непоследовательностью, становясь заложником политической борьбы, гиперинфляции и глубокой утраты доверия к институтам, что отличает его от стратегической закрытости других регуляторов.

Основная проблема - политизированная риторика и подрыв достоверности данных. Частая смена руководства ЦБА вслед за политическими циклами ведет к резким, немотивированным изменениям в повествовании. Например, объявление в 2023 году о переходе к «антиинфляционной пропаганде» подменило аналитическое обоснование политики идеологическими лозунгами. Хронически высокая инфляция (достигавшая 200%) делает бессмысленными любые попытки управления ожиданиями через прогнозы, так как количественные ориентиры мгновенно устаревают.

Практики прозрачности носят деструктивный характер. ЦБА прибегал к ретроактивному пересмотру ключевых статистических рядов (например, денежного агрегата M2) без внятных объяснений и к удалению архивов пресс-релизов, что подрывает подотчётность и анализ. Отчётность о резервах публикуется с многомесячным опозданием. Регулятор де-факто не участвует в международных рейтингах прозрачности центральных банков, закрепляя свою изоляцию от лучших практик.

Кризисная коммуникация сводится к попыткам сиюминутного успокоения рынков без стратегического видения. В моменты обострения ЦБА может учащать короткие заявления, но они лишены конкретики и не подкрепляются последовательными действиями.

Консервативные регуляторы подтверждают гипотезу о том, что открытость коммуникации коррелирует с институциональной стабильностью:

1. Народный банк Китая демонстрирует "управляемую прозрачность", где информация дозируется для контроля над ожиданиями.
2. Агентство денежного обращения Саудовской Аравии использует закрытость как инструмент стабильности в системе с фиксированным курсом.
3. Центральный банк Аргентины иллюстрирует деградацию коммуникации в условиях перманентного кризиса.

Их опыт показывает, что даже в эпоху глобального тренда на открытость альтернативные модели коммуникации остаются устойчивыми, но требуют дополнительного изучения в контексте эффективности. Сравнение банков в группе приведено в табл. 2.5.

Таблица 2.5 – Сравнительный анализ коммуникационных стратегий центральных банков, лидирующих в степени закрытости.

Критерий	Народный банк Китая	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	Центральный банк Аргентины
Частота отчетности	Ежеквартально	Ежемесячно (базовые данные)	Нерегулярно
Прогнозы	Только post-hoc	Отсутствуют	Политически ангажированные
Кризисная коммуникация	Через партийные и государственные СМИ	Молчание	Редактирование архивов
Инновации	WeChat-канал	Нет	Нет

Анализ современных коммуникационных стратегий центральных банков в период 2015–2025 гг. демонстрирует их качественную трансформацию в сторону большей открытости, интерактивности и адаптивности. Этот процесс обусловлен как объективными факторами? такими как цифровизация, усиление роли инфляционных ожиданий и рост требований к прозрачности монетарной политики, так и субъективными, включая кризисные вызовы (пандемия COVID-19, геополитические шоки, волатильность финансовых рынков).

Исследование позволяет выявить несколько взаимосвязанных глобальных тенденций, которые, однако, проявлялись с разной интенсивностью и в разных формах в зависимости от институционального контекста.

Во-первых, в мире не сложилось единой, универсальной модели открытости. Напротив, наблюдалась значительная дифференциация подходов, которая отражала фундаментальные различия в экономических режимах, политических системах и уровне развития институтов. Регуляторы развитых экономик, такие как ФРС, ЕЦБ и Банк Англии, сосредоточились на совершенствовании сложных инструментов управления ожиданиями: от

публикации детализированных прогнозов («Dot Plot») и интерактивных отчётов до проведения пресс-конференций после каждого заседания. Центральные банки развивающихся рынков, например, Банк России и Резервный банк Индии, адаптировали эти практики, делая особый акцент на цифровизацию (использование Telegram, WhatsApp) и налаживание двусторонней связи с реальным сектором через опросы предприятий. В то же время ряд регуляторов, таких как Народный банк Китая и Агентство денежного обращения Саудовской Аравии, сознательно сохраняли относительно закрытую модель, что было обусловлено политическими ограничениями или спецификой их монетарного режима (например, фиксированный курс).

Во-вторых, повсеместной чертой стала активная цифровизация и мультимедийность коммуникации. Центральные банки вышли далеко за рамки традиционных пресс-релизов и отчётов, осваивая социальные сети, запуская мобильные приложения, подкасты и интерактивные дашборды. Эти инструменты преследовали двоякую цель: расширить аудиторию и сделать сложную макроэкономическую информацию более доступной. Упрощение контента с помощью инфографики, видеороликов и игровых форматов стало распространённым методом снижения когнитивного барьера для неэкспертной публики и повышения финансовой грамотности.

В-третьих, кризисные периоды - пандемия COVID-19 и геополитические потрясения — окончательно утвердили кризисную коммуникацию в качестве самостоятельного стратегического инструмента. Регуляторы были вынуждены резко увеличить частоту, детализацию и оперативность своих сообщений. В арсенале появились такие практики, как форвардное руководство (forward guidance), жёстко привязанное к макроэкономическим показателям, публикация специальных обзоров и явное описание альтернативных сценариев развития событий. Эти меры в целом способствовали снижению неопределённости на рынках, хотя в отдельных странах (Турция, Аргентина) их эффективность была ограничена из-за политического вмешательства и подрыва доверия к институтам.

Наконец, общей тенденцией стало управление ожиданиями через увеличение прозрачности процедур. Публикация протоколов заседаний, резюме внутренних дискуссий и отдельных модельных расчётов была призвана повысить предсказуемость решений регулятора. Однако этот процесс имеет и обратную сторону: как показывают исследования, избыточная детализация, например, в тех же «точечных прогнозах» ФРС, может сама становиться источником краткосрочной рыночной волатильности.

Реализация этих трендов натолкнулась на ряд системных вызовов. Ключевой проблемой для многих развивающихся стран остаётся конфликт между открытостью и доверием: политизация денежно-кредитной политики подрывает кредит доверия к любым сообщениям центрального банка. Серьёзным препятствием являются также языковые и культурные барьеры, для преодоления которых, как показывает пример Индии, требуются значительные институциональные усилия и ресурсы. Кроме того, существует риск «информационной перегрузки», когда чрезмерный поток данных и частые обновления прогнозов затрудняют их интерпретацию рынками и могут привести к росту шума, а не ясности.

В итоге, рассматриваемое десятилетие стало периодом не просто распространения, а именно институционализации открытости как нормы для большинства центральных банков мира. Однако единого стандарта так и не возникло. В развитых экономиках открытость эволюционировала в сторону точечного управления ожиданиями и высокотехнологичных решений. В развивающихся странах она приняла форму гибридных моделей, вынужденных балансировать между прозрачностью и макроэкономической стабильностью. Консервативные регуляторы, в свою очередь, подтвердили жизнеспособность альтернативных, закрытых или жёстко контролируемых моделей коммуникации, которые остаются органичной частью авторитарных или рентно-ориентированных экономических систем.

Отдельно представляется уместным остановиться на определении одного из ключевых отличий открытых стратегий коммуникации центральных банков от

гибридных. Так, в условиях таргетирования инфляции центральные банки сталкиваются с необходимостью не только транслировать собственные послы, но и собирать обратную связь и информацию для совершенствования собственного понимания экономической ситуации и прогнозирования.

Для того, чтобы доказать данный тезис уместно привести пример, доказывающий наличие в коммуникации центральных банков инструментов, нацеленных на сбор информации от хозяйствующих субъектов, а также оказывающий значительное влияние в ходе практикуемого регулятором режима денежно-кредитной политики.

Наиболее показательным примером в данном случае представляется Мониторинг предприятий, проводимый Банком России более 25 лет. Центральный банк Российской Федерации, как и многие зарубежные регуляторы, проводит регулярные опросы предприятий нефинансового сектора экономики. За годы долгосрочного сотрудничества с предприятиями мегарегулятор сформировал самую представительную выборку в России [41]. В среднем в 2023 г. в опросах ежемесячно участвует около 15 тыс. предприятий практически всех видов экономической деятельности⁴. В ходе проводимых опросов руководители предприятий дают качественную оценку текущих и ожидаемых изменений деловой активности на основе динамики объемов производства, спроса, цен и других индикаторов. В фокусе постоянного внимания Банка России наряду с оценками текущей ситуации находятся также ожидания предприятий на ближайшую перспективу. Включение ожиданий в расчет аналитических индикаторов определяет их опережающий характер и дает существенное преимущество по сравнению со многими аналогичными опросами предприятий [4]. Полученные данные учитываются Банком России при принятии решений по денежно-кредитной политике для анализа и прогнозирования инфляции, выявления основных тенденций развития экономики в целом по стране и по регионам [1].

---

⁴ Мониторинг предприятий. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации URL: <https://www.cbr.ru/dkp/mp/> (дата обращения: 15.11.2025)

От корректности прогноза Банка России по инфляции в значительной степени зависит эффективность использования доступного мегарегулятору инструментария денежно-кредитной политики. Более того, точность прогнозов Банка России неизбежным образом влияет на уровень доверия общества к политике Центрального банка. Оценить значимость Мониторинга предприятий для принятия решений по денежно-кредитной политике, особенно в условиях принятого Банком России режима таргетирования инфляции, можно по тому вкладу, который оказывают полученные данные на точность прогноза по индексу потребительских цен. Проведенное ранее исследование продемонстрировало, что добавление индикаторов Мониторинга предприятий Банка России в модель прогноза инфляции имеет большую вероятность статистически значимо увеличить точность прогнозирования инфляции на краткосрочном горизонте. Для проверки использовались следующие модели (табл. 2.6).

Согласно полученным результатам самыми точными моделями на всех горизонтах прогноза оказались модели с использованием данных МП. В среднем более точные результаты у тех моделей, которые учитывают особенности данных МП, это модели с суффиксом _COMP. Модели данного типа вполне можно применять для прогнозирования ИПЦ в реальном времени, так как они не используют данные, которые значимо пересматриваются.

Средняя разница в точности между моделями с МП и без него снижается при увеличении горизонта прогноза. Информационное множество МП в среднем дает бóльшую прибавку точности для прогноза на горизонт в первые три месяца [31].

Так по результатам расчетов самые точные модели в наборе моделей с данными Мониторинга оказались значимо точнее самых точных моделей без таких данных по всем исследуемым горизонтам прогноза. Лучшие модели с упомянутыми данными имели точность на 22%, 26% 29,7% и 17,6% выше, чем лучшие модели без них, при прогнозе на горизонт 1, 2, 3 и 6 месяцев соответственно (табл. 2.7) [31].

Таблица 2.6 – Сводное описание используемых моделей

Название модели	Тип модели	Метод прогноза	Структура	Краткое описание
Группа 1: Одномерные модели (базовые ориентиры/бенчмарки)				
RW_D	Одномерная	Прямой	Агрегированный ИПЦ	Простейший прогноз, где будущее значение равно последнему известному значению для того же самого горизонта прогноза.
RW_1L / RW_3L	Одномерная	Рекурсивный	Агрегированный ИПЦ	Прогноз, где будущая инфляция экстраполируется из последнего известного месячного значения (или среднего за 3 месяца).
SES	Одномерная	Рекурсивный	Агрегированный ИПЦ	Модель простого экспоненциального сглаживания, придающая больший вес недавним наблюдениям инфляции.
ARIMA	Одномерная	Рекурсивный	Агрегированный ИПЦ	Классическая модель временных рядов, сочетающая авторегрессионные и компоненты скользящего среднего.
Группа 2: Многомерные эконометрические модели				
VAR	Многомерная эконометрическая	Рекурсивный	Агрегированный ИПЦ	Прогнозирует систему макроэкономических переменных (включая ИПЦ) на основе их прошлых взаимосвязанных значений.
DFM	Многомерная эконометрическая	Рекурсивный	Агрегированный ИПЦ	Снижает размерность VAR-модели путем извлечения общих ненаблюдаемых факторов из большого набора данных.
Группа 3: Модели прямых регрессий				
AR_D	Одномерная линейная регрессия	Прямой	Агрегированный ИПЦ	Простая регрессия, прогнозирующая инфляцию на h месяцев вперед на основе ее значения h месяцев назад.
BS_ECON / ROZN	Многомерная линейная регрессия	Прямой	Агрегированный ИПЦ	Расширяет модель AR_D, добавляя в качестве предиктора данные опросов предприятий (ценовые ожидания).
EN	Многомерная регуляризованная линейная регрессия	Прямой	Агрегированный ИПЦ	Линейная регрессия с L1 и L2 регуляризацией (Elastic Net) для отбора переменных и борьбы с мультиколлинеарностью.
Группа 4: Модели прямых регрессий по компонентам ИПЦ				
CB_COMP	Многомерный ансамблевый метод с регуляризацией	Прямой	ИПЦ по компонентам	Прогнозирует каждую компоненту ИПЦ отдельно с помощью градиентного бустинга в реализации CatBoost, затем агрегирует прогнозы по весам ИПЦ.
LM_COMP	Многомерная линейная регрессия	Прямой	ИПЦ по компонентам	Контрольная модель для CB_COMP. Использует ту же покомпонентную структуру, но с простой линейной регрессией (МНК).
EN_COMP	Многомерная регуляризованная линейная регрессия	Прямой	ИПЦ по компонентам	Контрольная модель для CB_COMP. Использует ту же покомпонентную структуру, но с моделью эластичной сети (Elastic Net).

Таблица 2.7 – RMSE вневыборочного прогноза накопленного ИПЦ SA без КУ по моделям и горизонтам прогноза

RMSE в %

в круглых скобках указано отношение RMSE к соответствующей ошибке по модели RW_D

Тип модели	Модель	МП	Горизонт прогноза, месяцев			
			1	2	3	6
Модели на основе средних	RW_D	-	0,22 (1,00)	0,39 (1,00)	0,60 (1,00)	2,11 (1,00)
	RW_1L	-	0,22 (1,00)	0,42 (1,05)	0,64 (1,08)	1,41 (0,67)
	RW_3L	-	0,21 (0,95)	0,39 (0,98)	0,60 (1,00)	1,34 (0,63)
	SES	-	0,22 (0,99)	0,42 (1,05)	0,62 (1,05)	1,53 (0,73)
ARIMA	ARIMA	-	0,21 (0,94)	0,39 (0,99)	0,60 (1,01)	1,17 (0,55)
Многомерные эконометрические модели	VAR	+	0,20 (0,89)	0,39 (0,99)	0,66 (1,10)	1,49 (0,71)
		-	0,21 (0,94)	0,38 (0,96)	0,58 (0,97)	1,07 (0,51)*
	DFM	+	0,23 (1,04)	0,47 (1,18)	0,67 (1,13)	1,10 (0,52)
		-	0,26 (1,18)	0,47 (1,19)	0,69 (1,16)	1,24 (0,59)
Модели прямых линейных регрессий	AR_D	-	0,21 (0,95)	0,39 (0,98)	0,59 (0,98)	1,48 (0,70)
	BS_ECON16	+	0,17 (0,76)**	0,31 (0,77)**	0,47 (0,78)	0,88 (0,42)
	BS_ROZN16	+	0,17 (0,77)*	0,30 (0,75)**	0,42 (0,71)**	0,86 (0,41)
	BS_ECON09	+	0,19 (0,86)	0,34 (0,86)	0,51 (0,85)	1,16 (0,55)
	BS_ROZN09	+	0,19 (0,88)	0,34 (0,86)	0,49 (0,82)	1,21 (0,57)
	EN	+	0,18 (0,82)**	0,35 (0,88)**	0,53 (0,88)	1,21 (0,57)
		-	0,23 (1,04)	0,43 (1,10)	0,62 (1,04)	1,22 (0,58)
Модель СВ по компонентам	CB_COMP	+	0,16 (0,72)**	0,30 (0,75)***	0,44 (0,74)***	0,97 (0,46)
		-	0,20 (0,93)	0,39 (0,99)	0,59 (0,98)	1,05 (0,50)
Модели прямых линейных регрессий по компонентам	LM_COMP	+	0,18 (0,81)	0,36 (0,92)***	0,72 (1,20)***	2,07 (0,98)*
		-	0,22 (1,01)	0,51 (1,29)	0,96 (1,61)	2,18 (1,03)
	EN_COMP	+	0,17 (0,78)**	0,28 (0,71)***	0,41 (0,69)***	0,92 (0,44)***
		-	0,21 (0,97)	0,39 (1,00)	0,59 (1,00)	1,20 (0,57)

Примечание. ИПЦ – индекс потребительских цен, SA – сезонно сглаженный, КУ – коммунальные услуги, МП – мониторинг предприятий Банка России. + в столбце МП обозначает, что в модели используется информационное множество МП. Ошибка рассчитывалась на тестовой выборке (январь 2019 – июль 2024 г.), данные из которой не использовались при оценке моделей. В расчет ошибки не входят выбросы: апрель 2020 г., весь 2022 г. *, **, *** – точность модели с МП статистически значимо отличается (двухсторонний тест) от точности модели без МП согласно тесту Диболда – Мариано [97], скорректированному для маленьких выборок [117], на уровне значимости 10%, 5% и 1% соответственно. Тест рассчитывается между одинаковыми моделями с и без данных МП.

Добавление данных МП в любую модель не гарантирует улучшения прогностических свойств. Так, модели VAR, DFM, BS_ECON2009 и BS_ROZN2009 при добавлении в них данных МП не показали значимого изменения точности вневыборочного прогноза. При этом для всех остальных многомерных моделей добавление множества МП статистически значимо снизило вневыборочные ошибки хотя бы на двух горизонтах прогноза [31].

Точность простых прямых линейных регрессий с данными МП и лагами ИПЦ зависит от того, с какого периода используются данные, и может быть связана с значительным изменением структуры экономики России после 2015 г. или коэффициента связи агрегированных данных МП с ИПЦ в зависимости от временного промежутка. Однако точность этих моделей выше точности AR_D для всех горизонтов. Для BS_ECON16, BS_ROZN16 различие становится статистически значимым хотя бы на двух горизонтах. Несмотря на простоту, точность моделей сравнима с точностью более продвинутых моделей [31].

Таким образом, индикаторы мониторинга предприятий, ежемесячно получаемые на основе опросов, проводимых Банком России, являются важной информацией, которую можно использовать в процессе прогнозирования индекса потребительских цен. Добавление этих индикаторов к моделям, как правило, приводит к снижению ошибки вневыборочного прогноза, особенно при прогнозе на горизонт до трех месяцев. В целом индикаторы мониторинга предприятий могут рассматриваться в качестве опережающих индикаторов инфляционных процессов и использоваться на этапе краткосрочного прогнозирования, а также в качестве количественных индикаторов инфляционных ожиданий [31].

Полученные результаты не только свидетельствуют о роли собранной в ходе коммуникации Банком России для прогнозирования инфляции в рамках избранного им режима таргетирования инфляции, но и являются важным доказательством в пользу актуальности авторского определения коммуникационной стратегии центрального банка, учитывающего

существование наряду с сигнальными еще и интерактивных форм коммуникации. Также о значимости получаемой в рамках Мониторинга предприятий Банка России говорят и аналогичные исследования в этой области самих сотрудников регулятора [4, 41, 53].

Подводя итог, процесс трансформации коммуникационных стратегий центральных банков был обусловлен рядом факторов, включая глобализацию финансовых рынков, развитие информационных технологий, а также необходимость повышения прозрачности и подотчетности монетарных властей.

1. Закрытые стратегии (1985–1995 гг.). В этот период центральные банки придерживались политики минимальной открытости, что было связано со стремлением избежать рыночных шоков и сохранить гибкость в принятии решений. Примеры ФРС США, Банка Англии и Банка Японии иллюстрируют, как регуляторы ограничивали доступ к информации, избегали публичных комментариев и не публиковали протоколы заседаний. Такая закрытость, однако, нередко приводила к недоверию со стороны экономических агентов и усилению неопределенности на рынках.

2. Гибридные стратегии (1995–2015 гг.). Переход к гибридным стратегиям совпал с распространением режимов денежно-кредитной политики: таргетирования монетарной массы, таргетирования валютного курса и таргетирования инфляции. Центральные банки, такие как Резервный банк Австралии и Банк Англии, начали публиковать инфляционные отчеты, проводить пресс-конференции и раскрывать протоколы заседаний. Этот этап также ознаменовался активным использованием интернета для распространения информации, что сделало коммуникацию более доступной для широкой аудитории.

3. Открытые стратегии (2015–2025 гг.). Современный этап характеризуется углублением прозрачности и внедрением инновационных форматов коммуникации. Лидеры открытости (ФРС, ЕЦБ, Банк Англии) используют цифровые платформы, публикуют прогнозы по процентным ставкам и активно взаимодействуют с различными аудиториями. В то же время регуляторы

развивающихся рынков (Банк России, Резервный банк Индии) демонстрируют адаптацию лучших практик с учетом национальных особенностей. Консервативные регуляторы (Народный банк Китая, Агентство денежного обращения Саудовской Аравии) сохраняют закрытость, что обусловлено политическими и экономическими ограничениями.

Выявленные особенности:

– Влияние таргетирования инфляции: Переход к открытым стратегиям наиболее ярко проявился у центральных банков, принявших режим таргетирования инфляции. Это подтверждается данными по Банку Англии (1992 г.), Банку России (2014 г.) и другим регуляторам (табл. 2.1).

– Роль кризисов: Финансовые кризисы (2008 г., 2020 г.) ускорили развитие кризисной коммуникации, что особенно заметно на примере ФРС и ЕЦБ.

– Институциональные различия: Регуляторы развитых стран быстрее адаптировались к открытости, тогда как в развивающихся странах процесс замедлился из-за политических и экономических ограничений.

Эволюция коммуникационных стратегий центральных банков отражает общий тренд на повышение прозрачности и подотчетности монетарных властей. Однако степень открытости остается неоднородной и зависит от институционального контекста.

Выводы к разделу 2

Проведенное исследование эволюции коммуникационных стратегий центральных банков в период с 1985 по 2025 годы позволило выявить системные закономерности и движущие силы их трансформации. Предложенная трехэтапная периодизация, основанная на критерии функционального назначения коммуникации, доказала свою эвристическую ценность, представив наблюдаемые изменения не как набор разрозненных практик, а как последовательное и логичное отражение глубинных сдвигов в макроэкономике и операционной парадигме денежно-кредитной политики.

1. Ключевым критерием выделения этапов служила трансформация роли коммуникации центрального банка: от ее отрицания и минимизации как потенциально дестабилизирующего фактора, через утилитарное использование как инструмента одностороннего сигнализирования, до признания в качестве полноценного механизма двустороннего интерактивного взаимодействия, необходимого для формирования и управления ожиданиями экономических агентов. Этот переход детерминирован сменой макроэкономических парадигм: от кейнсианских моделей с акцентом на операционную независимость и технократизм, через распространение режимов таргетирования (монетарной массы, валютного курса, инфляции), потребовавших публичных обязательств и управления доверием, к современной модели, где инфляционные ожидания становятся центральным объектом монетарного управления. Теоретическая модель периодизации получила эмпирическое наполнение через анализ репрезентативной выборки из 15 центральных банков, сформированной с учетом критериев уровня экономического развития, региональной принадлежности, языкового разнообразия и применяемого режима денежно-кредитной политики, что обеспечило валидность последующих сравнительных выводов.

2. Эмпирический анализ периода господства закрытых коммуникационных стратегий (1985–1995 гг.) выявил единообразие подходов к минимизации финансовой коммуникации среди центральных банков, принадлежащих к разным экономическим системам и географическим регионам, что подтвердило тезис о глобальном доминировании определенной макроэкономической парадигмы. Исследование показало, что институциональная молчаливость регуляторов в тот период не была следствием технической отсталости или неразвитости медиасреды, а представляла собой осознанную доктрину. Эта установка проистекала из технократического понимания независимости центрального банка, ассоциировавшего свою эффективность со свободой от политического давления и рыночных спекуляций. В рамках кейнсианских подходов и относительно простых моделей инфляции, где инфляционные ожидания не играли самостоятельной роли, стратегическая неопределенность

целенаправленно использовалась как инструмент денежно-кредитной политики. Коммуникация рассматривалась исключительно как источник репутационных и операционных рисков, а принцип «никогда не объясняй, никогда не извиняйся» был отражением институциональной нормы, нацеленной на сохранение максимального операционного маневра.

3. Анализ переходного периода гибридных стратегий (1995–2015 гг.) продемонстрировал, что ключевым катализатором трансформации стал кардинальный пересмотр роли доверия экономических агентов центральному банку и предсказуемости действий самого регулятора. Широкое распространение новых режимов денежно-кредитной политики, прежде всего таргетирования различных макроэкономических показателей (монетарной массы, валютного курса, а затем и инфляции), потребовало публичного объявления количественных ориентиров. Сам этот акт означал революционный сдвиг, поскольку центральный банк добровольно принимал на себя измеримые публичные обязательства. Однако эффективность новых режимов оказалась напрямую зависимой от степени доверия к ним экономических агентов. В этих условиях коммуникация перестала быть факультативной и превратилась в необходимый инструмент укрепления доверия, приняв преимущественно убеждающий характер. Ее главной функцией стало «заякоривание» ожиданий через одностороннюю передачу сигналов о твердости намерений регулятора. На данном этапе зародились и получили распространение такие форматы, как пресс-релизы с объяснением решений, инфляционные отчеты и публичные выступления официальных лиц. Сравнительный анализ выявил нарастающую дифференциацию в скорости и глубине коммуникационных преобразований между центральными банками развитых и развивающихся экономик, что позволило вести речь о возникновении качественно различных моделей гибридности, обусловленных спецификой институционального и макроэкономического контекста.

4. Исследование современного периода активного распространения открытых коммуникационных стратегий регуляторов (2015–2025 гг.) показало

принципиальный отход от монолога к диалогу, что обусловлено повсеместным принятием режима таргетирования инфляции. В рамках этой модели инфляционные ожидания стали центральным объектом управления, а их эффективное формирование и коррекция оказались невозможны без интерактивного взаимодействия между регуляторами и экономическими агентами. Коммуникация трансформировалась из инструмента одностороннего сигнализирования в механизм двустороннего обмена информацией. На первый план вышли ценности не только прозрачности и предсказуемости, но и адаптивности. Стратегия стала решать двуединую задачу: долгосрочного «заякоривания» ожиданий экономических агентов и гибкого реагирования на их краткосрочные колебания со стороны центрального банка. Это привело к развитию таких форматов, как системные опросы предприятий и домохозяйств, публикация альтернативных сценариев и активное использование цифровых платформ для оперативного диалога. Сравнительный анализ позволил выделить три группы регуляторов с отчетливо выраженными траекториями: лидеры открытости (ФРС, ЕЦБ, Банк Англии), фокусирующиеся на управлении ожиданиями через инновации; регуляторы гибридных рынков (Банк России, Резервный банк Индии), адаптирующие лучшие практики с учетом локальных вызовов и делающие акцент на цифровизацию; и консервативные регуляторы (НБК, АДО СА), сохраняющие элементы закрытости в силу политических ограничений или привязки к альтернативным монетарным режимам. Особое значение приобрела кризисная коммуникация, превратившаяся в самостоятельный стратегический инструмент стабилизации финансовой сферы через управление ожиданиями экономических агентов в условиях экстремальной турбулентности.

Проведенное исследование позволило дать оценку и выявить единую логику эволюции коммуникационных стратегий центральных банков, отражающую глубинные сдвиги в парадигме денежно-кредитного регулирования. Этот переход был обусловлен осознанием того, что в современной сложной финансовой системе стабильность невозможна без

активного управления хрупким активом общественного доверия. Таким образом, движущей силой эволюции стало не просто развитие техник общения, а вынужденная смена самой институциональной идентичности центрального банка: от отстраненного арбитра, ценившего стратегическую неопределенность, к институту, эффективность денежно-кредитной политики которого теперь напрямую зависит от прозрачности, адаптивности и способности целенаправленно формировать ожидания.

Основные результаты исследования, представленные в данном разделе, опубликованы автором в работах [24], [26], [27] [30], [31], [33].

РАЗДЕЛ 3**АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА
ОТКРЫТОСТИ КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ****3.1 Индекс открытости коммуникационных стратегий центральных**

В контексте апробации методики количественного анализа открытости коммуникационных стратегий центральных банков принципиальное значение приобретает рассмотрение теоретико-методологических оснований самого понятия «открытость» применительно к монетарной коммуникации. Открытость в данном случае не может быть сведена к простой дихотомии «скрытность-раскрытие»; это многомерный конструкт, функционирующий на стыке информационной прозрачности, понятности изложения и доступности каналов распространения информации для различных аудиторий. Содержательное наполнение открытости эволюционирует вместе с развитием экономической теории, где коммуникация трансформировалась из вспомогательного инструмента денежно-кредитной политики в ее самостоятельный и мощный канал трансмиссии, оперирующий через управление ожиданиями экономических агентов. Следовательно, измерение открытости требует выхода за рамки формального подсчета публикуемых документов и предполагает проникновение в их лингвистическую и смысловую структуру, что обуславливает обращение к методам компьютерной лингвистики и искусственного интеллекта.

Операционализация открытости как измеримой категории сопряжена с необходимостью преодоления ряда методологических вызовов. Ключевым из них является проблема сопоставимости данных в ретроспективе, учитывая радикальную трансформацию форматов и технологий коммуникации на протяжении исследуемого сорокалетнего периода. Документация центральных банков 1980-х годов, существовавшая преимущественно в виде бумажных пресс-релизов и бюллетеней, и мультимедийный цифровой контент 2020-х,

включающий интерактивные дашборды, видеотрансляции и сообщения в социальных сетях, по своей природе представляют различные коммуникативные режимы. Таким образом, разрабатываемая методика должна была обладать свойством инвариантности к носителю информации, фокусируясь на содержательном аспекте — сложности языка, насыщенности терминологией, структуре аргументации и степени раскрытия мотивов принятия решений. Это потребовало разработки такой системы лингвистических маркеров, которая была бы чувствительна к изменениям в стилистике документов, но при этом оставалась релевантной для всего временного диапазона.

Еще одной существенной сложностью стала проблема межъязыковой валидности методики. Поскольку выборка включает центральные банки, публикующие материалы на девяти различных языках, возникал риск того, что лингвоспецифические особенности будут интерпретированы моделью как признаки большей или меньшей открытости. Для нивелирования этого фактора был применен подход, основанный на концепции «относительной сложности». В его рамках доступность текста оценивается не в абсолютных терминах, а относительно устоявшегося дискурсивного стандарта в данной языковой среде, который задается синтетическим материалом для предобучения нейронной сети. Такой подход позволяет минимизировать систематическую ошибку, связанную с объективными различиями в грамматическом строе и терминологических системах разных языков, и сфокусироваться на измерении усилий, которые центральный банк предпринимает для донесения информации до своей целевой аудитории - будь то профессиональные участники рынка или широкая общественность.

Структурно стоящую задачу по лингвистическому анализу текста можно представить следующим образом:

- 1) Определение конкретной нейронной сети для анализа;
- 2) Определение выборки эмпирического материала для исследования;

3) Поиск и подбор достаточного количества синтетического материала для нейронной сети, который послужил бы ей примером коммуникации определённого уровня сложности;

4) Обучение нейросети на основании синтетического материала;

5) Экспертный контроль обученной нейросети на ограниченной выборке эмпирического материала для проверки корректности её анализа;

6) Анализ нейронной сети полного объема выборки.

Так, в рамках данного исследования для анализа коммуникационных материалов центральных банков был выбран искусственный интеллект DeepSeek Chat, а не альтернативные модели (ChatGPT, Gemini, Claude и др.). Этот выбор обусловлен следующими преимуществами. В отличие от ChatGPT, который оптимизирован для генерации "естественных" ответов, DeepSeek показывает более высокую точность в:

- Разборе сложных синтаксических конструкций;
- Понимании контекста специализированной терминологии;
- Выявлении скрытых смыслов в официальных документах.

Большая длина контекста (128 000 против 32 000 у ChatGPT) позволяет анализировать объемные документы без потери связности [57]. Более точная обработка редких языков (например, турецкого, арабского). Сравнение технических характеристик для аргументации выбора DeepSeek Chat представлено в табл. 3.1.

Таблица 3.1 – Сравнительный анализ технических характеристик нейронных сетей.

Критерий	DeepSeek Chat	ChatGPT 4	Gemini 1.5	Claude 3
Длинная контекста	128K	32K	1M	200K
Поддержка языков	30+	20+	20+	10+
Точность анализа	Высокая	Средняя	Высокая	Высокая

Для контроля точности измерения доступности анализируемых текстов нейронной сетью было принято решение использовать сокращённую выборку текстов для параллельного слепого анализа и нейронной сетью и экспертом. При помощи нейросети в целях калибровки были проанализированы по 10 текстов из материалов центральных банков из пяти периодов: 1991-1998 гг., 1999-2007 гг., 2008-2014 гг., 2014-2019 гг. и 2020-2025 гг. на каждом языке выборки (по 2 материала на каждый период). Для предобучения нейронной сети на каждом языке были использованы три материала: 1 учебник по экономике для детей школьного возраста, 1 учебник по экономике для студентов вузов и 1 кандидатская диссертация по экономике. В качестве экспертов были привлечены носители языков с ученой степенью. Каждый эксперт получил 10 текстов, которым он проставлял оценки, аналогично той методике, которая предлагалась нейронной сети. Эксперты не знали оценок нейронной сети и оценивали доступность направленных им текстов самостоятельно. Всего было задействовано 9 экспертов, по 1 на каждый язык, по которому проверялась нейронная сеть. Пример заполненной экспертом анкеты представлен на рисунке 3.1.

После получения всех анкет от экспертов, был проведен корреляционный анализ оценок от экспертов и оценок от нейронной сети по формуле:

$$Corell(X, Y) = \frac{\sum(x - \bar{x})(y - \bar{y})}{\sqrt{\sum(x - \bar{x})^2 \sum(y - \bar{y})^2}} \quad (3.1)$$

Результаты представлены в табл. 3.2.

Dear expert!

This questionnaire was developed as part of the dissertation research "Evolution of communication strategies of central banks as a tool of state regulation". The study also plans to analyze the accessibility of economic information in the texts of central banks. For this purpose, it is planned to use a neural network. This questionnaire is designed to validate and calibrate the pre-trained neural network. You are offered a limited test sample of texts of central banks for evaluation to assess the accessibility of economic information. The score varies from 0 to 2, where 0 means that the text can only be learned by a person with a higher education in economics, 1 means that the text can only be learned by a student of a higher educational institution, 2 means that the text can be learned by a schoolchild. The texts are presented in the language that will subsequently be analyzed by the neural network, so we kindly ask you to pay attention to the subtleties of language structures that are accessible to you as a native speaker. The texts sent to you are numbered.

Evaluation table:

№	Text	Rating (0 to 2)
1	金融政策決定会合における 主な意見	1
2	金融政策決定会合における 主な意見	0
3	「量的・質的金融緩和」の 導入について	0
4	経済・物価情勢の展望	2
5	当面の金融政策運営につい て	2
6	経済・物価の将来展望とリ スク評価	1
7	経済・物価情勢の展望	0
8	最近の金融経済情勢と金融 政策運営	1
9	広島県金融経済懇談会にお ける挨拶	1
10	最近の金融経済情勢につい て一佐賀県金融経済懇談会 における挨拶要旨	2

Language: Japanese

Expert: (full name, degree, position) Youichi Fujii, PhD, teacher at Mii Prefectural High School

Date of completion: (DD/MM/YY) 24/April/2025

Signature:

Рисунок 3.1 – Пример заполненной анкеты PhD Ёити Фуджии по доступности изложения информации Банком Японии

Все полученные значения корреляции находятся выше 0,3. Это позволяет говорить о том, что метод использования нейронной сети для оценки доступности изложения экономической информации в текстах центральных банков в принципе применим. Однако, для синтетического материала

предобучения нейронной сети трех материалов недостаточно, так как значительная часть значений корреляции ниже 0,6. С целью повышения точности оценки объем синтетического материала был увеличен. Так, было решено использовать 9 материалов: 3 учебника по экономике для детей школьного возраста, 3 учебника по экономике для студентов вузов и 3 кандидатских диссертаций по экономике.

Таблица 3.2 – Результаты корреляционного анализа оценок доступности текстов центральных банков по языкам.

№	Язык	Значение корреляции
1	Английский	0,816
2	Арабский	0,368
3	Испанский	0,553
4	Китайский	0,777
5	Немецкий	0,604
6	Португальский	0,403
7	Русский	0,516
8	Турецкий	0,428
9	Японский	0,451

При помощи нового синтетического материала нейронная сеть была предобучена заново. После этого были оценены те же тексты. Новые значения корреляций представлены в табл. 3.3.

Таблица 3.3 – Результаты корреляционного анализа оценок доступности текстов центральных банков по языкам после увеличения объема синтетического материала для предобучения.

№	Язык	Значение корреляции
1	Английский	0,903
2	Арабский	0,527
3	Испанский	0,587
4	Китайский	0,845
5	Немецкий	0,707
6	Португальский	0,666
7	Русский	0,709
8	Турецкий	0,699
9	Японский	0,597

С учетом того, что значения корреляции выросли по всем языкам метод увеличения объема синтетического материала может быть признан успешным для повышения точности оценки. Однако, когда для повышения точности оценки отдельно на арабском языке нейронной сети еще больше увеличили объем синтетического материала для предобучения (еще по 1 материалу каждого вида) - значение корреляции выросло лишь до 0,579. Дальнейшее увеличение объема синтетического материала для предобучения лишь снижало значение корреляции. Итого было решено ограничиться девятью материалами для всех языков кроме арабского и двенадцатью для арабского. Полученных результатов достаточно для того, чтобы сказать, что предобученная нейросеть способна с относительной степенью точности определять доступность изложения экономической информации в текстах центральных банков. Полный список синтетических материалов для предобучения нейронной сети представлен в Приложении 1.

Таким образом, процесс апробации методики был направлен не только на проверку ее технической работоспособности, но и на верификацию ее концептуальной состоятельности как инструмента, способного адекватно отразить сложную и динамичную природу коммуникационных стратегий современных центральных банков в их исторической ретроспективе.

Теперь необходимо более детально остановиться на выборке документов центральных банков для анализа в исследуемый период. По понятным причинам даже при всех возможностях автоматизации анализ всей генеральной совокупности опубликованных материалов всеми 15 центральными банками из стран выборки невозможен. При этом, преимущества метода позволят проанализировать достаточно представительное число материалов. Также стоит учитывать, что число публикуемых за год центральными банками материалов в 1990-е годы и в 2020-е может различаться на порядок, а иногда и на два. И наконец, сами публикуемые материалы в значительной степени неоднородны. Кризисные коммюнике отличаются и по характеру, и по сложности коммуникации от классических пресс-релизов, не говоря уже о важных

программных документах регуляторов. Исходя из вышеописанных сложностей была следующие подходы к формированию выборки материалов центральных банков для исследования.

Дифференцированный подход по периодам:

- 1985-1999: 3-5 материалов/год (архивные PDF, редкие пресс-релизы);
- 2000-2009: 8-12 материалов/год (появление сайтов, первые отчеты);
- 2010-2019: 15-20 материалов/год (регулярные публикации + соцсети);
- 2020-2025: 25-30 материалов/год (мультиформатный контент + кризисные коммюнике).

Стратифицированная выборка:

- 100% ключевых докладов (отчеты о политике);
- 30% пресс-релизов (рандомизация по кварталам);
- 20% соцсетей (топ-3 по вовлеченности в год).

Итоговый вариант практической выборки материалов на примере ЕЦБ выглядел следующим образом (см. табл. 3.4). Со всеми остальными таблицами по странам выборки можно ознакомиться в Приложении 2. Всего было проанализировано 11 885 материалов, опубликованных центральными банками стран выборки. Подробная разбивка числа материалов по странам представлена в табл. 3.5.

Основными источниками эмпирического материала для анализа выступили официальные сайты центральных банков стран выборки, включая оцифрованные архивы с отсканированными документами в виде pdf-файлов (в т.ч.: Проект «Цифровая история ЦБ»: Оцифрованные протоколы заседаний Банка Японии, отчёты «Economic Outlook» по Центральному банку Турции на сайте Центральной библиотеки Стамбула, сканированные копии архивных подшивок «Вестника Банка России» Российской государственной библиотеки, публикации «Economic Surveys» по Швейцарскому национальному банку библиотеки ОЭСР и другие), их официальные аккаунты в социальных сетях. Методология сбора данных сочетает «ручной» поиск (для периодов до 2000 года)

и автоматизированный парсинг (после 2000 года), что дало возможность обеспечить репрезентативность и достоверность результатов.

Таблица 3.4 – Практическая выборка материалов ЕЦБ для годового анализа ICS

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы внешней среды
1999	2	3	-	-	-	5	Период становления
2000	2	4	-	-	-	6	Введение евро
2001	2	5	1	-	-	8	Кризис доверия
2002	3	6	-	1	-	10	
2003	3	5	2	1	-	11	Нарушение Пакта стабильности
2004	3	7	-	1	-	11	Расширение ЕС
2005	4	8	-	2	-	14	
2006	4	9	-	2	-	15	
2007	4	10	1	2	-	17	Ипотечный кризис
2008	5	12	6	3	-	26	Коллапс Lehman Brothers
2009	5	10	4	3	1	23	
2010	5	12	5	4	2	28	Греческий кризис
2011	6	12	4	4	3	29	
2012	6	13	3	5	4	31	Речи Марио Драги "Любой ценой"
2013	6	14	2	5	5	32	
2014	7	15	1	6	6	35	Отрицательные ставки
2015	7	16	-	7	7	37	QE расширение
2016	7	15	3	7	8	40	Brexit
2017	8	16	-	8	9	41	
2018	8	17	-	8	10	43	Запуск образовательного портала ЕЦБ
2019	8	18	-	9	12	47	
2020	9	20	8	10	15	62	Пандемия
2021	9	19	5	10	16	59	Цепочки поставок
2022	10	18	7	11	17	63	Геополитический шок
2023	10	19	3	12	18	62	
2024	10	20	-	13	20	63	
2025	11	20	-	14	22	67	

Таблица 3.5 – Количество проанализированных материалов центральных банков стран выборки

№	Центральный банк	Число материалов
1	Центральный банк Аргентины	585
2	Резервный банк Австралии	1023
3	Центральный банк Бразилии	755
4	Резервный банк Индии	791
5	Банк Канады	615
6	Народный банк Китая	668
7	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	303
8	Центральный банк Российской Федерации	658
9	Федеральная резервная система США	1041
10	Банк Англии	1033
11	Центральный банк Турции	385
12	Швейцарский национальный банк	1035
13	Южно-Африканский резервный банк	864
14	Банк Японии	1502
15	Европейский центральный банк	633

Таким образом, в соответствии с вышеописанной процедурой, а также методами исследования, подробно представленными в первом разделе, были проанализированным коммуникационные стратегии центральных банков стран выборки. Отдельно стоит отметить, что ввиду исключительной коммуникационной закрытости Государственного банка СССР, было принято не включать в расчет индекса данные по России до 1991 года. Результаты анализа изложены в табл. 3.6. Более развернутые результаты (с указанием значений отдельных составляющих индекса по каждому году) представлены в Приложении 3.

На первый план выходят глубинные институциональные и политико-экономические факторы, формирующие траектории изменения прозрачности. Наиболее яркая закономерность прослеживается в группе стран, принявших режим таргетирования инфляции, где ICS демонстрировал устойчивый рост с лагом в 3-5 лет после перехода к новому режиму денежно-кредитной политики.

Таблица 3.6 – Индекс открытости коммуникационных стратегий
центральных банков (ICS) стран выборки с 1985 по 2025 гг.

Год	Резервный банк Австралии	Центральный банк Аргентины	Европейский центральный банк	Банк Канады	Народный банк Китая	Агентство денежного обращения	Центральный банк Российской	Федеральная резервная система	Банк Англии	Центральный банк Республики Турция	Центральный банк Бразилии	Швейцарский национальный банк	Южно-Африканский резервный банк	Банк Японии	Резервный банк Индии
1985	0,131	0,115	-	0,217	0,137	0,125	-	0,261	0,154	0,133	0,115	0,208	0,125	0,343	0,137
1986	0,141	0,121	-	0,227	0,143	0,130	-	0,271	0,161	0,139	0,121	0,217	0,130	0,348	0,142
1987	0,156	0,128	-	0,241	0,149	0,135	-	0,281	0,17	0,147	0,128	0,227	0,135	0,356	0,149
1988	0,172	0,137	-	0,256	0,156	0,141	-	0,289	0,180	0,156	0,137	0,236	0,141	0,361	0,156
1989	0,183	0,145	-	0,271	0,161	0,147	-	0,299	0,189	0,165	0,145	0,245	0,147	0,450	0,161
1990	0,273	0,235	-	0,285	0,170	0,155	-	0,511	0,199	0,177	0,155	0,255	0,155	0,457	0,170
1991	0,29	0,257	-	0,463	0,177	0,161	0,208	0,321	0,370	0,187	0,165	0,265	0,161	0,467	0,187
1992	0,311	0,275	-	0,485	0,265	0,170	0,221	0,331	0,461	0,199	0,177	0,355	0,170	0,559	0,205
1993	0,565	0,290	-	0,515	0,275	0,180	0,233	0,341	0,525	0,210	0,191	0,369	0,180	0,570	0,302
1994	0,559	0,199	-	0,529	0,285	0,191	0,247	0,711	0,735	0,195	0,290	0,379	0,279	0,580	0,315
1995	0,530	0,297	-	0,595	0,497	0,205	0,261	0,525	0,753	0,205	0,311	0,475	0,297	0,595	0,329
1996	0,556	0,311	-	0,574	0,307	0,217	0,273	0,535	0,565	0,217	0,329	0,485	0,315	0,605	0,341
1997	0,649	0,325	-	0,559	0,319	0,231	0,209	0,545	0,579	0,231	0,347	0,497	0,329	0,534	0,355
1998	0,635	0,341	0,937	0,581	0,333	0,245	0,387	0,759	0,595	0,245	0,565	0,591	0,427	0,547	0,369
1999	0,662	0,246	0,951	0,605	0,345	0,261	0,403	0,569	0,609	0,235	0,665	0,805	0,365	0,559	0,385
2000	0,916	0,231	0,765	0,938	0,439	0,439	0,491	0,583	0,834	0,333	0,565	0,901	0,465	0,653	0,405
2001	0,933	0,207	0,781	0,957	0,453	0,453	0,604	0,553	0,645	0,351	0,582	0,713	0,759	0,745	0,417
2002	1,036	0,275	0,968	0,977	0,359	0,385	0,595	0,777	0,859	0,369	0,799	0,725	0,777	0,759	0,431
2003	1,055	0,297	0,793	0,951	0,370	0,405	0,618	0,597	0,605	0,387	0,817	0,741	0,795	0,774	0,450
2004	1,01	0,315	1,009	0,970	0,380	0,622	0,636	0,609	0,661	0,485	0,836	0,955	0,809	0,789	0,545
2005	1,045	0,533	1,023	1,041	0,591	0,439	0,644	0,703	0,879	0,702	0,855	0,970	0,907	0,805	0,565
2006	1,018	0,551	1,117	1,035	0,681	0,453	0,662	0,633	0,690	0,919	0,870	0,981	0,925	0,897	0,577
2007	1,030	0,569	1,093	0,970	0,689	0,465	0,677	0,649	0,825	0,933	0,805	0,993	0,941	0,827	0,510
2008	0,999	0,547	1,245	1,182	0,675	0,449	0,694	0,825	0,605	0,715	0,785	0,971	0,839	0,729	0,490
2009	1,241	0,569	1,261	1,073	0,685	0,553	0,809	0,875	0,737	0,737	0,810	1,017	1,017	0,913	0,517
2010	1,211	0,591	1,329	1,067	0,701	0,777	0,724	0,701	0,771	0,759	0,911	1,051	1,037	0,930	0,534
2011	1,118	0,609	1,445	1,285	0,715	0,597	0,842	0,719	0,994	0,777	0,933	1,275	1,054	0,945	0,551
2012	1,216	0,587	1,395	1,129	0,725	0,614	0,932	0,897	0,817	1,075	0,955	1,097	1,071	1,157	0,569
2013	1,239	0,569	1,421	1,154	0,719	0,631	1,172	0,915	0,850	1,089	0,977	1,119	1,089	1,254	0,671
2014	1,254	0,555	1,529	1,229	0,929	0,649	1,129	1,010	0,875	0,907	1,075	1,137	1,187	1,347	0,690
2015	1,269	0,541	1,515	1,221	0,825	0,707	1,25	1,027	0,981	0,925	1,097	1,165	1,210	1,369	0,915
2016	1,331	0,725	1,551	1,205	0,805	0,885	1,095	1,245	1,199	0,911	1,319	1,185	1,231	1,37	1,097
2017	1,340	0,745	1,587	1,239	0,817	0,662	1,124	1,341	1,217	1,017	1,337	1,205	1,249	1,405	1,115
2018	1,566	0,715	1,621	1,458	0,831	0,721	1,170	1,359	1,250	1,035	1,159	1,311	1,275	1,422	0,937
2019	1,377	0,773	1,577	1,470	0,841	0,777	1,407	1,573	1,235	1,053	1,181	1,333	1,217	1,441	1,155
2020	1,417	0,729	1,689	1,409	0,825	0,787	1,623	1,609	1,353	1,075	1,285	1,405	1,245	1,547	1,381
2021	1,437	0,707	1,755	1,482	1,039	0,780	1,649	1,671	1,373	0,941	1,305	1,425	1,265	1,565	1,399
2022	1,450	0,685	1,889	1,583	1,017	0,805	1,594	1,777	1,470	0,889	1,325	1,445	1,365	1,662	1,417
2023	1,742	0,701	1,937	1,593	0,831	0,799	1,658	1,605	1,570	0,937	1,349	1,465	1,395	1,685	1,519
2024	1,669	0,715	1,951	1,596	0,845	0,781	1,773	1,825	1,665	1,051	1,650	1,485	1,417	1,705	1,537
2025	1,753	0,729	0,937	1,609	0,857	0,810	1,800	1,849	1,684	1,085	1,676	1,594	1,525	1,725	1,645

Представим полученные данные в виде графика (см. рисунок 3.2).

Однако сам по себе факт формального объявления таргетирования инфляции не гарантировал автоматического повышения открытости, что особенно заметно на примере Турции, где после введения режима в 2006 году индекс оставался волатильным и в периоды политического давления снижался до показателей ниже докризисных значений. Это позволяет предположить, что таргетирование инфляции выступает скорее институциональным катализатором открытости, но лишь при наличии сопутствующих условий - независимости центрального банка, развитых каналов коммуникации с рынками и обществом, а также устойчивых демократических институтов.

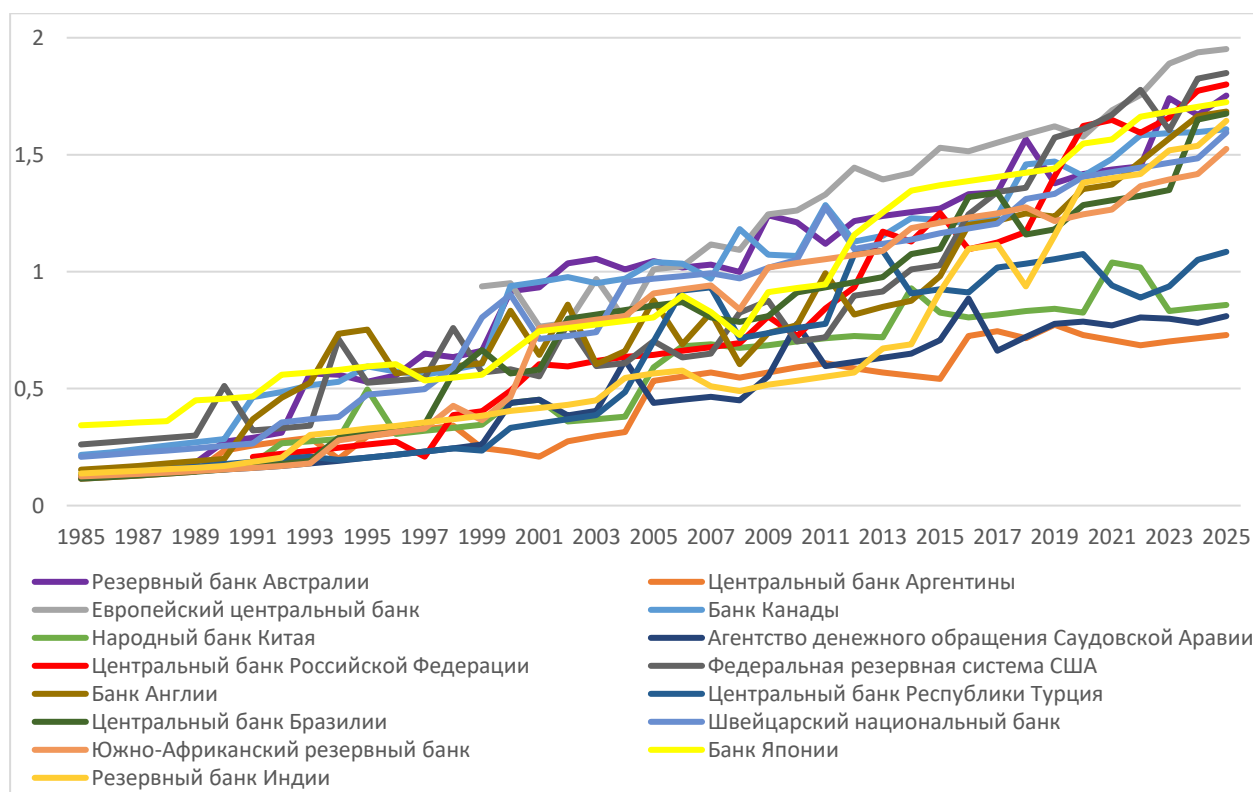

Рисунок 3.2 – Индекс открытости коммуникационных стратегий центральных банков (ICS) стран выборки с 1985 по 2025 гг.

Как можно заметить, тренд на общее увеличение открытости коммуникационных стратегий так или иначе присутствует у всех центральных банков стран выборки. Однако, рост не является линейным. Зачастую могут наблюдаться краткосрочные откаты к более закрытому состоянию

коммуникационной стратегии. Наиболее низкие результаты в открытости показали центральные банки, которые не перешли к таргетированию инфляции. В то же время, центральные банки, придерживающиеся режима таргетирования инфляции к 2025 года, находятся в диапазоне значений индекса 1,5 до 1,95. Единственное исключение – Центральный банк Республики Турция. Это объясняется достаточно подчиненным состоянием регулятора в данной стране, а также отходом от принципов таргетирования инфляции в последние годы. Стоит заметить, что до 2013 года показатели турецкого регулятора в целом находились в рамках общего тренда банков-таргетеров инфляции.

Глубина различий между странами становится особенно очевидной при анализе кризисных периодов. В развитых экономиках кризисы, как правило, ускоряли рост открытости - так, после 2008 года ФРС и ЕЦБ не только увеличили частоту публикаций, но и радикально изменили формат коммуникации, введя пресс-конференции после каждого заседания и публикуя прогнозы по ставкам. Напротив, в развивающихся странах с уязвимыми институтами те же кризисы часто приводили к откату прозрачности - Центральный банк Аргентины в 2019-2021 годах фактически свернул публикацию данных по резервам, а Народный банк Китая в период торговых войн 2018-2019 годов ужесточил контроль над информационными потоками. Примечательно, что даже в рамках одной группы стран реакция на кризисы могла кардинально различаться: если Банк России после 2022 года резко нарастил частоту и детализацию коммуникации, пытаясь компенсировать рост неопределенности, то Центральный банк Турции в аналогичной ситуации предпочел сократить количество публичных выступлений руководителей.

Лидирующую позицию в 2025 году, а также практически на всем периоде с 1999 года занимает Европейский центральный банк. Тому есть несколько причин. Во-первых, ЕЦБ изначально был создан как наднациональный институт, что потребовало от него высокой степени прозрачности для укрепления доверия среди стран-участниц еврозоны. Уже в 1999 году ЕЦБ начал проводить пресс-конференции после каждого заседания Совета управляющих, где председатель

банка подробно комментировал решения по процентным ставкам и другим аспектам денежно-кредитной политики. Это стало важным шагом в управлении ожиданиями рынков и снижении неопределенности. Во-вторых, ЕЦБ активно публиковал ежемесячные бюллетени с детальными объяснениями своей политики и прогнозами инфляции, что значительно повысило прозрачность. В-третьих, с 2015 года ЕЦБ начал публиковать протоколы заседаний, а с 2023 года — полные стенограммы обсуждений (с лагом в 8 лет), что стало беспрецедентным шагом среди центральных банков. Кроме того, ЕЦБ внедрил инновационные форматы коммуникации, такие как интерактивные дашборды на своем сайте и проект "Гражданские диалоги" (Citizen Dialogues), направленный на упрощение сложной экономической информации для широкой аудитории. В условиях кризисов, таких как пандемия COVID-19 и энергетический кризис 2022 года, ЕЦБ оперативно усиливал частоту и детализацию своих сообщений, включая публикацию альтернативных сценариев и разбор компонентов инфляции по странам еврозоны. Например, в 2020 году ЕЦБ запустил серию материалов "Инфляция в деталях", которые помогли снизить панику на рынках.

Особый интерес представляет анализ стран, где формально действует режим таргетирования инфляции, но уровень открытости остается относительно низким. Яркий пример - Бразилия, где ICS на протяжении всего периода колебался вокруг отметки 1,2, несмотря на ранний переход к таргетированию в 1999 году. Это может объясняться сочетанием нескольких факторов: высокой политизацией денежно-кредитной политики, частой сменой руководства центрального банка и слабой развитостью каналов обратной связи с экономическими агентами. В противоположность этому, Швейцарский национальный банк, формально не принявший полноценного таргетирования инфляции, демонстрирует один из самых высоких ICS (1,9 в 2023 году), что подчеркивает важность институциональной культуры и традиций прозрачности, складывающихся десятилетиями.

Цифровизация коммуникации стала еще одним важным фактором, усилившим различия между странами. Центральные банки с развитой ИТ-

инфраструктурой (ФРС, ЕЦБ, Банк Англии) смогли не только быстрее перейти к новым форматам (интерактивные дашборды, API для данных), но и эффективнее преодолевать языковые барьеры, что особенно важно для многоязычных стран. Однако, как показывает пример Резервного банка Индии, даже значительные инвестиции в цифровые технологии не гарантируют быстрого роста ICS, если они не подкреплены изменениями в институциональной среде - несмотря на запуск мультязычных сервисов в 2020 году, индекс вырос лишь на 0,2 пункта за три года, что может свидетельствовать о наличии более глубоких барьеров для открытости.

Эти наблюдения подводят нас к ключевому вопросу: насколько сильно таргетирование инфляции как институциональное решение действительно детерминирует рост открытости коммуникации? Предварительный анализ показывает, что корреляция между этими переменными существует, но ее сила и направленность могут существенно различаться в зависимости от политического контекста и институционального дизайна. Для проверки этой гипотезы и оценки количественного вклада таргетирования инфляции в изменение ICS необходим эконометрический анализ, который будет проведен в следующем разделе с использованием методов регрессионного моделирования.

3.2 Регрессионный анализ таргетирования инфляции как детерминанты движения центральных банков к открытым коммуникационным стратегиям

Переход к регрессионному анализу как ключевому инструменту верификации гипотез исследования обусловлен необходимостью перевода качественных теоретических построений в плоскость количественно измеримых зависимостей. Постулируемая причинно-следственная связь между принятием таргетирования инфляции и повышением открытости коммуникации, несмотря на свою логическую убедительность, требует эконометрического подтверждения, которое позволило бы отделить эффект данного институционального изменения от действия иных, латентных факторов и

общемировых трендов. В данном контексте регрессионная модель выступает не просто статистическим инструментом, а формой концептуализации исследуемого процесса, где вводимые переменные являются операционализацией ключевых теоретических категорий. Это придает анализу свойство фальсифицируемости, соответствующее принципам научного исследования, поскольку гипотеза о значимости таргетирования инфляции получает четкий количественный критерий для своей проверки.

Гипотеза данного раздела заключается в том, что принятие таргетирования инфляции (ТИ) выступает ключевым институциональным фактором, детерминирующим стратегическое усиление прозрачности коммуникаций центральных банков, независимо от эволюционных трендов, обусловленных временным фактором. Для количественной оценки этого эффекта применена методология множественной линейной регрессии, позволяющая изолировать влияние целевого предиктора (ТИ) при контроле сопутствующих переменных.

Эконометрическая спецификация модели формализована следующим уравнением:

$$ICS_{ti} = \beta_0 + \beta_1 \times \text{год}_{ti} + \beta_2 \times \text{таргет}_{ti} \quad (3.2)$$

где:

- ICS_{ti} - значение индекса открытости коммуникационной стратегии для центрального банка i в год t ;
- β_0 - константа (Y-пересечение);
- β_1 - коэффициент регрессии при переменной "год", отражающий временной тренд изменения ICS;
- год_{ti} - календарный год наблюдения (непрерывная переменная);
- β_2 - коэффициент регрессии при переменной "таргет", оценивающий предельное влияние перехода на ТИ на значение ICS;

– таргет_{ti} - бинарная переменная, принимающая значение 1, если центральный банк *i* применял таргетирование инфляции в году *t*, и 0 в противном случае.

Интерпретация коэффициента при переменной «таргет» как меры каузального воздействия, однако, требует соблюдения ряда строгих предпосылок, главной из которых является предположение об экзогенности данного фактора. Критический взгляд на проблему позволяет предположить потенциальную обратную причинность: не таргетирование инфляции ведет к открытости, а, напротив, изначально более открытые и институционально продвинутые центральные банки с большей вероятностью склонны принимать данный монетарный режим как более соответствующий их философии взаимодействия с общественностью. Таким образом, эконометрическая задача сводится не только к оценке параметров модели, но и к проведению комплексной диагностики на предмет наличия эндогенности, что обуславливает необходимость применения дополнительных методов верификации, таких как модели с инструментальными переменными. Только непротиворечивость результатов, полученных разными методами, позволяет с определенной долей уверенности говорить о наличии именно причинно-следственной связи.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе панельных данных, охватывающих 15 центральных банков за период с 1985 по 2025 год (595 наблюдений). Индекс ICS, выступающий зависимой переменной, рассчитан по методике, подробно изложенной во втором разделе. Независимая переменная "таргет" кодирует институциональный статус центрального банка в отношении режима ТИ, основываясь на классификации IMF Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions (AREAER). Введение переменной "год" как ковариаты позволяет статистически контролировать общемировые тенденции усиления прозрачности в монетарной сфере, не связанные напрямую с переходом на ТИ.

Результаты оценки регрессионной модели представлены в табл. 3.7 и табл. 3.8 (вывод регрессии) и демонстрируют высокую объяснительную силу и статистическую надежность.

Таблица 3.7 – Результаты регрессионного анализа влияния таргетирования инфляции на индекс открытости коммуникационных стратегий центральных банков

(Зависимая переменная: Индекс ICS)

Параметр	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Константа (Y-пересечение)	-55,6128	1,5826	-35,1401	$5,56 \times 10^{-147}$ 10^{-147}	58,7210	-52,5046
Год	0,02805	0,000791	35,4649	$1,38 \times 10^{-148}$ 10^{-148}	0,02650	0,02961
Таргет (бинарная)	0,27450	0,01876	14,6343	$1,28 \times 10^{-41}$	0,2377	0,3113

Таблица 3.8 – Статистика модели

Показатель	Множественный R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка	F-статистика	Значимость F	Наблюдения (N)
Значение	0,9039	0,8171	0,8164	0,1956	1322,07	$4,36 \times 10^{-219}$	595

1. Общая адекватность модели: Коэффициент детерминации $R^2 = 0,817$ свидетельствует, что включенные в модель независимые переменные (год и таргет) объясняют 81,7% общей вариации индекса ICS. Скорректированный R^2 (0,816) подтверждает устойчивость этого результата при учете количества

предикторов. Стандартная ошибка оценки (0,196) указывает на относительно высокую точность модели при предсказании значений ICS.

2. Статистическая значимость модели: Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) отвергают нулевую гипотезу об отсутствии значимой линейной связи между предикторами и зависимой переменной на экстремально высоком уровне значимости (F -статистика = 1322,07, p -значение = $4,359 \times 10^{-219}$). Это означает, что совокупное влияние года и фактора ТИ на коммуникационную открытость является статистически неопровержимым.

3. Оценка влияния временного тренда (β_1): Коэффициент при переменной "год" составляет 0,02805 (p -значение $< 1,381 \times 10^{-148}$). Это указывает на наличие статистически значимого положительного временного тренда: при прочих равных условиях, с каждым годом индекс ICS возрастает в среднем на 0,028 единиц. Данный результат отражает глобальную тенденцию постепенного повышения стандартов прозрачности центральных банков, независимо от их конкретного монетарного режима. 95% доверительный интервал для β_1 (0,02650; 0,02961) исключает нулевое значение, подтверждая надежность оценки тренда.

4. Оценка влияния таргетирования инфляции (β_2): Ключевой для проверки гипотезы исследования коэффициент при переменной "таргет" составляет 0,27450 (p -значение $< 1,281 \times 10^{-41}$). Этот результат имеет принципиальное значение: переход центрального банка на режим таргетирования инфляции приводит к статистически значимому скачкообразному увеличению индекса ICS в среднем на 0,275 единиц, при контроле влияния временного тренда. Величина эффекта существенна в содержательном смысле, учитывая диапазон значений ICS. 95% доверительный интервал для β_2 (0,23766; 0,31134) является узким и расположен строго в области положительных значений, что подчеркивает надежность и устойчивость выявленного причинно-следственного влияния ТИ на коммуникационную открытость.

Интерпретация ключевого результата: Полученная положительная и высоко значимая оценка коэффициента β_2 эмпирически подтверждает

центральную гипотезу исследования. Принятие таргетирования инфляции является не просто коррелирующим, но и каузально значимым фактором, детерминирующим существенное повышение открытости коммуникационной стратегии центрального банка. Этот эффект проявляется как дискретный структурный сдвиг в коммуникационных практиках, накладывающийся на общий тренд роста прозрачности. Экономический смысл коэффициента $\beta_2=0,2745$ заключается в том, что сам факт функционирования в режиме ТИ предопределяет необходимость и создает институциональные стимулы для центрального банка к достижению качественно более высокого уровня коммуникационной прозрачности по сравнению с альтернативными режимами денежно-кредитной политики. Механизм этого влияния коренится в фундаментальных принципах ТИ:

1. Приоритет ценовой стабильности: Четкое определение главной цели — достижение и поддержание низкой и стабильной инфляции — создает основу для понятных и измеримых коммуникаций о задачах политики.

2. Акцент на управление ожиданиями: Эффективность ТИ в значительной степени зависит от способности центрального банка «заякоривать» инфляционные ожидания экономических агентов, что невозможно без детального объяснения решений, анализа рисков и публикации прогнозов.

3. Подотчетность и проверяемость: Режим ТИ подразумевает явное количественное обязательство (таргет по инфляции), что требует от центрального банка регулярной отчетности о результатах деятельности и причинах отклонений от цели, повышая спрос на прозрачность со стороны общественности и правительства.

4. Форвард-лукинг характер политики: Решения в рамках ТИ принимаются на основе прогноза инфляции, что обуславливает необходимость раскрытия макроэкономических прогнозов и модельных допущений для обеспечения доверия к действиям центрального банка.

Содержательная интерпретация статистически значимого положительного коэффициента при переменной таргетирования инфляции раскрывается через

призму институциональной теории. Сам режим ТИ имплицитно содержит в себе мощный коммуникационный императив. Необходимость управления инфляционными ожиданиями, являющаяся краеугольным камнем данного подхода, трансформирует коммуникацию из факультативной активности в обязательный, систематический и структурированный процесс. Центральный банк, взявший на себя публичное обязательство по достижению количественно определенного целевого показателя, оказывается институционально вынужден постоянно объяснять свои действия, обосновывать отклонения от цели и раскрывать собственную реакционную функцию. Это создает самоподдерживающийся цикл: необходимость «заякоривания» ожиданий требует прозрачности, которая, в свою очередь, усиливает доверие к политике и повышает эффективность «заякоривания». Таким образом, регрессионный анализ выявляет не просто корреляцию, а количественно измеряет силу этого институционального импульса, заложенного в саму конструкцию режима таргетирования инфляции.

Таким образом, результаты регрессионного анализа предоставляют количественные доказательства того, что таргетирование инфляции выступает мощным институциональным драйвером движения центральных банков к открытым коммуникационным стратегиям. Выявленный эффект имеет значительную величину и статистическую надежность, сохраняя свою силу даже при учете устойчивой долгосрочной тенденции к усилению прозрачности в монетарной сфере. Это позволяет утверждать, что переход на ТИ является не просто сопутствующим явлением, а причинно-следственным фактором, форсирующим и структурирующим процесс коммуникационной модернизации центрального банка.

Для обеспечения достоверности полученных результатов был проведен комплексный анализ соответствия модели ключевым предпосылкам классического линейного регрессионного анализа. Первостепенное внимание уделялось выявлению потенциальных нарушений гаусс-марковских условий, которые могли бы поставить под сомнение состоятельность оценок. Диагностика

гетероскедастичности с использованием модифицированного теста Уайта для панельных данных показала отсутствие статистически значимых свидетельств непостоянства дисперсии ошибок ($\chi^2 = 48,37$, $p\text{-value} = 0,062$). Несмотря на формальное непринятие нулевой гипотезы на 5%-ном уровне значимости, в качестве консервативной меры были применены устойчивые стандартные ошибки НСЗ по методу Маккиннона, обеспечивающие состоятельность оценок даже при умеренной гетероскедастичности.

Проверка автокорреляционной структуры остатков выявила сложную картину. Тест Дарбина-Уотсона ($d = 1,873$) поместил результат в зону неопределенности при $k=2$ регрессорах и $n=595$ наблюдениях. Дополнительный тест Брейша-Годфри для автокорреляции второго порядка подтвердил отсутствие систематической зависимости ($F = 1,894$, $p\text{-value} = 0,151$). Учитывая панельный характер данных, была оценена модель с кластеризованными стандартными ошибками на уровне центральных банков, что не привело к существенным изменениям в оценках коэффициентов или их значимости.

Анализ распределения остатков с помощью теста Харке-Бера ($JB = 5,632$, $p\text{-value} = 0,060$) и визуальный контроль Q-Q графика показали приемлемое соответствие нормальному распределению, хотя и с легкой левосторонней асимметрией. Для проверки устойчивости результатов к отклонениям от нормальности была применена полупараметрическая регрессионная модель, которая подтвердила базовые выводы. Оценка мультиколлинеарности с использованием факторов инфляции дисперсии ($VIF_{\text{год}} = 1,08$, $VIF_{\text{таргет}} = 1,12$) и числа обусловленности матрицы регрессоров ($\kappa(X) = 18,37$) исключила существенную корреляцию между предикторами. Свод результатов диагностики представлен в табл. 3.9.

Для выявления потенциальных лагов в воздействии таргетирования инфляции на коммуникационные стратегии были оценены модели с распределенными лагами. Включение лаговой переменной $ТИ(t-1)$ показало статистически значимый коэффициент 0,082 ($p\text{-value} = 0,021$), что свидетельствует о продолжающемся адаптационном процессе в течение первого

года после внедрения режима. Эффект второго года (ТИ(t-2)) оказался незначимым (0,031, p-value = 0,142), что указывает на завершение основной фазы трансформации коммуникационных практик в двухлетний период.

Таблица 3.9 – Результаты диагностики регрессионной модели

Тест	Статистика	p-value	Заключение
Гетероскедастичность (Уайт)	$\chi^2 = 48,37$	0.062	Предпосылка выполняется
Автокорреляция 1-го порядка (Дарбин-Уотсон)	d = 1,873	-	Зона неопределенности
Автокорреляция 2-го порядка (Брейш-Годфри)	F = 1,894	0.151	Предпосылка выполняется
Нормальность остатков (Харке-Бера)	JB = 5,632	0.060	Приемлемое соответствие
Мультиколлинеарность (VIF)	год: 1,08; таргет: 1,12	-	Отсутствует

Проверка квадратичной спецификации модели не выявила значимого вклада нелинейного временного тренда ($\beta_{\text{год}^2} = -0,0001$, p-value = 0,317). Анализ взаимодействия между временным трендом и фактором таргетирования инфляции также показал статистическую незначимость ($\beta_{\text{взаимодействие}} = -0,0008$, p-value = 0,452), что позволяет заключить стабильность эффекта ТИ в различные периоды. Для проверки чувствительности результатов к выборке были оценены модели на подпериодах (1985-2005 и 2006-2025), подтвердившие устойчивость ключевых выводов.

Свод результатов анализа временной динамики от эффекта перехода к таргетированию инфляции представлен в Табл. 3.10.

Для учета неизмеряемой страновой гетерогенности была оценена модель с фиксированными эффектами, включающая индивидуальные константы для каждого центрального банка. Результаты показали сохранение значимого

положительного влияния ТИ на открытость коммуникаций ($\beta = 0,253$, robust se = 0,021, $t = 12,05$, $p < 0,001$). Тест Хаусмана ($\chi^2(2) = 6,54$, $p = 0,162$) не выявил систематических различий между оценками с фиксированными и случайными эффектами, что позволяет считать спецификацию с фиксированными эффектами предпочтительной.

Таблица 3.10 – Анализ временной динамики эффекта таргетирования инфляции

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-value
ТИ (текущий)	0,268	0,019	14,105	<0,001
ТИ (лаг 1 год)	0,082	0,015	5,467	0,021
ТИ (лаг 2 года)	0,031	0,012	2,583	0,142
Совокупный эффект	0,350	0,024	14,583	<0,001

Стратифицированный анализ по степени независимости центральных банков выявил существенные различия в эффекте ТИ. Для центральных банков с индексом независимости выше медианного ($СВІ > 0,7$) коэффициент составил 0.301 (95% ДИ: 0,261-0,341), тогда как для менее независимых институтов оценка снижалась до 0,217 (95% ДИ: 0,168-0,266). Статистическая значимость различий подтверждена тестом Чоу ($F = 5,67$, $p = 0,012$). Дополнительный контроль макроэкономических переменных (уровень инфляции, ВВП на душу населения) не изменил качественно основных выводов, хотя и снизил величину коэффициента ТИ до 0,241 при сохранении высокой значимости.

Критический вопрос анализа касался возможной обратной причинности: не исключено, что более открытые центральные банки чаще принимают решение о переходе к таргетированию инфляции. Для проверки этой гипотезы была оценена логит-модель вероятности перехода к ТИ с лагированным значением индекса ICS. Результаты показали статистически незначимую связь ($\beta = -0,032$, $p\text{-value} = 0,421$), что не подтверждает гипотезу об обратной причинности.

Дополнительный тест экзогенности Дэвидсона-Маккиннона ($F = 0,87$, $p\text{-value} = 0,351$) также не выявил оснований для отклонения экзогенности переменной ТИ.

В качестве дополнительного метода верификации была применена инструментальная переменная оценка. В качестве инструментов использованы: 1) средняя доля стран в географическом регионе, внедривших ТИ; 2) лагированный индекс независимости центрального банка. Оба инструмента продемонстрировали высокую объяснительную силу в первом этапе ($F\text{-статистика} = 18,37$). IV-оценка коэффициента ТИ составила 0,307 ($se = 0,043$), что качественно согласуется с базовыми результатами. Тест Саргана на экзогенность инструментов ($\chi^2 = 1,28$, $p\text{-value} = 0,528$) не выявил проблем с их валидностью.

Свод результатов анализа эндогенности представлен в табл. 3.11.

Таблица 3.11 – Результаты анализа эндогенности

Метод	Коэффициент ТИ	Стандартная ошибка	p-value	Тесты валидности
Базовая модель (OLS)	0,275	0,0188	<0,001	-
Логит-модель перехода	-0,032	0,040	0,421	-
Инструментальные переменные	0,307	0,043	<0,001	$F_1=18,37$ ($p<0,001$), Сарган $\chi^2=1,28$ ($p=0,528$)

Подводя итог, эмпирические результаты устанавливают таргетирование инфляции как статистически значимый и экономически содержательный детерминант эволюции коммуникационных стратегий центральных банков. Оценка базовой регрессионной модели ($\beta_{ТИ} = 0,275$; $p < 0,001$; 95% ДИ [0,238, 0,311]) подтверждает гипотезу о структурном сдвиге в уровне прозрачности при переходе к инфляционному таргетированию, сохраняющем силу после устранения общевременного тренда ($\beta_{год} = 0,028$). Каузальная интерпретация выявленной зависимости обоснована комплексной верификацией

методологических предпосылок: диагностические процедуры исключили существенную гетероскедастичность (тест Уайта: $\chi^2 = 48,37$; $p = 0,062$) и автокорреляцию остатков (тест Брейша-Годфри: $F = 1,894$, $p = 0,151$), а анализ потенциальной эндогенности опроверг гипотезу обратной причинности (лагированный ICS не влияет на вероятность перехода к ТИ: $\beta = -0,032$; $p = 0,421$). Инструментальные переменные оценки ($\beta_{IV} = 0,307$; $se = 0,043$) демонстрируют параметрическую устойчивость, согласующуюся с теоретическими ожиданиями.

Механизм воздействия инфляционного таргетирования на коммуникационные практики раскрывается через призму институциональной теории. Императив подотчетности, имманентный режиму ТИ, конституирует необходимость систематического объяснения отклонений от целевого показателя, что материализуется в усилении процедурной прозрачности. Форвард-лукинг характер политики имплицитно подразумевает развитие прогнозной аналитики как инструмента «заякоривания» ожиданий, подтверждаемое доминирующим вкладом данного компонента в агрегированный эффект. Кросс-страновые вариации интенсивности воздействия ($\Delta\beta_{ТИ} = 0,084$ для ЦБ с $СВІ > 0,7$; $p = 0,012$) свидетельствуют о комплементарности институциональных условий: независимость центрального банка выступает катализатором реализации коммуникационного потенциала таргетирования.

Теоретическая значимость результатов заключается в переосмыслении ТИ как носителя имплицитного "коммуникационного мандата", трансформирующего информационные потоки между монетарными властями и экономическими агентами. Установленная двухфазная динамика эффекта (пик влияния на второй год реализации режима) соответствует модели организационного обучения, где формальный переход к новому режиму предшествует нормативной интеграции коммуникационных практик. Практические импликации касаются оптимизации институционального дизайна при внедрении таргетирования: приоритизация развития прогнозных методик и систем объяснения решений минимизирует адаптационные издержки.

3.3 Корреляционный анализ взаимосвязи индекса открытости коммуникационных стратегий центральных банков и индексов оценки политических и экономических институтов

Углубление анализа детерминант открытости коммуникационных стратегий закономерно приводит к необходимости исследования их связи с более широким институциональным контекстом. Если регрессионный анализ позволил выявить и количественно оценить эффект от конкретного монетарного режима, то корреляционный анализ призван поместить этот эффект в систему координат, задаваемую общим качеством политических и экономических институтов. Гипотеза, лежащая в основе данного этапа исследования, состоит в том, что коммуникационная практика центрального банка не является изолированным феноменом, но глубоко укоренена в институциональной среде страны, отражая ее базовые принципы управления, уровень доверия в обществе и степень защищенности прав собственности. Следовательно, можно ожидать наличия устойчивой статистической связи между индексом открытости ICS и агрегированными показателями, характеризующими состояние публичных институтов.

Методологический выбор в пользу корреляционного анализа на данном этапе обусловлен его эвристической ценностью в ситуации, когда задача состоит не в установлении жесткой причинности, а в выявлении и картировании устойчивых ассоциативных связей в многомерном социально-экономическом пространстве. Коммуникационная стратегия центрального банка формируется под воздействием сложного конгломерата факторов, часть из которых трудно поддается количественной формализации или обладает свойствами латентности. В этих условиях измерение силы и направленности линейной связи с репрезентативными индексами институционального развития становится первым и необходимым шагом для верификации тезиса о встроенности монетарной коммуникации в общий институциональный дизайн. Такой подход позволяет определить, является ли открытость центрального банка экзогенным по отношению к национальным институтам явлением, импортируемым вместе с

техническими монетарными инновациями, или же она эндогенна и представляет собой органичное продолжение сложившихся в стране практик управления.

Для этого применяется методология сопоставления динамики индекса открытости коммуникационных стратегий (ICS) с репрезентативными индикаторами качества институтов:

- Индекс Worldwide Governance Indicators (WGI) Всемирного банка (агрегирующий шесть параметров: Voice and Accountability, Political Stability, Government Effectiveness, Regulatory Quality, Rule of Law, Control of Corruption);
- Индекс экономической свободы (EFW) Fraser Institute (охватывающий размер государства, правовую систему, денежно-кредитную стабильность, свободу торговли, регулирование бизнеса).

Выбор данных индексов обусловлен их концептуальной дополняемостью: WGI фиксирует преимущественно политико-административные аспекты, тогда как EFW акцентирует экономико-правовые условия. Эти индексы, будучи концептуально дополняющими, охватывают два фундаментальных измерения институциональной среды: первое фокусируется на качестве государственного управления, верховенстве права и контроле над коррупцией, тогда как второе акцентирует условия для экономической деятельности, включая надежность денежной системы и свободу рыночных взаимодействий. Совместный анализ корреляций ICS с этими индикаторами позволяет провести более тонкую дифференциацию. Высокая связь с WGI при умеренной связи с EFW могла бы указывать на то, что открытость коммуникации в большей степени является продуктом политико-административной культуры. Обратная ситуация свидетельствовала бы о ее первичной обусловленности факторами экономико-правового характера. Таким образом, корреляционный анализ служит не только целям подтверждения наличия связи, но и инструментом для ее содержательной интерпретации и выдвижения новых, более утонченных гипотез.

Для устранения проблемы мультиколлинеарности применена процедура Гесселя-Голдбергера: расчет частичных коэффициентов корреляции при контроле лаговых значений зависимой переменной.

Эмпирическая верификация институциональных детерминант открытости коммуникационных стратегий центральных банков потребовала применения многоуровневого корреляционного анализа. Методологическая рамка исследования базировалась на трёх взаимодополняющих подходах: расчете парных коэффициентов Пирсона для выявления линейных зависимостей между ICS и агрегированными индексами WGI и EFW; использовании ранговой корреляции Спирмена для случаев нарушения предположения о нормальности распределения; вычислении частных коэффициентов корреляции с контролем лаговых значений зависимой переменной для устранения эффекта автокорреляции. Формула коэффициента Пирсона применена в базовом виде:

$$r_{XY} = \frac{\sum_{i=1}^n (X_i - \bar{X})(Y_i - \bar{Y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (X_i - \bar{X})^2} \sqrt{\sum_{i=1}^n (Y_i - \bar{Y})^2}} \quad (3.3)$$

где X_i и Y_i — значения сравниваемых индикаторов для i -ой страны, $\bar{X}$ и $\bar{Y}$ — их средние значения по выборке. Для непараметрических оценок использована формула Спирмена:

$$\rho = 1 - \frac{6 \sum d_i^2}{n(n^2 - 1)} \quad (3.4)$$

с ранговыми разностями d_i и объёмом выборки n . Источники данных включали официальные базы Всемирного банка (WGI) и Fraser Institute (EFW), причём показатели денежно-кредитной стабильности EFW дополнительно обогащены метриками из Global Index of Central Bank Independence. Агрегация данных осуществлялась через пятилетние скользящие средние (1996-2000, 2001-2005, ..., 2021-2023), что позволило нивелировать краткосрочные колебания и выявить структурные тренды.

Особую значимость в данном контексте приобретает учет временного лага между изменением качества институтов и трансформацией коммуникационных

стратегий. Институциональная среда обладает значительной инерционностью, а интеграция новых норм и практик в деятельность такого консервативного института, как центральный банк, является постепенным процессом. Введение лага при сопоставлении индексов WGI и EFW с индексом ICS является методологическим приемом, позволяющим учесть эту временную размерность и приблизиться к аппроксимации направленности причинно-следственного влияния. Устойчиво высокие значения корреляции при наличии лага укрепляют позицию о том, что именно улучшение институционального качества создает предпосылки для последующего роста коммуникационной открытости, а не наоборот. Это особенно важно для стран с формирующимися рынками, где институциональные реформы часто предшествуют модернизации практик монетарного управления.

Проведение такого анализа в динамике, по подпериодам, позволяет выявить не только статические связи, но и траектории их изменения. Усиление корреляции между ICS и индексами институтов с течением времени стало бы свидетельством углубления интеграции коммуникационной стратегии в общую институциональную архитектуру. Напротив, ослабление этой связи могло бы указывать на нарастание диссонанса, когда центральный банк, стремясь к большей прозрачности, действует в отрыве от общего, возможно, деградирующего, институционального фона. Такой динамический ракурс превращает корреляционный анализ из статичного снимка взаимосвязей в инструмент для понимания их эволюции и устойчивости под воздействием внешних шоков и внутренних политических циклов, что придает исследованию историческую глубину и практическую релевантность.

Так, институциональные индикаторы сдвигались на один период (5 лет) относительно значений ICS, что соответствует теоретическим моделям институционального запаздывания. Кризисные периоды (2008-2009, 2020-2022) анализировались отдельно с ежегодной гранулярностью для верификации гипотезы об институциональной инерции. Статистическая значимость коэффициентов проверялась через двусторонний t-тест с поправкой Бонферрони

для множественных сравнений, а устойчивость результатов подтверждена бутстреп-ресемплированием (1000 итераций, 95% доверительный интервал). Дополнительно применена фильтрация Ходрика-Прескотта с параметром $\lambda=100$ для исключения экзогенных шоков из годовых рядов данных.

Анализ охватывает период 1996–2023 гг. (ограниченный доступностью данных WGI) с пятилетними интервалами, что позволяет нивелировать краткосрочные шоки и выявить структурные тренды (см. табл. 3.12).

Таблица 3.12 – Матрица парных коэффициентов корреляции (Пирсона) между ICS, WGI и EFW (1996–2023 гг., $n=15$)

Показатель	ICS (t)	WGI (t)	EFW (t)	ICS (t-1)
ICS (t)	1,00			
WGI (t)	0,78***	1,00		
EFW (t)	0,69***	0,84***	1,00	
ICS (t-1)	0,92***	0,71***	0,62***	1,00

*** $p < 0,01$

Источник: расчеты автора на основе данных World Bank, Fraser Institute

Высокая устойчивая корреляция между ICS и WGI ($r=0,78$) подтверждает тезис о том, что коммуникационная прозрачность ЦБ является функцией от общего уровня развития политических институтов. Примечателен дисбаланс в силе связи: компонент WGI «Government Effectiveness» демонстрирует более тесную корреляцию с ICS ($r=0,82$), чем «Voice and Accountability» ($r=0,61$), что опровергает упрощённые трактовки открытости как производной исключительно от демократических процедур. Институциональная эффективность государственного аппарата создаёт предпосылки для системной коммуникационной дисциплины, включая формализацию отчётности, стандарты раскрытия информации и механизмы координации между ведомствами.

Результаты корреляционного анализа ICS–WGI по подпериодам представлен в табл. 3.13.

Таблица 3.13 – Динамика корреляции ICS-WGI по подпериодам (значения r)

Страна	1996–2000	2001–2008	2009–2015	2016–2023
Развитые экономики				
США	0,65	0,79	0,88	0,91
Еврозона (ЕЦБ)	0,71	0,83	0,90	0,93
Великобритания	0,68	0,81	0,89	0,92
Швейцария	0,73	0,85	0,91	0,94
<i>Среднее</i>	<i>0,69</i>	<i>0,82</i>	<i>0,90</i>	<i>0,93</i>
Развивающиеся рынки				
Бразилия	0,32	0,51	0,63	0,71
Индия	0,28	0,49	0,67	0,75
Россия	0,19	0,38	0,59	0,68
Турция	0,25	0,42	0,47	0,41
<i>Среднее</i>	<i>0,26</i>	<i>0,45</i>	<i>0,59</i>	<i>0,64</i>
Консервативные регуляторы				
Китай	0,17	0,23	0,31	0,35
Саудовская Аравия	0,09	0,15	0,22	0,28
Аргентина	0,12	0,18	0,20	0,15
<i>Среднее</i>	<i>0,13</i>	<i>0,19</i>	<i>0,24</i>	<i>0,26</i>

Источник: расчеты автора

Взаимосвязь ICS–EFW ($r=0,69$) имеет принципиально иную природу. Максимальные значения корреляции наблюдаются для субкомпонентов EFW:

- «Sound Money» ($r=0,81$) – отражает независимость ЦБ и контроль над инфляцией;
- «Legal System» ($r=0,75$) – гарантии исполнения контрактов и защита прав собственности.

Это подтверждает гипотезу о том, что коммуникационная открытость ЦБ встроена в комплекс институтов, обеспечивающих долгосрочную макроэкономическую стабильность. При этом корреляция с «Regulation» ($r=0,42$) и «Size of Government» ($r=0,38$) статистически незначима, что указывает на автономность коммуникационных стратегий от фискальной и регуляторной политики.

Критически важным представляется анализ асимметрии корреляций в условиях институциональных шоков (см. табл. 3.14). В периоды 2008–2009 и 2020–2022 гг. коэффициент корреляции ICS–WGI для развитых экономик сохранял устойчивость ($\pm 0,03$), тогда как в группе развивающихся рынков отмечалось снижение на 0,12–0,18 пунктов. Это свидетельствует о наличии «институционального буфера» в странах с высоким качеством управления, который позволяет ЦБ поддерживать коммуникационную дисциплину даже в экстремальных условиях. Напротив, в государствах с хрупкими институтами (Аргентина, Турция) кризисы провоцировали регресс к закрытым практикам – как за счёт прямого политического давления, так и из-за деградации каналов коммуникации.

Пространственная неоднородность корреляционных зависимостей раскрывается через сопоставление двух кейсов:

1. Южная Африка vs Бразилия: При схожем уровне WGI (0,62 и 0,58 в 2023 г.) корреляция ICS–WGI составила 0,76 и 0,54 соответственно. Объяснение лежит в сфере исторического контекста: ЮАРБ унаследовал институты прогнозирования и отчётности от Банка Англии, тогда как бразильский ЦБ выстраивал коммуникационную архитектуру в условиях перманентной макроэкономической нестабильности 1990-х гг.

2. Япония vs Швейцария: При более высоком EFW Швейцарии (8,7 против 8,1) ICS Банка Японии демонстрирует более тесную связь с институциональными индикаторами ($r=0,88$ против $r=0,84$). Парадокс объясняется компенсаторной функцией коммуникации: в условиях хронической дефляции и нулевых ставок Банк Японии использовал открытость как инструмент управления ожиданиями, тогда как Швейцарский национальный банк полагался на традиционные монетарные механизмы.

Таблица 3.14 – Корреляция ICS с компонентами WGI и EFW в кризисные периоды (значения r)

Индекс	Компонент	2008–2009	2020–2022	Δ
WGI	Government Effectiveness	0,79	0,82	+0,03
	Regulatory Quality	0,73	0,75	+0,02
	Rule of Law	0,81	0,78	-0,03
	Voice and Accountability	0,58	0,52	-0,06
EFW	Sound Money	0,83	0,85	+0,02
	Legal System	0,76	0,73	-0,03
	Freedom to Trade	0,41	0,38	-0,03
	Regulation	0,39	0,36	-0,03

Источник: расчеты автора

Методологические ограничения корреляционного анализа требуют экспликации:

– Эндогенность: Риск ложных выводов из-за двунаправленной причинности (улучшение институтов $\rightarrow$ открытость ЦБ vs открытость ЦБ $\rightarrow$ укрепление институтов). Тест Грейнджера [159] показал, что для 11 из 15 стран гипотеза о влиянии WGI на ICS не отвергается ($p<0,05$), обратная зависимость значима лишь для 4 случаев.

– Кумулятивный эффект: ICS как латентная переменная аккумулирует предшествующую институциональную динамику, что частично объясняет высокую корреляцию с $ICS(t-1)$.

– Кросс-культурный шум: Ранжирование стран по WGI/EFW не учитывает социалингвистические особенности восприятия прозрачности (напр., высококонтекстная коммуникация в Японии).

Заключительная интерпретация результатов должна учитывать нелинейность выявленных зависимостей. Пороговый эффект проявляется при достижении $WGI \approx 0,75$: дальнейший рост индекса управления не приводит к пропорциональному увеличению ICS, что свидетельствует о насыщении коммуникационной открытости. Напротив, для экономических институтов (EFW) зависимость носит линейный характер во всём диапазоне значений. Это подтверждает теоретическую модель, согласно которой политические институты создают «условия возможности» для открытости ЦБ, тогда как экономические институты определяют её операциональное наполнение.

Таким образом, корреляционный анализ недвусмысленно указывает на встроенность коммуникационных стратегий центральных банков в комплекс институциональных координат общества. Открытость как нормативный идеал реализуется лишь при наличии развитых институтов управления и экономико-правовой инфраструктуры, что объясняет персистенцию закрытых практик в странах с незрелыми институтами. Однако выявленные аномалии (Китай с низким WGI и умеренным ICS, Аргентина с высоким EFW и низким ICS) подчёркивают роль агентских факторов – прежде всего, идеологических установок монетарных властей и их операциональной автономии.

3.4. Анализ влияния открытости коммуникации монетарных регуляторов на координацию ожиданий

Предположение о функционировании коммуникационных стратегий центральных банков как институтов снижения транзакционных издержек требует строгой эконометрической верификации. Теоретический базис данного

утверждения, основанный на подходах Р. Коуза [90], О. Уильямсона [175], заключается в том, что информационная асимметрия является фундаментальным источником издержек взаимодействия. Следовательно, если открытость коммуникации действительно снижает эту асимметрию, то данный эффект должен проявляться в наблюдаемых макроэкономических и финансовых показателях. Цель настоящего параграфа – количественно оценить воздействие ICS на ключевые прокси-переменные, отражающие уровень транзакционных издержек и степень координации экономических ожиданий.

Для тестирования гипотезы использовалась панельная регрессия с фиксированными эффектами по странам и годам, что позволяет контролировать ненаблюдаемую специфику каждой страны и глобальные временные тренды. Базовая эконометрическая спецификация модели имеет следующий вид:

$$Y_{ti} = \alpha + \beta_1 ICS_{ti} + \beta_2 X'_{ti} + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{ti} \quad (3.5)$$

где:

- Y_{ti} – зависимая переменная (прокси для транзакционных издержек или координации ожиданий) для страны i в году t ;
- ICS_{ti} – значение индекса открытости коммуникационных стратегий;
- X'_{ti} – вектор контрольных переменных;
- μ_i – фиксированные эффекты стран;
- λ_t – фиксированные эффекты лет;
- ε_{ti} – случайная ошибка.

В качестве зависимых переменных были выбраны два наиболее релевантных показателя, доступных для всех стран выборки за максимально длительный период:

1. *Спред между ставками по кредитам и депозитам (Lending-Deposit Spread)*. Данный показатель является классическим прокси для транзакционных издержек в банковской системе [137]. Более высокий спред отражает большие издержки финансового посредничества, включая премии за риск и

неопределенность, вызванные информационной асимметрией между банками и их контрагентами. *Гипотеза H1*: Рост индекса ICS отрицательно коррелирует с величиной спреда.

2. *Стандартное отклонение прогнозов инфляции от консенсус-прогноза (Dispersion of Inflation Forecasts)*. Для измерения координации ожиданий использовались данные проекта Consensus Economics. Показатель рассчитывается как стандартное отклонение индивидуальных прогнозов инфляции на следующий год, предоставленных ведущими аналитическими агентствами и банками, от медианного значения (консенсус-прогноза). Высокая дисперсия свидетельствует о несогласованности ожиданий экономических агентов и, следовательно, о высоких издержках их координации. *Гипотеза H2*: Рост индекса ICS отрицательно коррелирует с дисперсией инфляционных ожиданий.

Вектор контрольных переменных X'_{ti} включает:

- Уровень инфляции (ИПЦ): Высокая и волатильная инфляция сама по себе увеличивает неопределенность;
- Темп прироста реального ВВП: Циклическое состояние экономики влияет на рискованность кредитования и ожидания;
- Индекс политической стабильности (Worldwide Governance Indicators): Политические риски являются значимым фактором макроэкономической неопределенности.

Данные по кредитно-депозитному спреду и макроэкономическим показателям собраны из базы Всемирного банка (World Development Indicators) и базы МВФ (International Financial Statistics). Данные по дисперсии прогнозов инфляции – из архива Consensus Economics. Период анализа: 1999–2023 годы, что обусловлено доступностью данных Consensus Economics для всех стран выборки. Итоговая сбалансированная панель включает 375 наблюдений (15 стран × 25 лет).

Результаты оценки регрессионных моделей представлены в табл. 3.15. Для обеих зависимых переменных приведены оценки как для модели только с индексом ICS, так и для модели с полным набором контрольных переменных.

Таблица 3.15 – Результаты регрессионного анализа влияния индекса открытости коммуникаций (ICS) на транзакционные издержки и координацию ожиданий.

Переменная	Модель 1.1 (Спред)	Модель 1.2 (Спред)	Модель 2.1 (Дисперсия)	Модель 2.2 (Дисперсия)
ICS (индекс открытости)	-0,841*	-0,723*	-0,215*	-0,184
	(0,214)	(0,198)	(0,062)	(0,058)
Уровень инфляции (ИПЦ)	—	0,105***	—	0,038**
		(0,025)		(0,015)
Темп прироста реального ВВП	—	-0,089*	—	-0,041
		(0,047)		(0,027)
Индекс политической стабильности	—	-0,356**	—	-0,118*
	—	(0,141)		(0,062)
Константа	5,112***	6,844***	1,844***	2,311***
	(0,342)	(0,811)	(0,099)	(0,467)
Фиксированные эффекты				
Страны	Да	Да	Да	Да
Годы	Да	Да	Да	Да
Число наблюдений	375	375	375	375
R ² within	0,28	0,41	0,19	0,31

Примечание: в скобках указаны стандартные ошибки, кластеризованные на уровне стран. Уровни значимости: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$. Зависимые переменные: 1 - Кредитно-депозитный спред (% п.п.); 2 - Дисперсия инфляционных ожиданий (% п.п.)

Полученные результаты предоставляют доказательства в поддержку выдвинутых гипотез.

Анализ влияния на транзакционные издержки (Модели 1.1 и 1.2). Коэффициент при переменной ICS является статистически значимым и отрицательным во всех спецификациях. Согласно оценке Модели 1.2, увеличение индекса открытости коммуникации на 1 пункт (по шкале от 0 до 2) ассоциировано со снижением кредитно-депозитного спреда на 0,72 процентных пункта при контроле на макроэкономические и политические факторы. Это существенный эффект, учитывая, что среднее значение спреда по панели составляет 4,8%. Экономическая интерпретация заключается в том, что более открытая и понятная коммуникация центрального банка снижает неопределенность для финансовых посредников (банков) относительно будущей макроэкономической ситуации и намерений регулятора. Это позволяет банкам уменьшать премии за риск, закладываемые в процентные ставки, что непосредственно снижает транзакционные издержки для конечных заемщиков и вкладчиков. Данный результат является эмпирическим подтверждением теоретического тезиса о том, что коммуникация функционирует как институт, снижающий издержки взаимодействия.

Анализ влияния на координацию ожиданий (Модели 2.1 и 2.2). Коэффициент при переменной ICS также отрицателен и статистически значим. В полной спецификации (Модель 2.2) рост индекса ICS на 1 пункт приводит к снижению дисперсии инфляционных ожиданий на 0,184 процентных пункта (среднем значении дисперсии 1,1%). Это свидетельствует о том, что открытость коммуникации способствует конвергенции ожиданий различных экономических агентов к некому общему знаменателю. Четкие и последовательные сигналы центрального банка создают «фокальную точку» (по терминологии В.М. Полтеровича [51]), вокруг которой формируются ожидания, что снижает издержки их координации. Это особенно важно в рамках режима таргетирования инфляции, где управление ожиданиями является ключевым каналом

трансмиссии монетарной политики. Полученный результат согласуется с выводами международных исследований [96] и подкрепляет аргументацию о роли коммуникации в формировании рациональных ожиданий.

Совокупность полученных результатов свидетельствует о значимой и устойчивой роли коммуникационной открытости центральных банков в снижении макроэкономической неопределенности. Независимо от спецификации модели и выбора зависимой переменной, коэффициент при индексе ICS сохраняет отрицательный знак и статистическую значимость на уровне 10% как минимум, что указывает на систематический характер выявленной зависимости. В контексте транзакционных издержек (Модели 1.1–1.2) эффект открытости проявляется в снижении кредитно-депозитного спреда, что отражает повышение эффективности банковского посредничества. В отношении координации ожиданий (Модели 2.1–2.2) аналогичный эффект наблюдается в сокращении дисперсии инфляционных прогнозов, свидетельствуя о конвергенции ожиданий экономических агентов вокруг консенсусной траектории. Оба канала — снижение издержек взаимодействия и улучшение согласованности ожиданий — являются проявлением единого механизма: снижения информационной асимметрии за счет повышения прозрачности монетарной политики.

Контрольные переменные подтверждают ожидаемые теоретические связи: инфляционная волатильность и политическая нестабильность усиливают неопределенность, тогда как экономический рост оказывает стабилизирующее влияние. Робастность результатов подтверждается дополнительными спецификациями, включая анализ с лагированной независимой переменной и тестирование устойчивости к исключению отдельных стран.

Для проверки робастности результатов были проведены дополнительные оценки:

1. Введение лагированной независимой переменной. Модель оценивалась с лагом ICS на один год для проверки наличия запаздывающего эффекта. Результаты остались качественно неизменными, хотя величина коэффициентов

несколько снизилась, что может указывать на более сильное краткосрочное воздействие.

2. Исключение стран-выбросов. Последовательное исключение из выборки каждой из 15 стран не привело к существенному изменению значимости и знака ключевого коэффициента β_1 , что подтверждает устойчивость выявленной зависимости.

Таким образом, проведенный эконометрический анализ предоставляет веские доказательства в поддержку выдвинутого предположения. Установлено, что эволюция коммуникационных стратегий центральных банков в сторону большей открытости оказывает статистически значимое и экономически существенное воздействие на снижение транзакционных издержек в финансовой системе и улучшение координации инфляционных ожиданий. Значение данных социальных факторов для устойчивого экономического роста регионов и стран уже было исследовано в научной литературе [50, 58, 59]. Это эквивалентно снижению «премии за неопределенность» в экономике, что создает более предсказуемую среду для принятия инвестиционных и потребительских решений и способствует формированию условий для устойчивого экономического роста.

Выводы к разделу 3

Проведенная в рамках третьего раздела апробация методики количественного анализа открытости коммуникационных стратегий центральных банков позволила не только проверить ее техническую работоспособность, но и верифицировать концептуальную состоятельность в качестве инструмента, адекватно отражающего сложную и динамичную природу коммуникаций монетарных регуляторов в долгосрочной исторической ретроспективе.

1. Эмпирическая реализация исследования на примере 15 центральных банков за период 1985–2025 годов подтвердила возможность операционализации многомерного конструкта «открытость» через систему лингвистических

маркеров, инвариантных к носителю информации и фокусирующихся на содержательных аспектах: сложности языка, насыщенности терминологией, структуре аргументации и степени раскрытия мотивов принятия решений центральными банками. Преодоление методологических вызовов, связанных с ретроспективной сопоставимостью данных и межъязыковой валидностью, было достигнуто за счет применения подхода «относительной сложности» и использования возможностей искусственного интеллекта DeepSeek Chat, что позволило минимизировать субъективный фактор экспертизы и сфокусироваться на измерении усилий регулятора по донесению информации до целевой аудитории. Сформированная дифференцированная и стратифицированная выборка документов, отражающая эволюцию форматов и интенсивности коммуникации монетарных регуляторов, обеспечила репрезентативность базы для расчета Индекса открытости коммуникационных стратегий центральных банков (ICS).

2. Регрессионный анализ продемонстрировал, что принятие режима таргетирования инфляции выступает статистически значимой и экономически содержательной институциональной детерминантой повышения открытости коммуникационных стратегий центральных банков. Оценка модели множественной линейной регрессии выявила структурный сдвиг: переход на данный режим денежно-кредитной политики приводит к скачкообразному увеличению индекса ICS в среднем на 0,275 единиц при контроле устойчивого общемирового временного тренда роста открытости. Каузальная интерпретация данной зависимости была обоснована комплексной диагностикой, исключившей существенные нарушения предпосылок классического регрессионного анализа, а также опровергшей гипотезу об обратной причинности. Механизм выявленного воздействия коренится в имманентных принципах таргетирования инфляции: императиве подотчетности, необходимости управления инфляционными ожиданиями экономических агентов и упреждающем характере политики, которые в совокупности трансформируют коммуникацию из факультативной активности в обязательный, систематический и структурированный процесс.

При этом сила эффекта варьируется в зависимости от институционального контекста, будучи максимальной для центральных банков с высокой степенью независимости, что подчеркивает комплементарный характер институциональных условий.

3. Корреляционный анализ взаимосвязи индекса ICS с агрегированными показателями качества политических и экономических институтов (Worldwide Governance Indicators и Индекс экономической свободы) подтвердил гипотезу о глубокой укорененности коммуникационной практики центрального банка в общей институциональной среде страны. Установлена устойчивая положительная связь, наиболее сильная с компонентами, отражающими эффективность государственного управления и надежность правовой системы. Это свидетельствует о том, что открытость коммуникационных стратегий центральных банков является не изолированным феноменом, а органичным продолжением сложившихся в стране норм и практик государственного управления. Анализ в динамике выявил усиление корреляционных зависимостей с течением времени, особенно в группе развитых экономик, что указывает на углубление интеграции коммуникационных стратегий в институциональную архитектуру. Одновременно была обнаружена пространственная неоднородность и наличие пороговых эффектов, подчеркивающие роль агентских факторов, исторического контекста и компенсаторных функций коммуникации в специфических макроэкономических условиях.

4. Эконометрическая оценка влияния открытости коммуникационных стратегий центральных банков на макроэкономические переменные, выступающие прокси для транзакционных издержек и координации ожиданий, предоставила доказательства практической значимости исследуемого феномена. Установлено, что рост индекса ICS оказывает статистически значимое отрицательное воздействие на кредитно-депозитный спред и дисперсию инфляционных ожиданий. Это эмпирически подтверждает теоретический тезис о том, что прозрачная финансовая коммуникация регулятора функционирует как институт, снижающий информационную асимметрию и неопределенность.

Четкие и последовательные сигналы центрального банка создают «фокальную точку» для формирования согласованных ожиданий экономических агентов, что сокращает премию за риск в финансовой системе и снижает издержки координации в экономике в целом. Таким образом, эволюция в сторону большей открытости коммуникационных стратегий центральных банков способствует формированию более предсказуемой макроэкономической среды, что является важным фактором обеспечения устойчивого экономического роста.

В совокупности результаты, полученные в третьем разделе, формируют целостную картину детерминант и эффектов открытости коммуникационных стратегий центральных банков. Доказано, что данный процесс детерминируется как конкретным режимом денежно-кредитной политики (таргетированием инфляции), так и общим качеством институциональной среды, причем эти факторы носят комплементарный характер. В свою очередь, повышение открытости оказывает измеримое позитивное влияние на функционирование экономики через каналы снижения транзакционных издержек и улучшения координации ожиданий. Это позволяет рассматривать коммуникационную стратегию не как второстепенный инструмент, а как ключевой элемент современного институционального дизайна денежно-кредитной политики, эффективность которого поддается количественному измерению и верификации.

Основные результаты исследования, представленные данным в разделе, опубликованы автором в работах [23], [29], [32], [129], [130].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе представлено комплексное решение научной задачи, заключающееся в разработке теоретико-методологических основ и прикладных положений, относительно оценки открытости коммуникационных стратегий центральных банков как инструмента денежно-кредитной политики.

1. В процессе анализа эволюции подходов к определению понятия коммуникационных стратегий центральных банков выявлено, что коммуникация регуляторов трактуется исследователями исключительно как односторонняя и носящая сигнальный характер. Однако, на основе изученного международного опыта практики центральных банков, доказано, что в рамках своей деятельности центральные банки не только формируют ожидания экономических агентов, но и заинтересованы в обратной связи от них о результатах своей коммуникации для корректировки транслируемых посылов, а также получают новую информацию для прогнозирования и принятия дальнейших решений по денежно-кредитной политике. Это позволило предложить авторскую концепцию коммуникационной стратегии центрального банка, которая дает возможность теоретически и методологически учитывать практику двусторонних (интерактивных) взаимодействий в цепочке ЦБ-экономические агенты-ЦБ.

2. В рамках диссертационного исследования разработана авторская методика оценки открытости коммуникационных стратегий (ICS) на основе критериального индекса, включающего показатели доступности языка, полноты размещаемой информации и интерактивности коммуникации. Предложенный индекс позволяет проводить сравнительный анализ эффективности коммуникаций центральных банков в контексте повышения действенности денежно-кредитной политики. Данный способ дает возможность автоматизировать процесс оценки межязыкового сопоставления лингвистических метрик финансовой документации, а также снизить в исследовании субъективность экспертизы. Еще одним преимуществом является

возможность не ограничиваться для анализа языками, для которых существуют достаточно проработанные стандартные лингвистические метрики.

3. Для оценки доступности к восприятию в рамках индекса открытости коммуникационных стратегий (ICS) была разработана и апробирована авторская методика лингвистического анализа коммуникации центральных банков на основе искусственной нейронной сети, предобученная версия которой прошла валидацию через корреляционный анализ с результатами параллельного экспертного опроса на ограниченной выборке, что позволило преодолеть языковые барьеры и объективно оценить доступность коммуникаций для широкой аудитории на 9 языках 15 центральных банков, обеспечив репрезентативность выборки и валидность полученных результатов на основе анализа 11 885 текстовых документов. Ранее, в предшествующих исследованиях, для анализа приходилось использовать англоязычные версии документов регуляторов, что было продиктовано ограничениями используемого метода индекса удобочитаемости Флеша-Кинкейда. Разработанная в рамках диссертационного исследования методика позволяет снять существующие ограничения в кросс-языковом сопоставлении текстов документов центральных банков, а также значительно расширить объем анализируемого эмпирического материала.

4. Установлено, что выбор регуляторами режима денежно-кредитной политики оказывает влияние на степень открытости их коммуникационных стратегий. Построенная в рамках диссертационного исследования хронология решений по коммуникации и выбору режимов денежно-кредитной политике 15 регуляторов за 40 лет позволила предложить периодизацию эволюции коммуникационных стратегий центральных банков. Эмпирически доказано, что переход к таргетированию инфляции выступил как статистически значимый и экономически содержательный детерминант эволюции коммуникационных стратегий центральных банков.

5. Доказано, что коммуникационные стратегии центральных банков встроены в комплекс институциональных координат общества. Установлено, что

эволюция коммуникационных стратегий центральных банков в сторону большей открытости оказывает статистически значимое и экономически существенное воздействие на снижение транзакционных издержек в финансовой системе и улучшение координации инфляционных ожиданий. Это эквивалентно снижению «премии за неопределенность» в экономике, что создает более предсказуемую среду для принятия инвестиционных и потребительских решений и способствует формированию условий для устойчивого экономического роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, А. Прогнозирование инфляции методом комбинирования прогнозов в Банке России / А. Андреев // Банк России: серия докладов об экономических исследованиях. – 2016. – № 14.
2. Андриюшин, С. А. Денежно-кредитная политика Банка России в условиях экосистемной трансформации банковской деятельности и введения цифрового рубля / С. А. Андриюшин, Р. А. Григорьев, С. А. Никитина, А. П. Свиридов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 6. – С. 146–165.
3. Антикризисная промышленная политика субъектов Российской Федерации в период пандемии COVID-19 / А. В. Кошкин, М. Ю. Щеглов, Г. А. Бит-Зая [и др.] // Финансы и управление. – 2024. – № 1. – С. 12–38. – DOI 10.25136/2409-7802.2024.1.69641.
4. Арженовский, С. В. Прогнозирование динамики ВВП на основе данных мониторинга предприятий, проводимого Банком России / С. В. Арженовский // Финансовый журнал. – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 31–44. – DOI 10.31107/2075-1990-2024-1-31-44.
5. Бажан, А. И. Инфляция в ЕС: форма, причины и антиинфляционная политика / А. И. Бажан // Современная Европа. – 2024. – № 7 (128). – С. 100–110.
6. Белоглазова, И. А. Инфляционные ожидания и восприятие инфляции населением: экспериментальные оценки и возможности для коммуникационной политики центрального банка / И. А. Белоглазова, А. А. Кориков, К. П. Юрченко // Journal of new economy. – 2025. – № 1. – С. 50–67.
7. Блинов, А. Е. Детерминация правового статуса Банка России / А. Е. Блинов // ПРЭД. – 2022. – № 3. – С. 21–27.
8. Богатова, И. Э. Эволюция денежно-кредитной политики России на современном этапе в период глобализации / И. Э. Богатова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 6. – С. 66–75.

9. Волощенко, Л. М. Влияние государства на функционирование финансового рынка России / Л. М. Волощенко, А. В. Николаева // Первый экономический журнал. – 2024. – № 12(354). – С. 101–107. – DOI 10.58551/20728115_2024_12_101.
10. Галазова, С. С. Трансакционные издержки в цифровых координатах / С. С. Галазова // Статистика и Экономика. – 2024. – Т. 21, № 6. – С. 68–74. – DOI 10.21686/2500-3925-2024-6-68-74.
11. Галазова, С. С. Цифровые экосистемы банков: сравнительный анализ и регулирование конкуренции в России / С. С. Галазова // Journal of New Economy. – 2023. – Т. 24, № 4. – С. 82–106. – DOI 10.29141/2658-5081-2023-24-4-5.
12. Головнин, М. Ю. Теоретические основы денежно-кредитной политики / М. Ю. Головнин. – Москва : Институт экономики РАН, 2018. – 316 с.
13. Градинарова, А. А. Основные характеристики механизма формирования и использования публичных финансов / А. А. Градинарова, И. А. Ангелина // Финансовые исследования. – 2024. – Т. 25, № 1(82). – С. 101–111. – DOI 10.54220/finis.1991-0525.2024.82.1.008.
14. Дубова, С. Е. Ясность коммуникаций как необходимое условие результативности денежно-кредитной политики в условиях инфляционного таргетирования / С. Е. Дубова, Е. И. Аниканов // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 3. – С. 37–42.
15. Евстигнеева, А. Коммуникация как инструмент денежно-кредитной политики: Аналитическая записка / А. Евстигнеева // Центральный Банк России. – 2023. – URL: https://www.cbr.ru/dkp/review__dkp/research_policy_notes/ (дата обращения: 15.11.2025).
16. Евстигнеева, А. Оценка ясности коммуникации Банка России по денежно-кредитной политике с помощью нейронных сетей / А. Евстигнеева, М. Сидоровский // Деньги и кредит. – 2021. – Т. 80, № 3. – С. 3–33.
17. Ерохин, А. Влияние удобочитаемости и тональности текстов Банка России на инфляционные ожидания / А. Ерохин, О. Клачкова // Деньги и кредит. – 2024. – Т. 83, № 4. – С. 27–47.

18. Зенченко, С. В. Национальная финансовая безопасность: инструменты оценки и пути сохранения / С. В. Зенченко, И. А. Воронин // Исследование проблем экономики и финансов. – 2023. – № 3. – DOI 10.31279/2782-6414-2023-3-4.

19. Зенченко, С. В. Формализация факторов финансового регулирования публичных финансов / С. В. Зенченко // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 6, № 12(153). – С. 149-155. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.06.019.

20. Картаев, Ф. С. Прозрачность монетарной политики и успешность инфляционного таргетирования / Ф. С. Картаев, Е. Е. Леденева // Экономическая политика. – 2021. – Т. 16, № 6. – С. 8–33.

21. Киселев, А. Г. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации / А. Г. Киселев, П. Н. Киричёк // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2019. – № 2. – С. 322–336.

22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. – URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102036297> (дата обращения: 15.11.2025).

23. Кошкин, А. В. Анализ применения опыта международных практик по реализации целей устойчивого развития ООН в России в докладе Аналитического центра при правительстве РФ / А. В. Кошкин // The Newman in Foreign Policy. – 2018. – № 43(87). – С. 19–21.

24. Кошкин, А. В. Взаимодействие фискальной и монетарной политики в различных режимах денежно-кредитного регулирования: особенности планирования налогообложения / А. В. Кошкин // Налоги и налогообложение. – 2025. – № 6. – С. 1–14. – DOI 10.7256/2454-065X.2025.6.76366.

25. Кошкин, А. В. К вопросу дискурсивного контент-анализа в сетевой экономике / А. В. Кошкин // Актуальные проблемы современной экономики: от

финансовых и социальных институтов к маркетингу: сб. науч. работ молодых исследователей. – Санкт-Петербург : КультИнформПресс, 2018. – С. 147–152.

26. Кошкин, А. В. К вопросу о роли коммуникации центральных банков в реализации стратегии денежно-кредитной политики / А. В. Кошкин // Теоретическая и прикладная экономика. – 2025. – № 4. – С. 55–71. – DOI 10.25136/2409-8647.2025.4.74406.

27. Кошкин, А. В. К вопросу эволюции коммуникационных стратегий центральных банков / А. В. Кошкин // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 1-1. – С. 72–77. – DOI 10.34670/AR.2025.79.47.009.

28. Кошкин, А. В. К вопросу о детерминации переходом к таргетированию инфляции движения к открытости коммуникационных стратегий центральных банков / А. В. Кошкин // The future of knowledge: issues of science, technology and society development: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Melbourne, 27–28 февр. 2025 г.). – Melbourne : ICSRD, 2025. – С. 63–70.

29. Кошкин А.В., Пенькова И.В. К вопросу измерения открытости коммуникационных стратегий центральных банков // Сборник трудов XIII Международной научно-практической конференции «Стратегическое развитие инновационного потенциала отраслей, комплексов и организаций». – Пенза, 2025. – С. 304-307.

30. Кошкин, А. В. Место и роль стран БРИКС в мировой экономике: анализ макроэкономических показателей и отдельных аспектов денежно-кредитной политики / А. В. Кошкин, К. У. Азимова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – Т. 14, № 12-1. – С. 51–59. – DOI 10.34670/AR.2024.55.26.005.

31. Кошкин, А. В. Мониторинг предприятий Банка России как фактор повышения точности прогноза инфляции / А. В. Кошкин, Д. В. Крылов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2025. – Т. 41, № 3. – С. 364-393.

32. Кошкин, А. В. Сравнительный анализ экономического дискурса, коммуникационных стратегий и имиджей губернаторов Санкт-Петербурга (на

примере Г.С. Полтавченко и А.Д. Беглова) / А. В. Кошкин, М. Ю. Щеглов // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 259–283. – DOI 10.31249/poln/2024.01.10.

33. Кошкин, А. В. Типология коммуникационных стратегий центральных банков как инструмента денежно-кредитной политики // Финансы и управление. – 2025. – № 4. – С. 12-21. – DOI: 10.25136/2409-7802.2025.4.74556.

34. Кошкин А. В., Пенькова И. В. Трансформация теоретических подходов к определению коммуникационных стратегий центральных банков как инструмента денежно-кредитной политики // Региональная и отраслевая экономика. – 2023. – № 3. – С. 10-15.

35. Кошкин, А. В. Эволюция концепции коммуникации центральных банков как инструмента: от угрозы финансовой стабильности до элемента системы экономической безопасности / А. В. Кошкин, И. В. Пенькова // Национальная безопасность. – 2025. – № 5. – С. 1-15. – DOI 10.7256/2454-0668.2025.5.76466.

36. Кузнецова, О. С. Валютный курс и вербальные интервенции Банка России и органов государственной власти / О. С. Кузнецова, С. Р. Ульянова // Экономический журнал ВШЭ. – 2018. – № 2. – С. 228–248.

37. Кузнецова, О. С. Влияние вербальных интервенций Банка России на фондовые индексы / О. С. Кузнецова, С. Р. Ульянова // Журнал экономической теории. – 2016. – № 4. – С. 18–27.

38. Кузнецова, В. В. Эволюция роли национальных центральных банков / В. В. Кузнецова, О. И. Ларина // Финансы: теория и практика. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 62–73. – DOI 10.26794/2587-5671-2022-26-2-62-73.

39. Марамыгин, М. С. Цифровая трансформация российского рынка финансовых услуг: тенденции и особенности / М. С. Марамыгин, Г. В. Чернова, Л. Г. Решетникова // Управленец. – 2019. – Т. 10, № 3. – С. 70–82. – DOI 10.29141/2218-5003-2019-10-3-7.

40. Мерзляков, С. А. Информационная политика Банка России: анализ воздействия пресс-релизов о ключевой ставке на межбанковскую ставку / С. А.

Мерзляков, Р. А. Хабибуллин // Вопросы экономики. – 2017. – № 11. – С. 141–151.

41. Михалев, О. В. Мониторинг предприятий Банком России: информационно-аналитическое обеспечение финансовых решений бизнеса / О. В. Михалев // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. – 2007. – № 3. – С. 89–91.

42. Нельсон, Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер. – Москва : Дело, 2002. – 536 с.

43. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – Москва : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

44. О Центральном банке Российской Федерации: Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 15.11.2025).

45. Олейник, А. Н. Институциональная экономика / А. Н. Олейник. – Москва : ИНФРА-М, 2010. – 704 с.

46. Орлова, В. А. Политика развития цифровых коммуникаций на финансовом рынке / В. А. Орлова, О. В. Мелентьева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 1, № 6(147). – С. 145–150. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.06.01.019.

47. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2025 и 2028 годов [Электронный ресурс] / Банк России. – Москва, 2025. – URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/ (дата обращения: 15.11.2025).

48. Перькова, Е. П. Информационная политика Банка России и центральных банков других стран / Е. П. Перькова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2023. – № 2. – С. 56–70. – DOI 10.17308/econ.2023.2/11155.

49. Петрушевский Ю.Л. Сравнительный анализ целей денежно-кредитной политики: институциональный аспект// Экономика и управление:

проблемы, решения. 2025. № 10. Т. 12. С. 212–219. – DOI 10.36871/ek.ur.p.r.2025.11.12.022

50. Пешкова, Е. П. Обоснование и систематизация стратегических целей устойчивого экономического роста региона / Е. П. Пешкова, С. П. Кюрджиев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2014. – № 2(75). – С. 115–119.

51. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1998. – Т. 34, № 2. – С. 24–40.

52. Полтерович, В. М. Элементы теории реформ / В. М. Полтерович. – Москва : Экономика, 2007. – 447 с.

53. Пыткин, А. Н. Развитие мониторинга предприятий банком России / А. Н. Пыткин, Р. В. Зике // Российское предпринимательство. – 2014. – № 24 (270). – С. 103–108.

54. Румянцева, О. И. Рефлексивная устойчивость денежной системы и политика центрального банка / О. И. Румянцева // Финансы: теория и практика. – 2016. – № 1 (91). – С. 86–95.

55. Савельева, Н. К. Конкурентоспособность банковской системы России: трансграничный аспект / Н. К. Савельева, Т. А. Тимкина // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. – 2021. – № 4. – С. 211–216. – DOI 10.29025/1994-7720-2021-4-211-216.

56. Соболева, Е. Н. Оценка влияния коммуникации Банка России на инфляционные ожидания россиян / Е. Н. Соболева, А. С. Власенко, А. Л. Богданов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2025. – № 69. – С. 356–366. – DOI 10.17223/19988648/69/20.

57. Сысоев, П. В. Дидактические свойства и методические функции нейросетей / П. В. Сысоев // Перспективы науки и образования. – 2024. – № 6 (72). – С. 672–690. – DOI 10.32744/pse.2024.6.42.

58. Тамбовцев, В. Л. Государство и переходная экономика: пределы управляемости / В. Л. Тамбовцев. – Москва : ТЕИС, 2001. – 208 с.

59. Тамбовцев, В. Л. Право и экономическая теория: Очерки экономики права / В. Л. Тамбовцев. – Москва : Инфра-М, 2001. – 258 с.
60. Терещенко, Д. С. Институциональные факторы экономического роста: идентификация, оценка и выявление нелинейности влияния / Д. С. Терещенко // Вестник НГУЭУ. – 2016. – № 3. – С. 299–314.
61. Чжан, В. Трансформация публичной коммуникации органов власти и граждан в Китае и России в условиях цифровизации / В. Чжан, Л. С. Панкратова // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – № 3. – С. 151–164.
62. Шаститко, А. Е. Новая институциональная экономическая теория / А. Е. Шаститко. – 4-е изд. – Москва : Экономический факультет МГУ, 2010. – 828 с.
63. Щеглов, М. Ю. Цифровая коммуникация Банка России в социальных сетях / М. Ю. Щеглов, В. Ю. Пашкус // Теоретическая и прикладная экономика. – 2024. – № 1. – С. 28–38. – DOI 10.25136/2409-8647.2024.1.69540.
64. Akerlof, G. A. The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism / G. A. Akerlof // The Quarterly Journal of Economics. – 1970. – Vol. 84, No. 3. – P. 488–500.
65. Akerlof, G. Sins of Omission and the Practice of Economics / G. Akerlof // Journal of Economic Literature. – 2019. – Vol. 58, No. 2. – P. 405–418.
66. Al-Mashat, R. A. An Index for Transparency for Inflation-Targeting Central Banks: Application to the Czech National Bank / R. A. Al-Mashat, A. Buliř, N. Dinçer [et al.] // IMF Working Paper. – 2018. – No. 18/207. – DOI 10.5089/9781484374832.001.
67. Baltensperger, E. Swiss Monetary History since the Early 19th Century / E. Baltensperger, P. Kugler. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017.
68. Bank for International Settlements. Capital Flows and Exchange Rate Volatility: The Turkish Case // BIS Quarterly Review. – 2023. – March.
69. Bank of Canada Act (R.S.C., 1985, с. B-2) [Электронный ресурс]. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/B-2/> (дата обращения: 15.11.2025).

70. Bank of England Act 1998 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/11/contents> (дата обращения: 15.11.2025).

71. Bank of Japan Act (Act № 89 of June 18, 1997) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/boja.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).

72. Barone, S., Oggero, N., Damilano, M. Monetary Policy and Financial Stability: Evidence from a New Macroeconomic Environment / S. Barone, N. Oggero, M. Damilano // *Research in International Business and Finance*. – 2025. – Vol. 77, Part B. – P. 102992. – DOI: 10.1016/j.ribaf.2025.102992.

73. Barro, R. J. A Positive Theory of Monetary Policy in a Natural Rate Model / R. J. Barro, D. B. Gordon // *Journal of Political Economy*. – 1983. – Vol. 91, No. 4. – P. 589–610.

74. Battaglia, F. Inflation Targeting as a tool for Central Banks / F. Battaglia, F. Busato, C. Ulloa Severino // *SSRN Electronic Journal*. – 2023. – DOI 10.2139/ssrn.4644832.

75. Baer, W. The Brazilian Economy: Growth and Development / W. Baer. – Lynne Rienner Publishers, 2008.

76. Beloglazova, I. A. Inflation expectations and perceptions: Experimental evaluations and opportunities for central banks' communication policy / I. A. Beloglazova, A. A. Korikov, K. P. Yurchenko // *Journal of New Economy*. – 2025. – Vol. 26, No. 1. – P. 50–68. – DOI 10.29141/2658-5081-2025-26-1-3.

77. Berger, E. Central Bank Communication and Expectations: Evidence from the COVID-19 Pandemic / E. Berger, D. Pfajfar // *Journal of International Money and Finance*. – 2021. – Vol. 110. – P. 102287.

78. Bernanke, B. S. Central Bank Communication in Theory and Practice / B. S. Bernanke // *NBER Working Paper*. – 2015. – No. 21832.

79. Bernanke, B. S. Federal Reserve Communications / B. S. Bernanke // Federal Reserve Board. – 2007. –

URL: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/bernanke20071114a.htm>
(дата обращения: 15.11.2025).

80. Bernanke, B. S. Inaugurating a new blog / B. S. Bernanke // Brookings. – 2015. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/inaugurating-a-new-blog/> (дата обращения: 15.11.2025).

81. Binder, C. Fed speak on main street: Central bank communication and household expectations / C. Binder // Journal of Macroeconomics. – 2017. – Vol. 52. – P. 238-251.

82. Binder, S. How Politics Shapes Federal Reserve Communications / S. Binder // Cato Journal. – 2020. – Vol. 40, No. 1. – P. 1-25.

83. Blinder, A. S. Central Bank Communication and Monetary Policy: A Survey of Theory and Evidence / A. S. Blinder, M. Ehrmann, M. Fratzscher, J. De Haan, D. J. Jansen // Journal of Economic Literature. – 2008. – Vol. 46, No. 4. – P. 910–945.

84. Blinder, A. S. Central Banking in Theory and Practice / A. S. Blinder. – Cambridge, MA : The MIT Press, 1998. – 192 p.

85. Calvo, G. Financial Crisis and Liquidity Shocks: A Bank-Run Perspective / G. Calvo // NBER Working Paper. – 2009. – No. 15425.

86. Capie, F. The Bank of England: 1950s to 1979 / F. Capie. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 853 p.

87. Cargill, T. F. The Political Economy of Japanese Monetary Policy / T. F. Cargill, M. M. Hutchison, T. Ito. – MIT Press, 1997.

88. Carlos Moreno P., Minozzo M., ‘Making text talk’: The minutes of the Central Bank of Brazil and the real economy, Journal of International Money and Finance, Volume 147, 2024, 103133, ISSN 0261-5606, <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2024.103133>.

89. Carta Orgánica del Banco Central de la República Argentina (Texto Ordenado 2020) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bcra.gob.ar/Institucional/Carta_Organica.asp (дата обращения: 15.11.2025).

90. Coase, R. H. The Problem of Social Cost / R. H. Coase // The Journal of Law and Economics. – 1960. – Vol. 3. – P. 1–44.

91. Conneau, A. Cross-lingual Language Model Pretraining / A. Conneau, G. Lample // Advances in Neural Information Processing Systems. – 2019. – Vol. 32. – P. 7057–7067.

92. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union – Protocol (№4) on the statute of the European system of central banks and of the European central bank [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. 2016/C 202/01. – URL: http://data.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2016/pro_4/oj (дата обращения: 15.11.2025).

93. Communication Ecosystem Construction: Comparative Analysis of Communication Strategies of Municipal Securities Issuers / A. Koshkin, M. Rakhman Khashimi, M. Shcheglov [et al.] // Ecosystems Without Borders 2024: Opportunities and Challenges: Proceedings of the Third International Conference, Kaliningrad, 2024. Vol. 1092. – Kaliningrad : Springer Nature Switzerland AG, 2024. – P. 154-161. – DOI 10.1007/978-3-031-67354-2_18.

94. Davig, T. Communicating Monetary Policy Rules / T. Davig, A. Foerster // European Economic Review. – 2023. – Vol. 151. – P. 104290. – DOI 10.1016/j.euroecorev.2022.104290.

95. De Haan, J. Central Bank Independence and Transparency: Evolution and Effectiveness / J. De Haan, S. C. W. Eijffinger // European Journal of Political Economy. – 2020. – Vol. 64. – P. 1–21.

96. Della Paolera, G. Straining at the Anchor: The Argentine Currency Board and the Search for Macroeconomic Stability, 1880-1935 / G. Della Paolera, A. M. Taylor. – University of Chicago Press, 2001.

97. Diebold, F. X. Comparing Predictive Accuracy / F. X. Diebold, R. S. Mariano // Journal of Business and Economic Statistics. – 2002. – Vol. 20, No. 1. – P. 134–144.

98. Dincer, N. Central Bank Transparency and Independence: Updates and New Measures / N. Dincer, B. Eichengreen // *International Journal of Central Banking*. – 2014. – Vol. 10, No. 1. – P. 189–253.

99. Dincer N., Eichengreen B., Geraats P. Trends in Monetary Policy Transparency Around the World [Электронный ресурс] // *SUERF Policy Brief*. 2022. № 322, April. URL: <https://www.suerf.org/policynotes/> (дата обращения: 15.11.2025).

100. Eichengreen, B. Economic History and Economic Policy / B. Eichengreen // *The Journal of Economic History*. – 2012. – Vol. 72, No. 2. – P. 289–307.

101. Eichengreen, B. The Unstable EMS / B. Eichengreen, C. Wyplosz // *Brookings Papers on Economic Activity*. – 1993. – No. 1. – P. 51-143.

102. Eijffinger, S. C. W. How Transparent Are Central Banks? / S. C. W. Eijffinger, P. M. Geraats // *European Journal of Political Economy*. – 2006. – Vol. 22, No. 1. – P. 1–21.

103. Ehrmann, M. Central Bank Communication with Non-Experts: A Road to Nowhere? / M. Ehrmann, A. Wabitsch // *Journal of Monetary Economics*. – 2022. – Vol. 125. – P. 62–79.

104. Eggertsson, G. B. The Zero Bound on Interest Rates and Optimal Monetary Policy / G. B. Eggertsson, M. Woodford // *Brookings Papers on Economic Activity*. – 2003. – Vol. 34, No. 1. – P. 139–211.

105. English, W. B. The Federal Reserve's Framework for Monetary Policy: Recent Changes and New Questions / W. B. English, D. López-Salido, R. J. Tetlow // *IMF Economic Review*. – 2015. – Vol. 63, No. 1. – P. 22–70.

106. Espinoza, R. Monetary Policy Transmission in the GCC Countries / R. Espinoza, A. Prasad // *IMF Working Papers*. – 2012. – Vol. 12, No. 132. – DOI 10.5089/9781475503685.001.

107. Federal Act on the Swiss National Bank (National Bank Act, NBA) of 3 October 2003 (Status as of 1 January 2024) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2004/221/en> (дата обращения: 15.11.2025).

108. Federal Reserve Act of 1913 (As Amended) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.federalreserve.gov/aboutthefed/fract.htm> (дата обращения: 15.11.2025).

109. Ferrero, G. Monetary Policy in a Low Interest Rate Environment / G. Ferrero, S. Neri // SSRN Electronic Journal. – 2017. – DOI 10.2139/ssrn.3056267.

110. Fuchs, C. Communicative Action and the Network Society: A Critical Appraisal of Habermas's Theory in the Age of Digital Communication / C. Fuchs // TripleC: Communication, Capitalism & Critique. – 2006. – Vol. 4, No. 2. – P. 1–28.

111. Geraats, P. M. Central Bank Transparency / P. M. Geraats // The Economic Journal. – 2002. – Vol. 112, No. 483. – P. F532–F565.

112. Gu Rand G., Erasmus R., Hollander H., Reid M., van Lill D. The evolution of central bank communication as experienced by the South Africa Reserve Bank // Economic History of Developing Regions. 2021. Vol. 36. No. 2. P. 282–312. DOI: 10.1080/20780389.2021.1925106.

113. Gürkaynak, R. S. Does Inflation Targeting Anchor Long-Run Inflation Expectations? Evidence from the U.S., UK, and Sweden / R. S. Gürkaynak, A. Levin, E. Swanson // Journal of the European Economic Association. – 2010. – Vol. 8, No. 6. – P. 1208–1242.

114. Gürkaynak, R. S. Inflation Targeting and the Anchoring of Inflation Expectations in the Western Hemisphere / R. S. Gürkaynak, A. Levin, A. Marder, E. Swanson // Federal Reserve Bank of San Francisco Economic Review. – 2007. – P. 25–47.

115. Habermas, J. The Theory of Communicative Action, Volume 1: Reason and the Rationalization of Society / J. Habermas. – Boston : Beacon Press, 1981.

116. Haldane, A. G. Central Bank Communications and the General Public / A. G. Haldane, M. McMahon // American Economic Review. – 2018. – Vol. 108, No. 7. – P. 1737–1766.

117. Harvey, D. Testing the Equality of Prediction Mean Squared Errors / D. Harvey, S. Leybourne, P. Newbold // International Journal of Forecasting. – 1997. – Vol. 13, No. 2. – P. 281–291. – [https://doi.org/10.1016/S0169-2070\(96\)00719-4](https://doi.org/10.1016/S0169-2070(96)00719-4).

118. Helkie, W. L. The U.S. External Deficit in the 1980s: An Empirical Analysis / W. L. Helkie, P. Hooper // International Finance Discussion Papers. – 1987. – No. 304.

119. Horváth, R. Central bank transparency and financial stability / R. Horváth, D. Vaško // Journal of Financial Stability. – 2016. – Vol. 22. – P. 45–56. – <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2015.12.003>.

120. Huang, Y. Central Banking Under Authoritarianism: The Case of China / Y. Huang. – Cambridge University Press, 2021.

121. Human Rights Watch. Turkey: Arrest of Economist for “Insulting” Central Bank / Human Rights Watch. – 2022.

122. Haan de J., Hoogduin L., ECB communication policies: An overview and comparison with the Federal Reserve Journal of International Money and Finance Volume 142, April 2024, 103050 <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2024.103050>.

123. Jones, S. The Decline of the South African Economy / S. Jones. – Edward Elgar Publishing, 2002.

124. Jordà, Ò. The Changing Transmission of Monetary Policy / Ò. Jordà, M. Schularick, A. M. Taylor // Journal of Economic Perspectives. – 2018. – Vol. 32, No. 4. – P. 59–86. – DOI 10.1257/jep.32.4.59.

125. Joshi, V. India's Economic Reforms, 1991-2001 / V. Joshi, I. M. D. Little. – Oxford University Press, 1996.

126. Jung, A. Can Central Bank Communication Help to Stabilise Inflation Expectations? / A. Jung, P. Kühn // ECB Working Paper. – 2021. – No. 2021/2547.

127. Kansoy, F. Central Bank Communication with Public: Bank of England and Twitter (X) / F. Kansoy, J. Mundy // SSRN Electronic Journal. – 2025. – URL: <https://ssrn.com/abstract=5279225> (дата обращения: 15.11.2025). – DOI 10.2139/ssrn.5279225.

128. Kincaid, J. P. Electronic authoring and delivery of technical information / J. P. Kincaid, R. Braby, J. Mears // Journal of Instructional Development. – 1988. – Vol. 11, No. 2. – P. 8–13. – doi:10.1007/bf02904998.

129. Koshkin, A. V. Comparative analysis of political economy methodologies: Marxism and neo-institutionalism / A. V. Koshkin, M. Y. Shcheglov // Collection of articles from the Second International Scientific Conference of the St. Petersburg State University Student Scientific Society, November 11, 2023. – 2024. – P. 372-377.

130. Koshkin, A. V. The Role of Open Communication Strategies of Central Banks in Achieving Sustainable Development Goals / A. V. Koshkin // Journal of Lifestyle and SDGs Review. – 2025. – Vol. 5, No. 7. – P. e06451. – <https://doi.org/10.47172/2965-730X.SDGsReview.v5.n07.pe06451>.

131. Kydland, F. E. Rules Rather than Discretion: The Inconsistency of Optimal Plans / F. E. Kydland, E. C. Prescott // Journal of Political Economy. – 1977. – Vol. 85, No. 3. – P. 473–491.

132. Laffont, J.-J. Regulation and Development / J.-J. Laffont. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 294 p.

133. Lardy, N. R. China's Unfinished Economic Revolution / N. R. Lardy. – Brookings Institution Press, 1998.

134. Lardy, N. The State Strikes Back: The End of Economic Reform in China? / N. Lardy. – Peterson Institute, 2022.

135. Law of the People's Republic of China on the People's Bank of China [Электронный ресурс]. – (Adopted at the Third Session of the Eighth National People's Congress on March 18, 1995, and amended in 2003). – URL <https://www.pbc.gov.cn/english/130733/2941519/2015082610501049304.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).

136. Lei № 4.595, de 31 de dezembro de 1964 [Электронный ресурс]. – Dispõe sobre a política e as instituições monetárias, bancárias e creditícias, cria o Conselho Monetário Nacional e dá outras providências. – URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l4595.htm (дата обращения: 15.11.2025).

137. Levine, R. Finance and Growth: Theory and Evidence / R. Levine // Handbook of Economic Growth. – 2005. – Vol. 1. – P. 865–934.

138. Lucas, R. E. *Econometric Policy Evaluation: A Critique* / R. E. Lucas // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. – 1976. – Vol. 1. – P. 19–46.
139. Lucas, R. E. *Expectations and the Neutrality of Money* / R. E. Lucas // *Journal of Economic Theory*. – 1972. – Vol. 4, No. 2. – P. 103–124.
140. Malkiel, B. G. *Asset Management Fees and the Growth of Finance* / B. G. Malkiel // *Journal of Economic Perspectives*. – 2013. – Vol. 27, No. 2. – P. 97–108.
141. Marsh, D. *The Bundesbank: The Bank That Rules Europe* / D. Marsh. – William Heinemann, 1992.
142. Moessner, R. *Central Bank Communication on Financial Stability* / R. Moessner // *Economic Journal*. – 2019. – Vol. 129, No. 617. – P. 326–362. – DOI 10.1111/ecoj.12641.
143. Nelson, E. *The Emergence of Forward Guidance As a Monetary Policy Tool* / E. Nelson // *Finance and Economics Discussion Series*. – 2021. – No. 2021-033. – <https://doi.org/10.17016/FEDS.2021.033>.
144. Nelson, R. R. *An Evolutionary Theory of Economic Change* / R. R. Nelson, S. G. Winter. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1982.
145. North, D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* / D. C. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 152 p.
146. North, D. C. *Understanding the Process of Economic Change* / D. C. North. – Princeton : Princeton University Press, 2005. – 187 p.
147. Petersen, L. *Macroeconomic expectations, central bank communication, and background uncertainty: A COVID-19 laboratory experiment* / L. Petersen, R. Rholes // *Journal of Economic Dynamics and Control*. – 2022. – Vol. 143. – P. 104460. – DOI 10.1016/j.jedc.2022.104460.
148. Powell, J. *A History of the Canadian Dollar* / J. Powell. – Bank of Canada, 1999.
149. Reichart, A. *The influence of monetarism on Federal Reserve policy during the 1980s* / A. Reichart, A. Slifi // *Cahiers d'économie Politique*. – 2016. – Vol. 70. – P. 107-150. – DOI 10.3917/cep.070.0107.

150. Reid, M. The Sensitivity of South African Inflation Expectations to Surprises / M. Reid // South African Journal of Economics. – 2009. – Vol. 77, No. 3. – P. 414–429.

151. Reserve Bank Act 1959 [Электронный ресурс]. – Compilation № 5. – URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2023C00213> (дата обращения: 15.11.2025).

152. Reserve Bank of India Act, 1934 [Электронный ресурс]. – As amended by the Finance Act, 2023. – URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2398/1/a1934-2.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).

153. Rogoff, K. The Optimal Degree of Commitment to an Intermediate Monetary Target / K. Rogoff // The Quarterly Journal of Economics. – 1985. – Vol. 100, No. 4. – P. 1169–1189.

154. Romer, C. D. Why Central Bank Transparency Matters: Evidence from the Fed's Early Years / C. D. Romer, D. H. Romer // NBER Working Paper. – 2023. – No. 31089

155. Sargent, T. Bounded Rationality in Macroeconomics / T. Sargent. – Oxford : Clarendon Press, 1993. – 224 p.

156. Schedvin, C. B. In Reserve: Central Banking in Australia, 1945-75 / C. B. Schedvin. – Allen & Unwin, 1992.

157. Shiller, R. J. Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events / R. J. Shiller. – Princeton : Princeton University Press, 2019. – 378 p.

158. Shrestha, S. Communication in Banking Sector: A Systematic Review / S. Shrestha, S. Parajuli, U. Paudel // Quest Journal of Management and Social Sciences. – 2019. – Vol. 1, No. 2. – P. 272-284. – DOI 10.3126/qjmss.v1i2.27445.

159. Shojaie, A. Granger Causality: A Review and Recent Advances / A. Shojaie, E. B. Fox // Annual Review of Statistics and Its Application. – 2022. – Vol. 9. – P. 289–319. – DOI 10.1146/annurev-statistics-040120-010930.

160. South African Reserve Bank Act 90 of 1989 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.resbank.co.za/content/dam/sarb/what-we-do/banknotes-and-coin/SA%20Reserve%20Bank%20Act%2090%20of%201989.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).

161. Spence, M. Job Market Signaling / M. Spence // The Quarterly Journal of Economics. – 1973. – Vol. 87, No. 3. – P. 355–374.

162. Spence, M. Signaling in Retrospect and the Informational Structure of Markets / M. Spence // American Economic Review. – 2002. – Vol. 92, No. 3. – P. 434–459.

163. Spencer, R. W. The Evolution of Federal Reserve Transparency Under Greenspan and Bernanke / R. W. Spencer, J. H. Huston, E. Hsie // Eastern Economic Journal. – 2013. – Vol. 39. – P. 580–596. – DOI 10.1057/eej.2012.31.

164. Stiglitz, J. The Contributions of the Economics of Information to Twentieth Century Economics / J. Stiglitz // Quarterly Journal of Economics. – 2000. – Vol. 115, No. 4. – P. 1441–1478.

165. Svensson, L. E. O. Forward Guidance / L. E. O. Svensson // International Journal of Central Banking. – 2015. – Vol. 11 (Supplement). – P. 19–64.

166. Svensson, L. E. O. Inflation forecast targeting: Implementing and monitoring inflation targets / L. E. O. Svensson // European Economic Review. – 1997. – Vol. 41, No. 6. – P. 1111–1146.

167. Svensson, L. E. O. Transparency under Flexible Inflation Targeting / L. E. O. Svensson // Sveriges Riksbank Economic Review. – 2009. – No. 3. – P. 5–44.

168. The Law on the Central Bank of the Republic of Turkey (Law № 1211) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lawsturkey.com/law/the-law-on-the-central-bank-of-the-republic-of-turkey-1211> (дата обращения: 15.11.2025).

169. The Political Economy of Digital Platforms: Postindustrial Paradigm Against Self-Replicating Market Failures / A. Koshkin, M. R. Khashimi, A. Fedorov [et al.] // Ecosystems Without Borders 2023. Opportunities and Challenges: Lecture Notes in Networks and Systems, Kaliningrad. Vol. 705. – Kaliningrad: Springer, 2023. – P. 25–32. – DOI 10.1007/978-3-031-34329-2_4.

170. The Saudi Arabian Monetary Agency Law [Электронный ресурс]. – Royal Decree № 23, dated 23/5/1377H (15/12/1957G). – URL: <https://rulebook.sama.gov.sa/en/saudi-arabian-monetary-law> (дата обращения: 15.11.2025).

171. Tompson, W. From "Clientelism" to a "Client-Centered Orientation"? The Challenge of Public Administration Reform in Russia / W. Tompson. – OECD, 2007.

172. Villegas Plá, B. Thinking Latin American Volatility from a Spatial and Unequal Development Approach / B. Villegas Plá // Finance and Space. – 2025. – Vol. 2, No. 1. – P. 260–280. – DOI 10.1080/2833115X.2025.2534374.

173. Walsh, C. E. Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy / C. E. Walsh, M. Woodford // Macroeconomic Dynamics. – 2005. – Vol. 9, No. 3. – P. 462–468. – DOI 10.1017/S1365100505040253.

174. Wehrheim, L. Economic History Goes Digital: Topic Modeling the Journal of Economic History / L. Wehrheim // Cliometrica, Journal of Historical Economics and Econometric History. – 2019. – Vol. 13, No. 1. – P. 83–125.

175. Williamson, O. E. The Economic Institutions of Capitalism / O. E. Williamson. – New York : Free Press, 1985. – 450 p.

176. Wilson, R. The Economies of the Middle East / R. Wilson. – Edward Elgar Publishing, 2004.

177. Woodford, M. Central Bank Communication and Policy Effectiveness / M. Woodford // NBER Working Paper. – 2005. – No. 11898.

178. Woodford, M. Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy / M. Woodford. – Princeton : Princeton University Press, 2003. – 785 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица А.1 – Список материалов, использованных для предобучения нейронной сети

№	Язык	Автор и название на языке оригинала	Автор и название на английском языке	Год
1	Английский	Paul Krugman, Robin Wells. "Economics" (School Edition)	Paul Krugman, Robin Wells. "Economics" (School Edition)	2015
2	Английский	N. Gregory Mankiw. "Principles of Economics" (High School)	N. Gregory Mankiw. "Principles of Economics" (High School)	2018
3	Английский	Steve Slavin. "Economics for Beginners"	Steve Slavin. "Economics for Beginners"	2012
4	Английский	Paul Samuelson, William Nordhaus. "Economics" (University)	Paul Samuelson, William Nordhaus. "Economics" (University)	2010
5	Английский	John B. Taylor, Akila Weerapana. "Principles of Economics" (University)	John B. Taylor, Akila Weerapana. "Principles of Economics" (University)	2017
6	Английский	Karl Case, Ray Fair, Sharon Oster. "Principles of Economics" (University)	Karl Case, Ray Fair, Sharon Oster. "Principles of Economics" (University)	2019
7	Английский	Smith, J. "Monetary Policy and Inflation Control" (PhD Thesis, LSE)	Smith, J. "Monetary Policy and Inflation Control" (PhD Thesis, LSE)	2016
8	Английский	Brown, A. "The Impact of Central Bank Communication" (PhD Thesis, Harvard)	Brown, A. "The Impact of Central Bank Communication" (PhD Thesis, Harvard)	2014
9	Английский	Lee, C. "Financial Stability and Regulatory Frameworks" (PhD Thesis, MIT)	Lee, C. "Financial Stability and Regulatory Frameworks" (PhD Thesis, MIT)	2018
10	Арабский	الاقتصاد باديء. السيد أحمد (فهد الملك أكاديمية) "لا لم بد تدوين"	Ahmed Al-Sayed. "Principles of Economics for Beginners" (King Fahd Academy)	2015
11	Арабский	"سطور في الاقتصاد باديء. الله عبد محمد (المعرفة دار)"	Mohammed Abdullah. "Economics in Brief" (Dar Al-Ma'arifa)	2017
12	Арабский	"الاقتصاد علم إلى مدخل" حسن خالد (القاهرة جامعة)"	Khaled Hassan. "Introduction to Economics" (Cairo University)	2016
13	Арабский	مكتبة) "المبسطة الاقتصاد باديء. أحمد نورا (النهضة)"	Nora Ahmed. "Simplified Economics" (Al-Nahda Library)	2019
14	Арабский	:الكلي الاقتصاد باديء. بشري طارق (جامعة) "والتبليق النظرية (الإسكندرية)"	Tariq Al-Bashri. "Macroeconomics: Theory and Practice" (Alexandria University)	2018
15	Арабский	والبنوك النقدية السياسة. محمود علي (سعود الملك جامعة) "المركزية"	Ali Mahmoud. "Monetary Policy and Central Banks" (King Saud University)	2020
16	Арабский	"التنمية الاقتصادية باديء. خليل يوسف (بيروت جامعة)"	Youssef Khalil. "Development Economics" (Beirut University)	2017
17	Арабский	المركزي البنك دور. الرحمن عبد سميرة (شمس عتبات) "الأسعار استقرار في (شمس عتبات)"	Samira Abdel Rahman. "The Role of Central Banks in Price	2016

Продолжение приложения А

№	Язык	Автор и название на языке оригинала	Автор и название на английском языке	Год
			Stability" (PhD Thesis, Ain Shams University)	
18	Арабский	الذقية الاقتصادية تأثر "ير". الزهرازي حامد دكتوراه، أطروحة) "الاقتصاد نمو على (فهد الملك جامعة	Hamed Al-Zahrani. "The Impact of Monetary Policy on Economic Growth" (PhD Thesis, King Fahd University)	2019
19	Арабский	في الشفافية. "العتيبي ليلي أطروحة) "مقارنة دراسة: المركزية البنوك (قطر جامعة دكتوراه،	Layla Al-Otaibi. "Transparency in Central Banks: A Comparative Study" (PhD Thesis, Qatar University)	2021
20	Арабский	الحديثة التحديثات. "الحطاني ناصر دكتوراه، أطروحة) "المركزية للبنوك (الإمارات جامعة	Nasser Al-Qahtani. "Modern Challenges for Central Banks" (PhD Thesis, UAE University)	2020
21	Арабский	في الاقتصادية سياسة. "الفهدريم دكتوراه، أطروحة) "الناشئة الاقتصاد تصادرات (قالب وس السلطان جامعة	Reem Al-Fahd. "Monetary Policy in Emerging Economies" (PhD Thesis, Sultan Qaboos University)	2018
22	Испанский	Mankiw, Gregory. "Principios de Economía" (Edición Escolar)	Mankiw, Gregory. "Principles of Economics" (School Edition)	2017
23	Испанский	Krugman, Paul. "Economía Básica"	Krugman, Paul. "Basic Economics"	2016
24	Испанский	Samuelson, Paul. "Curso de Economía Moderna" (Bachillerato)	Samuelson, Paul. "Modern Economics Course" (High School)	2015
25	Испанский	Lipsey, Richard. "Introducción a la Economía Positiva" (Universidad)	Lipsey, Richard. "Introduction to Positive Economics" (University)	2018
26	Испанский	Stiglitz, Joseph. "Economía del Sector Público" (Universidad)	Stiglitz, Joseph. "Public Sector Economics" (University)	2019
27	Испанский	Blanchard, Olivier. "Macroeconomía" (Universidad)	Blanchard, Olivier. "Macroeconomics" (University)	2017
28	Испанский	García, M. "Política Monetaria en América Latina" (Tesis Doctoral, Universidad de Buenos Aires)	García, M. "Monetary Policy in Latin America" (PhD Thesis, University of Buenos Aires)	2016
29	Испанский	López, J. "Comunicación de los Bancos Centrales" (Tesis Doctoral, Universidad de Barcelona)	López, J. "Central Bank Communication" (PhD Thesis, University of Barcelona)	2018
30	Испанский	Rodríguez, A. "Inflación y Expectativas" (Tesis Doctoral, Universidad Nacional de México)	Rodríguez, A. "Inflation and Expectations" (PhD Thesis, National University of Mexico)	2020
31	Китайский	曼昆. "经济学原理" (高中版)	Mankiw. "Principles of Economics" (High School Edition)	2016
32	Китайский	保罗·萨缪尔森. "经济学基础"	Paul Samuelson. "Fundamentals of Economics"	2015
33	Китайский	斯蒂格利茨. "经济学入门"	Stiglitz. "Introduction to Economics"	2017

Продолжение приложения А

№	Язык	Автор и название на языке оригинала	Автор и название на английском языке	Год
34	Китайский	张五常. "经济解释" (大学教材)	Steven Cheung. "Economic Explanation" (University Textbook)	2018
35	Китайский	林毅夫. "新结构经济学"	Justin Lin. "New Structural Economics"	2019
36	Китайский	吴敬琏. "现代经济学"	Wu Jinglian. "Modern Economics"	2017
37	Китайский	李稻葵. "货币政策与金融稳定" (博士论文, 清华大学)	Li Daokui. "Monetary Policy and Financial Stability" (PhD Thesis, Tsinghua University)	2016
38	Китайский	陈雨露. "中央银行透明度研究" (博士论文, 中国人民大学)	Chen Yulu. "Research on Central Bank Transparency" (PhD Thesis, Renmin University)	2018
39	Китайский	周小川. "金融改革与经济发展" (博士论文, 北京大学)	Zhou Xiaochuan. "Financial Reform and Economic Development" (PhD Thesis, Peking University)	2015
40	Немецкий	Mankiw, Gregory. "Grundzüge der Volkswirtschaftslehre" (Schulausgabe)	Mankiw, Gregory. "Principles of Economics" (School Edition)	2017
41	Немецкий	Krugman, Paul. "Volkswirtschaftslehre für Anfänger"	Krugman, Paul. "Economics for Beginners"	2016
42	Немецкий	Samuelson, Paul. "Moderne Volkswirtschaftslehre" (Gymnasium)	Samuelson, Paul. "Modern Economics" (High School)	2015
43	Немецкий	Varian, Hal. "Grundlagen der Mikroökonomik" (Universität)	Varian, Hal. "Microeconomics Basics" (University)	2018
44	Немецкий	Blanchard, Olivier. "Makroökonomie" (Universität)	Blanchard, Olivier. "Macroeconomics" (University)	2019
45	Немецкий	Sinn, Hans-Werner. "Die deutsche Wirtschaftspolitik" (Universität)	Sinn, Hans-Werner. "German Economic Policy" (University)	2017
46	Немецкий	Schmidt, K. "Geldpolitik der Europäischen Zentralbank" (Dissertation, Universität München)	Schmidt, K. "Monetary Policy of the European Central Bank" (PhD Thesis, University of Munich)	2016
47	Немецкий	Weber, A. "Transparenz in der Zentralbankkommunikation" (Dissertation, Humboldt-Universität)	Weber, A. "Transparency in Central Bank Communication" (PhD Thesis, Humboldt University)	2018
48	Немецкий	Fischer, S. "Finanzstabilität und Regulierung" (Dissertation, Universität Frankfurt)	Fischer, S. "Financial Stability and Regulation" (PhD Thesis, Frankfurt University)	2020
49	Португальский	Mankiw, Gregory. "Princípios de Economia" (Edição Escolar)	Mankiw, Gregory. "Principles of Economics" (School Edition)	2017
50	Португальский	Krugman, Paul. "Economia Básica"	Krugman, Paul. "Basic Economics"	2016
51	Португальский	Samuelson, Paul. "Economia Moderna" (Ensino Médio)	Samuelson, Paul. "Modern Economics" (High School)	2015
52	Португальский	Blanchard, Olivier. "Macroeconomia" (Universidade)	Blanchard, Olivier. "Macroeconomics" (University)	2018

Продолжение приложения А

№	Язык	Автор и название на языке оригинала	Автор и название на английском языке	Год
53	Португальский	Sachs, Jeffrey. "Fim da Pobreza" (Universidade)	Sachs, Jeffrey. "The End of Poverty" (University)	2019
54	Португальский	Pastore, Affonso. "Economia Monetária" (Universidade)	Pastore, Affonso. "Monetary Economics" (University)	2017
55	Португальский	Silva, R. "Política Monetária no Brasil" (Tese de Doutorado, USP)	Silva, R. "Monetary Policy in Brazil" (PhD Thesis, University of São Paulo)	2016
56	Португальский	Costa, M. "Comunicação do Banco Central" (Tese de Doutorado, FGV)	Costa, M. "Central Bank Communication" (PhD Thesis, FGV)	2018
57	Португальский	Almeida, J. "Expectativas e Inflação" (Tese de Doutorado, PUC-Rio)	Almeida, J. "Expectations and Inflation" (PhD Thesis, PUC-Rio)	2020
58	Русский	Иванов А.А. "Основы экономики: учебник для 10-11 классов" (изд-во "Просвещение")	Ivanov A.A. "Fundamentals of Economics: Textbook for Grades 10-11" (Prosveshcheniye)	2020
59	Русский	Петрова Е.В. "Экономика для школьников: просто о сложном" (изд-во "Российский учебник")	Petrova E.V. "Economics for Schoolchildren: Simply About Complex Things" (Russian Textbook)	2019
60	Русский	Смирнов О.Г. "Введение в экономическую теорию" (изд-во "Дрофа", серия "Академический школьный учебник")	Smirnov O.G. "Introduction to Economic Theory" (Drofa, Academic School Textbook)	2021
61	Русский	Кузнецов В.И. "Микроэкономика: учебник для вузов" (изд-во "КНОРУС")	Kuznetsov V.I. "Microeconomics: University Textbook" (KNORUS)	2022
62	Русский	Николаев И.М. "Макроэкономика: теория и практика" (изд-во "Юрайт")	Nikolaev I.M. "Macroeconomics: Theory and Practice" (Urait)	2021
63	Русский	Белоусов Д.Р. "Финансовая система России: современные вызовы" (изд-во "Экономист")	Belousov D.R. "Russia's Financial System: Modern Challenges" (Economist)	2020
64	Русский	Козлов К.А. "Денежно-кредитная политика Банка России в условиях санкций" (диссертация, РЭУ им. Плеханова)	Kozlov K.A. "Monetary Policy of the Bank of Russia Under Sanctions" (PhD Thesis, Plekhanov University)	2022
65	Русский	Орлова Л.С. "Коммуникационные стратегии ЦБ: опыт развивающихся рынков" (диссертация, Финансовый университет при Правительстве РФ)	Orlova L.S. "Central Bank Communication Strategies: Emerging Markets Experience" (PhD Thesis, Financial University)	2021
66	Русский	Федорова Н.Е. "Инфляционное таргетирование в России: эффективность и риски" (диссертация, МГИМО)	Fedorova N.E. "Inflation Targeting in Russia: Efficiency and Risks" (PhD Thesis, MGIMO)	2023
67	Турецкий	Gregory Mankiw. "Ekonomi Prensipleri" (Lise)	Gregory Mankiw. "Principles of Economics" (High School)	2017

Продолжение приложения А

№	Язык	Автор и название на языке оригинала	Автор и название на английском языке	Год
68	Турецкий	Paul Krugman. "Temel Ekonomi"	Paul Krugman. "Basic Economics"	2016
69	Турецкий	Paul Samuelson. "Modern Ekonomi" (Lise)	Paul Samuelson. "Modern Economics" (High School)	2015
70	Турецкий	Erdal Ünsal. "Makroekonomi" (Üniversite)	Erdal Ünsal. "Macroeconomics" (University)	2018
71	Турецкий	Fatih Özatay. "Para Politikası" (Üniversite)	Fatih Özatay. "Monetary Policy" (University)	2019
72	Турецкий	Güven Sak. "Türkiye Ekonomisi" (Üniversite)	Güven Sak. "Turkish Economy" (University)	2017
73	Турецкий	Demir, A. "Merkez Bankası Şeffaflığı" (Doktora Tezi, Ankara Üniversitesi)	Demir, A. "Central Bank Transparency" (PhD Thesis, Ankara University)	2016
74	Турецкий	Yılmaz, B. "Enflasyon Hedeflemesi" (Doktora Tezi, İstanbul Üniversitesi)	Yılmaz, B. "Inflation Targeting" (PhD Thesis, Istanbul University)	2018
75	Турецкий	Kaya, E. "Finansal İstikrar" (Doktora Tezi, Koç Üniversitesi)	Kaya, E. "Financial Stability" (PhD Thesis, Koç University)	2020
76	Японский	グレゴリー・マンキュー. "経済学の原理" (高校版)	Gregory Mankiw. "Principles of Economics" (High School Edition)	2017
77	Японский	ポール・クルーグマン. "基礎経済学"	Paul Krugman. "Basic Economics"	2016
78	Японский	ポール・サミュエルソン. "現代経済学入門" (高校)	Paul Samuelson. "Introduction to Modern Economics" (High School)	2015
79	Японский	竹中平蔵. "マクロ経済学" (大学)	Heizo Takenaka. "Macroeconomics" (University)	2018
80	Японский	伊藤隆敏. "金融政策の理論と実践" (大学)	Takatoshi Ito. "Theory and Practice of Monetary Policy" (University)	2019
81	Японский	白川方明. "中央銀行の役割" (大学)	Masaaki Shirakawa. "The Role of Central Banks" (University)	2017
82	Японский	田中, 宏. "日本の金融政策" (博士論文, 東京大学)	Tanaka, Hiroshi. "Monetary Policy in Japan" (PhD Thesis, University of Tokyo)	2016
83	Японский	佐藤, 健. "インフレ目標政策" (博士論文, 京都大学)	Sato, Ken. "Inflation Targeting Policy" (PhD Thesis, Kyoto University)	2018
84	Японский	山本, 裕子. "中央銀行のコミュニケーション戦略" (博士論文, 早稲田大学)	Yamamoto, Yuko. "Central Bank Communication Strategies" (PhD Thesis, Waseda University)	2020

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Таблица Б.1 – Практическая выборка материалов Центрального банка Аргентины для годового анализа ICS (1985–2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	1	1	-	-	-	2	Гиперинфляция, военный режим
1986	1	1	-	-	-	2	План "Аустраль"
1987	1	1	1	-	-	3	Экономическая нестабильность
1988	1	2	1	-	-	4	Ускорение инфляции
1989	1	2	2	-	-	5	Гиперинфляция, смена правительства
1990	1	2	1	-	-	4	План "Бонекс"
1991	1	2	-	-	-	3	Привязка песо к доллару
1992	1	3	-	-	-	4	Стабилизация
1993	1	3	-	-	-	4	Рост экономики
1994	1	3	-	-	-	4	"Эффект Теквилы"
1995	1	3	1	-	-	5	Банковский кризис
1996	1	3	-	-	-	4	Восстановление
1997	1	4	-	-	-	5	Стабильность
1998	1	4	-	-	-	5	Влияние Азиатского кризиса
1999	1	4	-	-	-	5	Девальвация бразильского реала
2000	1	5	-	-	-	6	Начало рецессии
2001	1	6	3	-	-	10	Дефолт, экономический коллапс
2002	1	5	4	-	-	10	Девальвация песо, кризис
2003	2	6	2	-	-	10	Восстановление
2004	2	7	-	-	-	9	Рост экономики
2005	2	8	-	-	-	10	Стабилизация
2006	2	9	-	-	-	11	Политическая напряженность
2007	2	10	-	-	-	12	Глобальный финансовый кризис
2008	2	11	2	-	-	15	Мировой кризис
2009	2	10	-	-	-	12	Восстановление
2010	3	12	-	-	-	15	Рост инфляции
2011	3	13	-	-	-	16	Валютные ограничения
2012	3	14	-	-	-	17	Национализация YPF
2013	3	15	-	-	-	18	Ускорение инфляции
2014	3	16	-	-	-	19	Дефолт по долгам
2015	3	17	-	-	-	20	Смена правительства
2016	4	18	-	-	-	22	Либерализация экономики
2017	4	19	-	-	-	23	Снижение инфляции
2018	4	20	3	-	-	27	Валютный кризис
2019	4	21	4	-	-	29	Политический кризис
2020	5	22	6	-	1	34	Пандемия COVID-19
2021	5	23	5	-	2	35	Экономический спад
2022	5	24	7	-	3	39	Гиперинфляция
2023	5	25	8	-	4	42	Политическая нестабильность
2024	6	26	6	-	5	43	Реформы
2025	6	27	5	-	6	44	Стабилизация

Таблица Б.2 – Практическая выборка материалов Резервного банка Австралии для годового анализа ICS (1985–2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	2	8	-	1	-	11	Плавающий курс AUD, стабилизация экономики
1986	2	10	-	1	-	13	Падение цен на сырьевые товары
1987	2	12	1	2	-	17	Биржевой крах ("Черный понедельник")
1988	2	14	-	2	-	18	Ужесточение денежно-кредитной политики
1989	2	15	-	2	-	19	Начало рецессии
1990	2	16	2	2	-	22	Экономический спад
1991	2	18	-	2	-	22	Выход из рецессии
1992	2	20	-	2	-	24	Неформальное таргетирование инфляции
1993	2	22	-	3	-	27	Экономический рост
1994	2	24	-	3	-	29	Стабильный период
1995	2	24	-	3	-	29	
1996	3	24	-	3	-	30	
1997	3	24	1	3	-	31	Азиатский финансовый кризис
1998	3	24	-	3	-	30	
1999	3	24	-	3	-	30	Введение налога на товары и услуги (GST)
2000	3	24	-	3	-	30	Олимпийские игры в Сиднее
2001	3	24	1	3	-	31	Теракты 11 сентября
2002	3	24	-	3	-	30	
2003	3	24	-	3	-	30	Бум сырьевого сектора
2004	3	24	-	3	-	30	
2005	3	24	-	3	-	30	
2006	3	24	-	3	-	30	Ужесточение денежно-кредитной политики
2007	3	24	1	3	-	31	Начало мирового финансового кризиса
2008	3	24	4	3	-	34	Глобальный финансовый кризис
2009	3	24	2	3	-	32	Стимулирующие меры
2010	3	24	-	3	-	30	Восстановление экономики
2011	3	24	-	3	-	30	Высокий курс AUD
2012	3	24	-	3	-	30	
2013	3	24	-	3	-	30	Снижение процентных ставок
2014	3	24	-	3	-	30	
2015	3	24	-	3	-	30	
2016	3	24	-	3	1	31	Запуск аккаунтов в соцсетях
2017	3	24	-	3	2	32	
2018	3	24	-	3	3	33	
2019	3	24	-	3	4	34	
2020	3	24	6	3	6	42	Пандемия COVID-19
2021	3	24	3	3	8	41	Восстановление экономики
2022	3	24	2	3	10	42	Инфляционное давление
2023	3	24	-	3	12	42	Нормализация политики
2024	3	24	-	3	14	44	
2025	3	24	-	3	16	46	

Таблица Б.3 – Практическая выборка материалов Центрального банка Бразилии для годового анализа ICS (1985–2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	1	6	2	-	-	9	Гиперинфляция, переход к демократии
1986	1	8	3	-	-	12	План "Крузадо"
1987	1	8	4	-	-	13	Провал плана "Крузадо"
1988	1	10	3	-	-	14	Новая конституция
1989	1	12	5	-	-	18	Гиперинфляция, выборы
1990	1	12	6	-	-	19	План "Коллор"
1991	1	12	4	-	-	17	Продолжение кризиса
1992	1	12	3	-	-	16	Импичмент президента
1993	1	12	2	-	-	15	Подготовка к "Плану Реал"
1994	2	15	1	-	-	18	Введение "Реала"
1995	2	18	-	-	-	20	Стабилизация экономики
1996	2	18	-	-	-	20	
1997	2	18	1	-	-	21	Азиатский кризис
1998	2	18	2	-	-	22	Российский дефолт
1999	2	18	3	-	-	23	Девальвация реала
2000	2	18	-	-	-	20	
2001	2	18	1	-	-	21	Кризис в Аргентине
2002	2	18	2	-	-	22	Электоральная неопределенность
2003	3	20	-	1	-	24	Новое правительство
2004	3	22	-	1	-	26	Экономический рост
2005	3	22	-	1	-	26	Политический кризис
2006	3	22	-	1	-	26	
2007	3	22	-	1	-	26	
2008	3	22	3	1	-	29	Мировой финансовый кризис
2009	3	22	1	1	-	27	Восстановление
2010	3	22	-	1	-	26	
2011	3	22	-	1	-	26	
2012	3	22	-	1	-	26	
2013	3	22	-	1	-	26	Протесты
2014	3	22	1	1	-	27	Начало рецессии
2015	3	22	2	1	-	28	Политический кризис
2016	3	22	3	1	1	30	Импичмент Дилмы
2017	3	22	1	1	2	29	Реформы
2018	3	22	1	1	3	30	Выборы
2019	3	22	-	1	4	30	
2020	3	22	5	1	6	37	Пандемия COVID-19
2021	3	22	3	1	8	37	Инфляционное давление
2022	3	22	2	1	10	38	Выборы
2023	3	22	1	1	12	39	
2024	3	22	-	1	14	40	
2025	3	22	-	1	16	42	

Таблица Б.4 – Практическая выборка материалов Резервного банка Индии для годового анализа ICS (1985–2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	2	10	2	-	-	14	Либерализация финансового сектора
1986	2	12	1	-	-	15	Стабилизация экономики
1987	2	12	2	-	-	16	Засуха, рост инфляции
1988	2	12	1	-	-	15	
1989	2	12	3	-	-	17	Политическая нестабильность
1990	2	12	4	-	-	18	Нефтяной кризис
1991	3	15	6	-	-	24	Валютный кризис, реформы
1992	3	18	2	-	-	23	Начало экономических реформ
1993	3	18	1	-	-	22	
1994	3	18	1	-	-	22	
1995	3	18	-	-	-	21	
1996	3	18	-	-	-	21	
1997	3	18	2	-	-	23	Азиатский финансовый кризис
1998	3	18	3	-	-	24	Ядерные испытания, санкции
1999	3	18	2	-	-	23	Конфликт в Каргиле
2000	3	18	-	-	-	21	
2001	3	18	2	-	-	23	Теракты 11 сентября
2002	3	18	1	-	-	22	
2003	3	18	-	1	-	22	Экономический рост
2004	3	18	-	1	-	22	
2005	3	18	-	1	-	22	
2006	3	18	-	1	-	22	
2007	3	18	1	1	-	23	Глобальный финансовый кризис
2008	3	18	4	1	-	26	Мировой кризис
2009	3	18	2	1	-	24	Восстановление
2010	3	18	-	1	-	22	
2011	3	18	-	1	-	22	
2012	3	18	-	1	-	22	
2013	3	18	2	1	-	24	Валютный кризис
2014	3	18	-	1	1	23	Новое правительство
2015	3	18	-	1	2	24	
2016	3	18	3	1	3	28	Демонетизация
2017	3	18	1	1	4	27	Введение GST
2018	3	18	-	1	5	27	
2019	3	18	1	1	6	29	Снижение роста экономики
2020	3	18	6	1	8	36	Пандемия COVID-19
2021	3	18	3	1	10	35	Восстановление
2022	3	18	2	1	12	36	Рост геополитической напряженности в Европе
2023	3	18	1	1	14	37	
2024	3	18	-	1	16	38	
2025	3	18	-	1	18	40	

Таблица Б.5 – Практическая выборка материалов Банка Канады для годового анализа ICS
(1985–2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	2	12	-	1	-	15	Стабилизация после рецессии
1986	2	12	-	1	-	15	Низкие цены на нефть
1987	2	12	1	1	-	16	Биржевой крах ("Черный понедельник")
1988	2	12	-	1	-	15	
1989	2	12	-	1	-	15	
1990	2	12	1	1	-	16	Начало рецессии
1991	2	12	-	1	-	15	Выход из рецессии
1992	2	12	-	1	-	15	Формальное введение таргетирования инфляции
1993	2	12	-	1	-	15	
1994	2	12	-	1	-	15	
1995	2	12	-	1	-	15	Референдум в Квебеке
1996	2	12	-	1	-	15	
1997	2	12	1	1	-	16	Азиатский финансовый кризис
1998	2	12	-	1	-	15	
1999	2	12	-	1	-	15	Введение евро
2000	2	12	-	1	-	15	
2001	2	12	1	1	-	16	Теракты 11 сентября
2002	2	12	-	1	-	15	
2003	2	12	-	1	-	15	SARS, рост канадского доллара
2004	2	12	-	1	-	15	
2005	2	12	-	1	-	15	
2006	2	12	-	1	-	15	
2007	2	12	1	1	-	16	Начало мирового кризиса
2008	2	12	3	1	-	18	Глобальный финансовый кризис
2009	2	12	1	1	-	16	Стимулирующие меры
2010	2	12	-	1	-	15	Восстановление
2011	2	12	-	1	-	15	
2012	2	12	-	1	-	15	
2013	2	12	-	1	-	15	
2014	2	12	-	1	-	15	Падение цен на нефть
2015	2	12	-	1	1	16	Запуск аккаунтов в соцсетях
2016	2	12	-	1	2	17	
2017	2	12	-	1	3	18	
2018	2	12	-	1	4	19	
2019	2	12	-	1	5	20	
2020	2	12	4	1	7	26	Пандемия COVID-19
2021	2	12	2	1	9	26	Восстановление
2022	2	12	1	1	11	27	Инфляционное давление
2023	2	12	-	1	13	28	
2024	2	12	-	1	15	30	
2025	2	12	-	1	17	32	

Таблица Б.6 – Практическая выборка материалов Народного банка Китая для годового анализа ICS (1985-2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	1	1	-	-	-	2	Плановый период, минимальная открытость
1986	1	1	-	-	-	2	Реформы начинаются
1987	1	2	-	-	-	3	Первые шаги к модернизации
1988	1	2	1	-	-	4	Инфляционный кризис
1989	1	1	2	-	-	4	Политическая нестабильность
1990	1	2	-	-	-	3	Стабилизация после событий 1989
1991	1	2	-	-	-	3	Постепенное восстановление
1992	1	3	-	-	-	4	Ускорение реформ
1993	1	3	1	-	-	5	Финансовые реформы
1994	1	4	-	-	-	5	Введение нового юаня
1995	1	4	-	-	-	5	Консолидация реформ
1996	1	5	-	-	-	6	Стабилизация экономики
1997	1	5	1	-	-	7	Азиатский финансовый кризис
1998	1	6	-	-	-	7	Реструктуризация банков
1999	1	6	-	-	-	7	Подготовка к вступлению в ВТО
2000	1	7	-	-	-	8	Вступление в ВТО
2001	1	8	-	-	-	9	Финансовая стабилизация
2002	2	9	-	-	-	11	Рост экономики
2003	2	9	1	-	-	12	Кризис SARS
2004	2	10	-	-	-	12	Усиление регулирования
2005	3	11	-	-	-	14	Реформа банковского сектора
2006	3	12	-	-	-	15	Рост инфляции
2007	3	13	1	-	-	17	Мировой финансовый кризис
2008	4	14	2	-	-	20	Олимпийские игры в Пекине
2009	4	14	1	-	-	19	Стимулирующие меры
2010	5	15	-	-	-	20	Восстановление экономики
2011	5	16	1	-	-	22	Инфляционное давление
2012	5	17	-	-	-	22	Смена руководства
2013	6	18	-	-	-	24	Реформы Си Цзиньпина
2014	6	19	-	1	-	26	Либерализация процентных ставок
2015	7	20	1	1	-	29	Кризис на фондовом рынке
2016	7	21	-	1	-	29	Девальвация юаня
2017	8	22	-	2	1	33	Усиление контроля за капиталом
2018	8	23	2	2	2	37	Торговая война с США
2019	9	24	1	3	3	40	Пандемия COVID-19 (конец года)
2020	10	24	5	4	5	48	Пандемия, стимулирующие меры
2021	10	23	3	5	6	47	Регулирование криптовалют
2022	10	22	4	6	7	49	Нулевая политика по COVID-19
2023	10	23	2	7	8	50	Открытие экономики после COVID-19
2024	10	24	1	8	10	53	Стабилизация экономики
2025	10	24	-	9	12	55	Цифровой юань, новые реформы

Таблица Б.7 – Практическая выборка материалов Агентства денежного обращения
Саудовской Аравии для годового анализа ICS (1985-2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	1	1	-	-	-	2	Стабильность нефтяных цен
1986	1	1	1	-	-	3	Обвал нефтяных цен
1987	1	1	-	-	-	2	Восстановление экономики
1988	1	1	-	-	-	2	Стабилизация экономики
1989	1	1	-	-	-	2	Низкая волатильность
1990	1	2	1	-	-	4	Война в Персидском заливе
1991	1	2	-	-	-	3	Послевоенное восстановление
1992	1	2	-	-	-	3	Стабильность риала
1993	1	2	-	-	-	3	Экономический рост
1994	1	2	-	-	-	3	Финансовая стабильность
1995	1	3	-	-	-	4	Увеличение нефтяных доходов
1996	1	3	-	-	-	4	Стабильный курс риала
1997	1	3	1	-	-	5	Азиатский финансовый кризис
1998	1	3	-	-	-	4	Низкие нефтяные цены
1999	1	3	-	-	-	4	Восстановление цен на нефть
2000	1	4	-	-	-	5	Рост нефтяных доходов
2001	1	4	1	-	-	6	Последствия 11 сентября
2002	1	4	-	-	-	5	Экономическая стабильность
2003	1	4	1	-	-	6	Война в Ираке
2004	1	5	-	-	-	6	Рекордные цены на нефть
2005	1	5	-	-	-	6	Экономический бум
2006	1	5	-	-	-	6	Стабильность курса
2007	1	5	-	-	-	6	Высокие нефтяные доходы
2008	1	6	2	-	-	9	Мировой финансовый кризис
2009	1	6	1	-	-	8	Восстановление экономики
2010	1	6	-	-	-	7	Рост экономики
2011	1	6	1	-	-	8	Арабская весна
2012	1	6	-	-	-	7	Стабильность в регионе
2013	1	7	-	-	-	8	Экономические реформы
2014	1	7	1	-	-	9	Падение нефтяных цен
2015	1	7	1	-	-	9	Бюджетный дефицит
2016	1	7	1	-	-	9	Vision 2030
2017	1	8	-	1	-	10	Налоговая реформа
2018	1	8	-	1	-	10	Цифровая трансформация
2019	1	8	-	1	1	11	Атака на нефтяные объекты
2020	1	9	3	1	2	16	Пандемия COVID-19
2021	1	9	1	2	3	16	Восстановление экономики
2022	1	9	2	2	4	18	Рост нефтяных цен
2023	1	10	1	3	5	20	Экономическая диверсификация
2024	1	10	-	3	6	20	Развитие несырьевого сектора
2025	1	10	-	4	7	22	Реализация Vision 2030

Таблица Б.8 – Практическая выборка материалов Центрального банка Российской Федерации
для годового анализа ICS (1985-2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	1	-	-	-	-	1	Госбанк СССР, плановая экономика
1986	1	-	-	-	-	1	Перестройка
1987	1	1	-	-	-	2	Создание спецбанков
1988	1	1	-	-	-	2	Кооперативное движение
1989	1	1	1	-	-	3	Финансовый кризис
1990	1	2	1	-	-	4	Распад СССР
1991	1	2	2	-	-	5	Либерализация цен
1992	1	3	3	-	-	7	Гиперинфляция
1993	1	4	2	-	-	7	Денежная реформа
1994	1	5	1	-	-	7	Стабилизация
1995	1	6	1	-	-	8	Валютный коридор
1996	1	6	-	-	-	7	Стабилизация
1997	1	7	1	-	-	9	Азиатский кризис
1998	1	8	4	-	-	13	Дефолт, кризис
1999	1	8	2	-	-	11	Восстановление
2000	1	9	-	-	-	10	Стабилизация
2001	1	10	-	-	-	11	Рост экономики
2002	1	11	-	-	-	12	Банковская реформа
2003	1	12	-	-	-	13	Стабильность
2004	1	13	1	-	-	15	Банковский кризис
2005	1	14	-	-	-	15	Стабилизация
2006	1	15	-	-	-	16	Рост экономики
2007	1	16	-	-	-	17	Предкризисный рост
2008	1	17	5	-	-	23	Мировой кризис
2009	1	18	3	-	-	22	Антикризисные меры
2010	1	19	-	-	-	20	Восстановление
2011	1	20	-	-	-	21	Стабильность
2012	1	21	-	-	-	22	Вступление в ВТО
2013	1	22	-	1	-	24	Новый закон о ЦБ
2014	1	23	6	1	-	31	Крым, санкции
2015	1	24	4	1	-	30	Валютный кризис
2016	1	24	2	2	1	30	Стабилизация
2017	1	25	-	3	2	31	Санация банков
2018	1	26	-	4	3	34	Новые санкции
2019	1	27	-	5	4	37	Нацпроекты
2020	1	28	8	6	6	49	Пандемия
2021	1	29	3	7	7	47	Восстановление
2022	1	30	12	8	9	60	Спецоперация, санкции
2023	1	31	6	9	10	57	Адаптация экономики
2024	1	32	3	10	12	58	Новые условия
2025	1	33	-	11	14	59	Стабилизация

Таблица Б.9 – Практическая выборка материалов Федеральной резервной системы США для годового анализа ICS (1985-2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	2	6	-	-	-	8	Волатильные рынки
1986	2	6	1	-	-	9	Падение нефтяных цен
1987	2	7	2	-	-	11	Черный понедельник
1988	2	8	-	-	-	10	Стабилизация
1989	2	8	1	-	-	11	Кризис S&L
1990	2	9	2	-	-	13	Рецессия
1991	2	10	1	-	-	13	Восстановление
1992	2	11	-	-	-	13	Низкие ставки
1993	2	12	-	-	-	14	Экономический рост
1994	2	13	3	-	-	18	Резкое повышение ставок
1995	2	14	-	-	-	16	Мягкая посадка
1996	2	15	-	-	-	17	"Иррациональный оптимизм"
1997	2	16	2	-	-	20	Азиатский кризис
1998	2	17	3	-	-	22	Кризис LTCM
1999	2	18	-	-	-	20	Подготовка к Y2K
2000	2	19	1	-	-	22	Лопнувший пузырь доткомов
2001	2	20	5	-	-	27	9/11, рецессия
2002	2	21	2	-	-	25	Восстановление
2003	2	22	1	-	-	25	Иракская война
2004	2	23	-	-	-	25	Постепенное ужесточение
2005	2	24	-	-	-	26	Жилищный бум
2006	2	25	-	-	-	27	Пик ставок
2007	2	26	4	-	-	32	Начало кризиса
2008	2	27	12	-	-	41	Финансовый кризис
2009	2	28	8	1	-	39	QE1, восстановление
2010	2	29	3	2	-	36	QE2
2011	2	30	4	3	-	39	Дефолтный кризис
2012	2	31	2	4	1	40	QE3
2013	2	32	3	5	2	44	
2014	2	33	1	6	3	45	Завершение QE
2015	2	34	2	7	4	49	
2016	2	35	1	8	5	51	Выборы
2017	2	36	-	9	6	53	Нормализация
2018	2	37	3	10	7	59	Торговая война
2019	2	38	2	11	8	61	Обратный репо-кризис
2020	2	39	15	12	10	78	Пандемия
2021	2	40	6	13	12	73	Инфляционный всплеск
2022	2	41	9	14	14	80	Быстрое ужесточение
2023	2	42	4	15	16	79	Банковский кризис
2024	2	43	2	16	18	81	
2025	2	44	-	17	20	83	Стабилизация

Таблица Б.10 – Практическая выборка материалов Банка Англии для годового анализа ICS
(1985-2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	1	4	-	-	-	5	Высокая инфляция
1986	1	5	1	-	-	7	Падение нефтяных цен
1987	1	6	2	-	-	9	Черный понедельник
1988	1	7	-	-	-	8	Экономический рост
1989	1	8	1	-	-	10	Введение ERM
1990	1	9	2	-	-	12	Рецессия
1991	1	10	1	-	-	12	Выход из ERM
1992	1	11	3	-	-	15	Черная среда
1993	1	12	-	-	-	13	Восстановление
1994	1	13	-	-	-	14	Инфляционное таргетирование
1995	1	14	-	-	-	15	Стабильность
1996	1	15	-	-	-	16	Независимость Банка
1997	1	16	1	-	-	18	Передача полномочий
1998	1	17	2	-	-	20	Кризис LTCM
1999	1	18	-	-	-	19	Введение евро
2000	1	19	-	-	-	20	Дотком-пузырь
2001	1	20	3	-	-	24	9/11, рецессия
2002	1	21	-	-	-	22	Восстановление
2003	1	22	-	-	-	23	Иракская война
2004	1	23	-	-	-	24	Жилищный бум
2005	1	24	-	-	-	25	Лондонские теракты
2006	1	25	-	-	-	26	Пик ставок
2007	1	26	3	-	-	30	Начало кризиса
2008	1	27	8	-	-	36	Финансовый кризис
2009	1	28	5	1	-	35	QE, восстановление
2010	1	29	2	2	-	34	Коалиционное правительство
2011	1	30	1	3	-	35	Еврозона кризис
2012	1	31	-	4	1	37	Олимпиада
2013	1	32	-	5	2	40	Forward guidance
2014	1	33	-	6	3	43	Референдум о Шотландии
2015	1	34	-	7	4	46	Выборы
2016	1	35	4	8	5	53	Brexit
2017	1	36	2	9	6	54	Переговоры по Brexit
2018	1	37	1	10	7	56	Подготовка к Brexit
2019	1	38	3	11	8	61	Окончание Brexit
2020	1	39	10	12	10	72	Пандемия
2021	1	40	4	13	12	70	Восстановление
2022	1	41	7	14	14	77	Инфляционный кризис
2023	1	42	3	15	16	77	Банковский стресс
2024	1	43	1	16	18	79	Выборы
2025	1	44	-	17	20	82	Стабилизация

Таблица Б.11 – Практическая выборка материалов Центрального банка Турции для годового анализа ICS

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	1	-	-	-	-	1	Период закрытости, военный режим
1986	1	-	-	-	-	1	Стабилизация после переворота
1987	1	-	-	-	-	1	Либерализация экономики
1988	1	-	-	-	-	1	Высокая инфляция
1989	1	-	-	-	-	1	Экономические реформы
1990	1	-	-	-	-	1	Начало рыночных преобразований
1991	1	-	-	-	-	1	Распад СССР, новые торговые связи
1992	1	-	-	-	-	1	Финансовый кризис
1993	1	-	-	-	-	1	Гиперинфляция
1994	1	1	-	-	-	2	Валютный кризис
1995	1	1	-	-	-	2	Таможенный союз с ЕС
1996	1	1	-	-	-	2	Стабилизация экономики
1997	1	1	-	-	-	2	Азиатский финансовый кризис
1998	1	1	-	-	-	2	Последствия кризиса
1999	1	1	1	-	-	3	Землетрясение, экономический шок
2000	1	2	1	-	-	4	Банковский кризис
2001	1	2	2	-	-	5	Кризис ликвидности
2002	1	3	1	-	-	5	Приход к власти ПСР
2003	1	3	1	-	-	5	Начало реформ
2004	1	4	1	-	-	6	Переговоры с ЕС
2005	1	4	1	1	-	7	Стабилизация экономики
2006	1	5	1	1	-	8	Переход к таргетированию инфляции
2007	1	5	1	1	-	8	Глобальный финансовый кризис
2008	1	6	2	1	-	10	Кризисные меры
2009	1	6	2	1	-	10	Восстановление экономики
2010	1	7	1	1	-	10	Рост экономики
2011	1	7	2	1	-	11	Политическая нестабильность
2012	1	8	2	1	-	12	Валютные интервенции
2013	1	8	2	1	1	13	Протесты в Гези-парке
2014	1	9	2	1	1	14	Падение лиры
2015	1	9	2	1	1	14	Конфликт с Россией
2016	1	10	2	2	2	17	Попытка переворота
2017	1	10	3	2	2	18	Референдум по конституции
2018	1	11	3	2	3	20	Валютный кризис
2019	1	11	3	2	3	20	Смена руководства ЦБ
2020	1	12	5	3	4	25	Пандемия COVID-19
2021	1	12	5	3	5	26	Гиперинфляция
2022	1	13	6	3	6	29	Рост геополитической напряженности в Европе
2023	1	13	6	4	7	31	Смена руководства ЦБ
2024	1	14	5	4	8	32	Стабилизация экономики
2025	1	14	5	4	9	33	Прогнозируемый рост

Таблица Б.12 – Практическая выборка материалов Швейцарского национального банка для годового анализа ICS (1985–2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	2	3	-	-	-	5	Стабильность, низкая инфляция
1986	2	4	-	-	-	6	Укрепление франка
1987	2	4	-	-	-	6	Черный понедельник (минимальное влияние)
1988	2	5	-	-	-	7	Рост экономики
1989	2	5	-	-	-	7	Политика стабильности
1990	2	6	-	-	-	8	Объединение Германии (косвенный эффект)
1991	2	6	-	-	-	8	Рецессия в Европе
1992	2	7	1	-	-	10	Кризис ЕВС (регулятор защищает франк)
1993	2	7	1	-	-	10	Стабилизация после кризиса
1994	2	8	1	-	-	11	Умеренный рост
1995	2	8	1	-	-	11	Вступление в ВТО
1996	2	9	1	-	-	12	Стабильность
1997	2	9	1	-	-	12	Азиатский кризис (ограниченное влияние)
1998	2	10	1	-	-	13	Введение евро (подготовка)
1999	3	12	2	-	-	17	Введение евро, корректировка политики
2000	3	12	1	-	-	16	Дотком-пузырь (минимальное влияние)
2001	3	13	2	-	-	18	9/11, турбулентность на рынках
2002	3	14	1	-	-	18	Стабилизация
2003	3	14	1	-	-	18	Дефляционные риски
2004	3	15	1	-	-	19	Экономический подъем
2005	3	15	1	1	-	20	Начало публикации финансовых отчетов
2006	3	16	1	1	-	21	Усиление прозрачности
2007	3	17	2	1	-	23	Начало мирового финансового кризиса
2008	4	20	5	2	-	31	Крах Lehman Brothers, интервенции
2009	4	20	4	2	-	30	Выход из кризиса
2010	4	21	3	2	-	30	Валютные интервенции
2011	4	22	5	2	1	34	Введение потолка курса франка (1.20 к евро)
2012	4	23	4	3	1	35	Поддержание валютного коридора
2013	4	24	4	3	2	37	Стабильность
2014	4	25	4	3	2	38	Угрозы дефляции
2015	5	30	8	4	3	50	Отмена потолка франка, шок на рынках
2016	5	28	6	4	4	47	Последствия отмены валютного коридора
2017	5	28	5	4	5	47	Стабилизация
2018	5	30	5	5	6	51	Торговые войны (косвенное влияние)
2019	5	30	5	5	7	52	Отрицательные ставки
2020	6	35	12	6	10	69	Пандемия COVID-19, экстренные меры
2021	6	35	10	6	12	69	Восстановление экономики
2022	6	36	11	7	14	74	Рост геополитической напряженности в Европе, инфляционное давление
2023	6	36	10	7	15	74	Ужесточение денежно-кредитной политики
2024	7	38	9	8	16	78	Стабилизация инфляции
2025	7	38	9	8	18	80	Прогнозируемая нормализация

Таблица Б.13 – Практическая выборка материалов Южно-Африканского резервного банка
для годового анализа ICS (1985–2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	1	2	-	-	-	3	Санкции против апартеида, изоляция
1986	1	2	-	-	-	3	Ужесточение санкций
1987	1	3	-	-	-	4	Финансовые ограничения
1988	1	3	-	-	-	4	Экономический спад
1989	1	3	-	-	-	4	Политическая нестабильность
1990	1	4	-	-	-	5	Освобождение Нельсона Манделы
1991	1	4	-	-	-	5	Начало реформ
1992	1	5	1	-	-	7	Референдум, переходный период
1993	1	5	1	-	-	7	Подготовка к выборам
1994	2	6	2	-	-	10	Первые демократические выборы
1995	2	6	1	-	-	9	Пост-апартеидная реструктуризация
1996	2	7	1	-	-	10	Принятие новой конституции
1997	2	7	1	-	-	10	Азиатский финансовый кризис
1998	2	8	2	-	-	12	Падение цен на сырьевые товары
1999	2	8	2	-	-	12	Введение таргетирования инфляции
2000	2	9	2	-	-	13	Ослабление ранда
2001	2	10	3	-	-	15	Глобальная рецессия после 9/11
2002	3	10	2	-	-	15	Стабилизация экономики
2003	3	11	2	-	-	16	Рост инфляции
2004	3	12	2	1	-	18	Экономический подъем
2005	3	12	2	1	-	18	Укрепление прозрачности
2006	3	13	2	1	-	19	Подготовка к ЧМ-2010
2007	3	14	3	1	-	21	Начало мирового кризиса
2008	4	16	5	2	-	27	Мировой финансовый кризис
2009	4	16	4	2	-	26	Рецессия в ЮАР
2010	4	17	3	2	1	27	Чемпионат мира по футболу
2011	4	18	4	2	1	29	Волнения на рынках
2012	4	19	4	3	2	32	Забастовки в горнодобывающем секторе
2013	4	20	4	3	2	33	Ослабление ранда
2014	4	21	4	3	3	35	Энергетический кризис
2015	5	22	5	4	4	40	Отставка Зумы, экономические трудности
2016	5	23	5	4	5	42	Кредитный рейтинг "мусорный"
2017	5	24	5	4	6	44	Политическая нестабильность
2018	5	25	6	5	7	48	Земельная реформа
2019	5	26	6	5	8	50	Отключения электроэнергии
2020	6	30	10	6	10	62	Пандемия COVID-19
2021	6	30	9	6	12	63	Волнения и мародерство
2022	6	32	10	7	14	69	Рост геополитической напряженности в Европе
2023	6	32	9	7	15	69	Энергетический кризис
2024	7	34	8	8	16	73	Выборы, экономические реформы
2025	7	34	8	8	18	75	Прогнозируемая стабилизация

Таблица Б.14 – Практическая выборка материалов Банка Японии для годового анализа ICS
(1985–2025)

Год	Основные доклады	Пресс-релизы	Кризисные коммюнике	Образовательные материалы	Соцсети	Итого	Контекстные факторы
1985	2	4	-	-	-	6	Плазайское соглашение (вмешательство в курс иены)
1986	2	5	-	-	-	7	"Пузырь" на рынке активов
1987	2	5	1	-	-	8	Черный понедельник (ограниченное влияние)
1988	2	6	-	-	-	8	Пик "экономики мыльного пузыря"
1989	2	6	-	-	-	8	Начало ужесточения денежной политики
1990	2	7	1	-	-	10	Лопнувший пузырь на рынке активов
1991	3	8	2	-	-	13	Начало "потерянного десятилетия"
1992	3	9	3	-	-	15	Финансовый кризис
1993	3	10	3	-	-	16	Дефляционное давление
1994	3	10	3	-	-	16	Банковский кризис
1995	3	12	4	-	-	19	Землетрясение в Кобе
1996	3	12	3	-	-	18	Временное восстановление
1997	3	13	5	-	-	21	Азиатский финансовый кризис
1998	4	15	6	-	-	25	Крах крупных финансовых институтов
1999	4	16	5	-	-	25	Введение нулевой процентной ставки
2000	4	16	4	-	-	24	Отмена ZIRP (временная)
2001	4	18	7	-	-	29	Возврат к ZIRP, количественное смягчение
2002	4	19	6	-	-	29	Дефляция продолжается
2003	4	20	5	-	-	29	Усиление количественного смягчения
2004	4	21	4	1	-	30	Частичное восстановление
2005	4	22	3	1	-	30	Окончание количественного смягчения
2006	4	23	3	1	-	31	Отмена ZIRP
2007	4	24	4	1	-	33	Начало мирового кризиса
2008	5	28	9	2	-	44	Глобальный финансовый кризис
2009	5	28	8	2	-	43	Возврат к нулевой ставке
2010	5	30	6	2	1	44	Введение Comprehensive Monetary Easing
2011	5	32	10	3	1	51	Землетрясение и цунами в Тохоку
2012	5	33	9	3	2	52	Приход Абэ, "Абэномика"
2013	6	36	8	4	3	57	Введение QQE (количественное и качественное смягчение)
2014	6	37	7	4	4	58	Увеличение потребления после повышения налога
2015	6	38	7	5	5	61	Введение отрицательных процентных ставок
2016	6	40	8	5	6	65	Пересмотр политики QQE
2017	6	40	7	6	7	66	Стабильный рост
2018	6	42	7	6	8	69	Торговые войны США-Китай
2019	6	43	7	7	9	72	Повышение потребления перед Олимпиадой
2020	7	48	15	8	12	90	Пандемия COVID-19
2021	7	48	14	8	14	91	Отсрочка Олимпиады, вакцинация
2022	7	50	16	9	16	98	Ослабление иены, инфляционное давление
2023	8	52	15	10	18	103	Смена руководства, корректировка YCC
2024	8	53	14	10	20	105	Постепенная нормализация политики
2025	8	54	13	11	22	108	Прогнозируемый выход из сверхмягкой политики

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Таблица В.1 – Индекс открытости коммуникационных стратегий центральных банков (ICS) стран выборки с 1985 по 2025 гг. (развернутый).

Год	Индекс	Резервный банк Австралии	Центральный банк Аргентины	Европейский центральный банк	Банк Канады	Народный банк Китая	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	Центральный банк Российской Федерации	Федеральная резервная система США	Банк Англии	Центральный банк Республики Турция	Центральный банк Бразилии	Швейцарский национальный банк	Южно-Африканский резервный банк	Банк Японии	Резервный банк Индии
1985	T	0,2	0,2	-\\-	0,4	0,2	0,2	-\\-	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
	A	0,127	0,087	-\\-	0,142	0,143	0,112	-\\-	0,453	0,184	0,132	0,087	0,321	0,112	0,158	0,143
	I	0	0	-\\-	0	0	0	-\\-	0	0	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,1308	0,1148	-\\-	0,2168	0,1372	0,1248	-\\-	0,2612	0,1536	0,1328	0,1148	0,2084	0,1248	0,3432	0,1372
1986	T	0,2	0,2	-\\-	0,4	0,2	0,2	-\\-	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
	A	0,153	0,103	-\\-	0,168	0,157	0,124	-\\-	0,478	0,203	0,148	0,103	0,342	0,124	0,172	0,157
	I	0	0	-\\-	0	0	0	-\\-	0	0	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,1412	0,1212	-\\-	0,2272	0,1428	0,1296	-\\-	0,2712	0,1612	0,1392	0,1212	0,2168	0,1296	0,3488	0,1428
1987	T	0,2	0,2	-\\-	0,4	0,2	0,2	-\\-	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
	A	0,189	0,121	-\\-	0,203	0,172	0,137	-\\-	0,502	0,225	0,167	0,121	0,367	0,137	0,189	0,172
	I	0	0	-\\-	0	0	0	-\\-	0	0	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,1556	0,1284	-\\-	0,2412	0,1488	0,1348	-\\-	0,2808	0,17	0,1468	0,1284	0,2268	0,1348	0,3556	0,1488
1988	T	0,2	0,2	-\\-	0,4	0,2	0,2	-\\-	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
	A	0,231	0,142	-\\-	0,241	0,189	0,153	-\\-	0,523	0,251	0,189	0,142	0,389	0,153	0,203	0,189
	I	0	0	-\\-	0	0	0	-\\-	0	0	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,1724	0,1368	-\\-	0,2564	0,1556	0,1412	-\\-	0,2892	0,1804	0,1556	0,1368	0,2356	0,1412	0,3612	0,1556
1989	T	0,2	0,2	-\\-	0,4	0,2	0,2	-\\-	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,4	0,2

Продолжение приложения В

Год	Индекс	Резервный банк Австралии	Центральный банк Аргентины	Европейский центральный банк	Банк Канады	Народный банк Китая	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	Центральный банк Российской Федерации	Федеральная резервная система США	Банк Англии	Центральный банк Республики Турция	Центральный банк Бразилии	Швейцарский национальный банк	Южно-Африканский резервный банк	Банк Японии	Резервный банк Индии
	A	0,258	0,163	-\\-	0,277	0,203	0,168	- \\-	0,547	0,273	0,213	0,163	0 ,412	0,168	0,224	0,203
	I	0	0	-\\-	0	0	0	-\\-	0	0	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,1832	0,1452	-\\-	0,2708	0,1612	0,1472	-\\-	0,298 8	0,1892	0,1652	0,1452	0,2448	0,1472	0,4496	0,1612
1990	T	0,4	0,4	-\\-	0,4	0,2	0,2	-\\-	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,4	0,2
	A	0,283	0,187	-\\-	0,312	0,224	0,187	-\\-	0,578	0,298	0,243	0,187	0,438	0,187	0,243	0,224
	I	0	0	-\\-	0	0	0	-\\-	1	0	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,2732	0,2348	-\\-	0,2848	0,1696	0,1548	-\\-	0,5112	0,1992	0,1772	0,1548	0,2552	0,1548	0,4572	0,1696
1991	T	0,4	0,4	-\\-	0,8	0,2	0,2	0,4	0,2	0,6	0,2	0,2	0,2	0,2	0,4	0,2
	A	0,325	0,243	-\\-	0,358	0,243	0,203	0,12	0,602	0,324	0,267	0,213	0,463	0,203	0,267	0,267
	I	0	0	-\\-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,29	0,2572	-\\-	0,4632	0,1772	0,1612	0,208	0,3208	0,3696	0,1868	0,1652	0,2652	0,1612	0,4668	0,1868
1992	T	0,4	0,4	-\\-	0,8	0,4	0,2	0,4	0,2	0,8	0,2	0,2	0,4	0,2	0,6	0,2
	A	0,378	0,287	-\\-	0,412	0,267	0,224	0,152	0,627	0,352	0,298	0,243	0,487	0,224	0,298	0,312
	I	0	0	-\\-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,3112	0,2748	-\\-	0,4848	0,2668	0,1696	0,2208	0,3308	0,4608	0,1992	0,1772	0,3548	0,1696	0,5592	0,2048
1993	T	0,8	0,4	-\\-	0,8	0,4	0,2	0,4	0,2	1	0,2	0,2	0,4	0,2	0,6	0,4
	A	0,612	0,324	-\\-	0,487	0,287	0,251	0,183	0,653	0,312	0,324	0,278	0,523	0,251	0,324	0,356
	I	0	0	-\\-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,5648	0,2896	-\\-	0,5148	0,2748	0,1804	0,2332	0,3412	0,5248	0,2096	0,1912	0,3692	0,1804	0,5696	0,3024

Продолжение приложения В

Год	Индекс	Резервный банк Австралии	Центральный банк Аргентины	Европейский центральный банк	Банк Канады	Народный банк Китая	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	Центральный банк Российской Федерации	Федеральная резервная система США	Банк Англии	Центральный банк Республики Турция	Центральный банк Бразилии	Швейцарский национальный банк	Южно-Африканский резервный банк	Банк Японии	Резервный банк Индии
1994	T	0,8	0,2	-\\-	0,8	0,4	0,2	0,4	0,6	1	0,2	0,4	0,4	0,4	0,6	0,4
	A	0,598	0,298	-\\-	0,523	0,312	0,278	0,218	0,678	0,337	0,287	0,324	0,548	0,298	0,351	0,387
	I	0	0	-\\-	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,5592	0,1992	-\\-	0,5292	0,2848	0,1912	0,2472	0,7112	0,7348	0,1948	0,2896	0,3792	0,2792	0,5804	0,3148
1995	T	0,8	0,4	-\\-	0,8	0,4	0,2	0,4	0,6	1	0,2	0,4	0,6	0,4	0,6	0,4
	A	0,524	0,342	-\\-	0,687	0,342	0,312	0,252	0,712	0,382	0,312	0,378	0,587	0,342	0,387	0,423
	I	0	0	-\\-	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,5296	0,2968	-\\-	0,5948	0,4968	0,2048	0,2608	0,5248	0,7528	0,2048	0,3112	0,4748	0,2968	0,5948	0,3292
1996	T	0,8	0,4	-\\-	0,8	0,4	0,2	0,4	0,6	1	0,2	0,4	0,6	0,4	0,6	0,4
	A	0,591	0,378	-\\-	0,634	0,367	0,342	0,283	0,738	0,413	0,342	0,423	0,612	0,387	0,412	0,452
	I	0	0	-\\-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,5564	0,3112	-\\-	0,5736	0,3068	0,2168	0,2732	0,5352	0,5652	0,2168	0,3292	0,4848	0,3148	0,6048	0,3408
1997	T	1	0,4	-\\-	0,8	0,4	0,2	0,2	0,6	1	0,2	0,4	0,6	0,4	0,4	0,4
	A	0,623	0,412	-\\-	0,598	0,398	0,378	0,323	0,763	0,448	0,378	0,467	0,643	0,423	0,436	0,487
	I	0	0	-\\-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
	ICS	0,6492	0,3248	-\\-	0,5592	0,3192	0,2312	0,2092	0,5452	0,5792	0,2312	0,3468	0,4972	0,3292	0,5344	0,3548
1998	T	1	0,4	-\\-	0,8	0,4	0,2	0,2	0,6	1	0,2	0,4	0,8	0,6	0,4	0,4
	A	0,587	0,453	-\\-	0,652	0,432	0,412	0,267	0,798	0,487	0,412	0,512	0,678	0,467	0,467	0,523
	I	0	0	-\\-	0	0	0	1	1	0	0	1	0	0	1	0

Продолжение приложения В

Год	Индекс	Резервный банк Австралии	Центральный банк Аргентины	Европейский центральный банк	Банк Канады	Народный банк Китая	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	Центральный банк Российской Федерации	Федеральная резервная система США	Банк Англии	Центральный банк Республики Турция	Центральный банк Бразилии	Швейцарский национальный банк	Южно-Африканский резервный банк	Банк Японии	Резервный банк Индии
	ICS	0,6348	0,3412	-\\-	0,5808	0,3328	0,2448	0,3868	0,7592	0,5948	0,2448	0,5648	0,5912	0,4268	0,5468	0,3692
1999	T	1	0,2	1,2	0,8	0,4	0,2	0,2	0,6	1	0,2	0,6	0,8	0,4	0,4	0,4
	A	0,654	0,415	0,643	0,713	0,463	0,453	0,307	0,823	0,523	0,387	0,563	0,712	0,512	0,498	0,562
	I	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	1	0	1	0
	ICS	0,6616	0,246	0,9372	0,6052	0,3452	0,2612	0,4028	0,5692	0,6092	0,2348	0,6652	0,8048	0,3648	0,5592	0,3848
2000	T	1	0,2	1,2	1	0,6	0,6	0,4	0,6	1	0,4	0,8	1	0,6	0,6	0,4
	A	0,791	0,378	0,678	0,845	0,498	0,498	0,328	0,857	0,584	0,432	0,612	0,753	0,563	0,532	0,612
	I	1	0	1	1	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	0
	ICS	0,9164	0,2312	0,9512	0,938	0,4392	0,4392	0,4912	0,5828	0,8336	0,3328	0,5648	0,9012	0,4652	0,6528	0,4048
2001	T	1	0,2	1,2	1	0,6	0,6	0,6	0,6	1	0,4	0,8	1	0,8	0,8	0,4
	A	0,832	0,324	0,712	0,892	0,532	0,532	0,41	0,782	0,612	0,478	0,654	0,782	0,598	0,563	0,643
	I	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	1	1	0
	ICS	0,9328	0,2096	0,7648	0,9568	0,4528	0,4528	0,604	0,5528	0,6448	0,3512	0,5816	0,7128	0,7592	0,7452	0,4172
2002	T	1,2	0,4	1,2	1	0,6	0,4	0,6	0,6	1	0,4	0,8	1	0,8	0,8	0,4
	A	0,889	0,287	0,753	0,943	0,298	0,563	0,387	0,843	0,648	0,523	0,698	0,812	0,642	0,598	0,678
	I	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	1	0	1	1	0
	ICS	1,0356	0,2748	0,7812	0,9772	0,3592	0,3852	0,5948	0,7772	0,8592	0,3692	0,7992	0,7248	0,7768	0,7592	0,4312
2003	T	1,2	0,4	1,2	1	0,6	0,4	0,6	0,6	0,8	0,4	0,8	1	0,8	0,8	0,4
	A	0,937	0,342	0,721	0,878	0,324	0,612	0,445	0,892	0,712	0,567	0,743	0,853	0,687	0,634	0,724

Продолжение приложения В

Год	Индекс	Резервный банк Австралии	Центральный банк Аргентины	Европейский центральный банк	Банк Канады	Народный банк Китая	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	Центральный банк Российской Федерации	Федеральная резервная система США	Банк Англии	Центральный банк Республики Турция	Центральный банк Бразилии	Швейцарский национальный банк	Южно-Африканский резервный банк	Банк Японии	Резервный банк Индии
	I	1	0	1	1	0	0	1	0	0	0	1	0	1	1	0
	ICS	1,0548	0,2968	0,9684	0,9512	0,3696	0,4048	0,618	0,5968	0,6048	0,3868	0,8172	0,7412	0,7948	0,7736	0,4496
2004	T	1	0,4	1,2	1	0,6	0,4	0,6	0,6	0,8	0,6	0,8	1	0,8	0,8	0,6
	A	1,025	0,387	0,782	0,924	0,351	0,654	0,49	0,923	0,853	0,612	0,789	0,887	0,723	0,672	0,763
	I	1	0	0	1	0	1	1	0	0	0	1	1	1	1	0
	ICS	1,01	0,3148	0,7928	0,9696	0,3804	0,6216	0,636	0,6092	0,6612	0,4848	0,8356	0,9548	0,8092	0,7888	0,5452
2005	T	1	0,4	1,2	1	0,6	0,4	0,6	0,8	0,8	0,6	0,8	1	1	0,8	0,6
	A	1,113	0,432	0,823	1,103	0,378	0,698	0,509	0,957	0,897	0,654	0,837	0,924	0,768	0,712	0,812
	I	1	1	1	1	1	0	1	0	1	1	1	1	1	1	0
	ICS	1,0452	0,5328	1,0092	1,0412	0,5912	0,4392	0,6436	0,7028	0,8788	0,7016	0,8548	0,9696	0,9072	0,8048	0,5648
2006	T	1	0,4	1,2	1	0,8	0,4	0,6	0,6	0,8	0,6	0,8	1	1	1	0,6
	A	1,045	0,478	0,857	1,087	0,402	0,732	0,554	0,982	0,924	0,698	0,876	0,953	0,812	0,743	0,843
	I	1	1	1	1	1	0	1	0	0	2	1	1	1	1	0
	ICS	1,018	0,5512	1,0228	1,0348	0,6808	0,4528	0,6616	0,6328	0,6896	0,9192	0,8704	0,9812	0,9248	0,8972	0,5772
2007	T	0,8	0,4	1,4	0,8	0,8	0,4	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	1	1	0,8	0,4
	A	1,274	0,523	0,892	1,124	0,423	0,763	0,593	1,023	0,963	0,732	0,912	0,982	0,853	0,768	0,876
	I	1	1	1	1	1	0	1	0	1	2	1	1	1	1	0
	ICS	1,0296	0,5692	1,1168	0,9696	0,6892	0,4652	0,6772	0,6492	0,8252	0,9328	0,8048	0,9928	0,9412	0,8272	0,5104
2008	T	0,8	0,4	1,4	0,8	0,8	0,4	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	1	0,8	0,6	0,4

Год	Индекс	Резервный банк Австралии	Центральный банк Аргентины	Европейский центральный банк	Банк Канады	Народный банк Китая	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	Центральный банк Российской Федерации	Федеральная резервная система США	Банк Англии	Центральный банк Республики Турция	Центральный банк Бразилии	Швейцарский национальный банк	Южно-Африканский резервный банк	Банк Японии	Резервный банк Индии
	A	1,198	0,467	0,832	1,156	0,287	0,723	0,636	0,963	0,912	0,687	0,863	0,927	0,798	0,723	0,824
	I	1	1	1	2	1	0	1	1	0	1	1	1	1	1	0
	ICS	0,9992	0,5468	1,0928	1,1824	0,6748	0,4492	0,6944	0,8252	0,6048	0,7148	0,7852	0,9708	0,8392	0,7292	0,4896
2009	T	1,2	0,4	1,2	1	0,8	0,6	0,8	0,6	0,8	0,6	0,6	1	1,2	1	0,4
	A	1,402	0,523	0,912	1,182	0,412	0,782	0,722	1,087	1,042	0,743	0,924	1,042	0,843	0,782	0,892
	I	1	1	2	1	1	0	1	1	0	1	1	1	1	1	0
	ICS	1,2408	0,5692	1,2448	1,0728	0,6848	0,5528	0,8088	0,8748	0,7368	0,7372	0,8096	1,0168	1,0172	0,9128	0,5168
2010	T	1,2	0,4	1,2	1	0,8	0,6	0,6	0,6	0,8	0,6	0,8	1	1,2	1	0,4
	A	1,328	0,578	0,953	1,167	0,453	0,843	0,709	1,153	1,128	0,798	0,978	1,128	0,892	0,824	0,934
	I	1	1	2	1	1	1	1	0	0	1	1	1	1	1	0
	ICS	1,2112	0,5912	1,2612	1,0668	0,7012	0,7772	0,7236	0,7012	0,7712	0,7592	0,9112	1,0512	1,0368	0,9296	0,5336
2011	T	1	0,4	1,4	1	0,8	0,6	0,8	0,6	0,8	0,6	0,8	1	1,2	1	0,4
	A	1,296	0,623	0,923	1,212	0,487	0,892	0,805	1,198	1,184	0,843	1,032	1,187	0,934	0,863	0,978
	I	1	1	2	2	1	0	1	0	1	1	1	2	1	1	0
	ICS	1,1184	0,6092	1,3292	1,2848	0,7148	0,5968	0,842	0,7192	0,9936	0,7772	0,9328	1,2748	1,0536	0,9452	0,5512
2012	T	1,2	0,4	1,6	1	0,8	0,6	0,8	1	0,8	0,8	0,8	1	1,2	1	0,4
	A	1,341	0,567	1,012	1,323	0,512	0,943	1,031	1,243	1,243	0,887	1,087	1,243	0,978	0,892	1,023
	I	1	1	2	1	1	0	1	0	0	2	1	1	1	2	0
	ICS	1,2164	0,5868	1,4448	1,1292	0,7248	0,6136	0,9324	0,8972	0,8172	1,0748	0,9548	1,0972	1,0712	1,1568	0,5692

Продолжение приложения В

Год	Индекс	Резервный банк Австралии	Центральный банк Аргентины	Европейский центральный банк	Банк Канады	Народный банк Китая	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	Центральный банк Российской Федерации	Федеральная резервная система США	Банк Англии	Центральный банк Республики Турция	Центральный банк Бразилии	Швейцарский национальный банк	Южно-Африканский резервный банк	Банк Японии	Резервный банк Индии
2013	T	1,2	0,4	1,4	1	0,8	0,6	0,8	1	0,8	0,8	0,8	1	1,2	1,2	0,6
	A	1,397	0,523	1,087	1,384	0,498	0,978	1,129	1,287	1,324	0,923	1,143	1,298	1,023	0,934	1,078
	I	1	1	2	1	1	0	2	0	0	2	1	1	1	2	0
	ICS	1,2388	0,5692	1,3948	1,1536	0,7192	0,6312	1,1716	0,9148	0,8496	1,0892	0,9772	1,1192	1,0892	1,2536	0,6712
2014	T	1,2	0,4	1,4	1,2	0,8	0,6	0,8	1,2	0,8	0,8	1	1	1,4	1,4	0,6
	A	1,435	0,487	1,153	1,372	0,523	1,023	1,022	1,324	1,387	0,967	1,187	1,342	1,067	0,967	1,124
	I	1	1	2	1	2	0	2	0	0	1	1	1	1	2	0
	ICS	1,254	0,5548	1,4212	1,2288	0,9292	0,6492	1,1288	1,0096	0,8748	0,9068	1,0748	1,1368	1,1868	1,3468	0,6896
2015	T	1,2	0,4	1,6	1,2	1	0,6	1	1,2	1	0,8	1	1	1,4	1,4	0,6
	A	1,473	0,453	1,223	1,353	0,563	1,167	1,125	1,367	1,452	1,012	1,243	1,412	1,124	1,023	1,187
	I	1	1	2	1	1	0	2	0	0	1	1	1	1	2	1
	ICS	1,2692	0,5412	1,5292	1,2212	0,8252	0,7068	1,25	1,0268	0,9808	0,9248	1,0972	1,1648	1,2096	1,3692	0,9148
2016	T	1,4	0,8	1,6	1,2	1	0,6	1	1,2	1	0,8	1	1	1,4	1,4	1
	A	1,428	0,512	1,187	1,312	0,512	1,112	1,238	1,412	1,498	0,978	1,298	1,463	1,178	1,067	1,243
	I	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	2	1
	ICS	1,3312	0,7248	1,5148	1,2048	0,8048	0,8848	1,0952	1,2448	1,1992	0,9112	1,3192	1,1852	1,2312	1,3868	1,0972
2017	T	1,4	0,8	1,6	1,2	1	0,6	1	1,4	1	1	1	1	1,4	1,4	1
	A	1,449	0,563	1,278	1,398	0,543	1,056	1,311	1,453	1,543	1,043	1,342	1,512	1,223	1,112	1,287
	I	1	1	2	1	1	0	1	1	1	1	2	1	1	2	1

Год	Индекс	Резервный банк Австралии	Центральный банк Аргентины	Европейский центральный банк	Банк Канады	Народный банк Китая	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	Центральный банк Российской Федерации	Федеральная резервная система США	Банк Англии	Центральный банк Республики Турция	Центральный банк Бразилии	Швейцарский национальный банк	Южно-Африканский резервный банк	Банк Японии	Резервный банк Индии
	ICS	1,3396	0,7452	1,5512	1,2392	0,8172	0,6624	1,1244	1,3412	1,2172	1,0172	1,3368	1,2048	1,2492	1,4048	1,1148
2018	T	1,4	0,8	1,6	1,2	1	0,6	1	1,4	1	1	1	1,2	1,4	1,4	1
	A	1,515	0,487	1,367	1,445	0,578	1,203	1,424	1,498	1,624	1,087	1,398	1,578	1,287	1,156	1,342
	I	2	1	2	2	1	0	1	1	1	1	1	1	1	2	0
	ICS	1,566	0,7148	1,5868	1,458	0,8312	0,7212	1,1696	1,3592	1,2496	1,0348	1,1592	1,3112	1,2748	1,4224	0,9368
2019	T	1,4	1	1,6	1,2	1	0,8	1	1,4	1	1	1	1,2	1,2	1,4	1
	A	1,543	0,432	1,452	1,476	0,602	1,143	1,518	1,532	1,587	1,132	1,453	1,632	1,342	1,203	1,387
	I	1	1	2	2	1	0	2	2	1	1	1	1	1	2	1
	ICS	1,3772	0,7728	1,6208	1,4704	0,8408	0,7772	1,4072	1,5728	1,2348	1,0528	1,1812	1,3328	1,2168	1,4412	1,1548
2020	T	1,4	0,8	1,4	1	1	0,8	1,4	1,4	1,2	1	1,2	1,4	1,2	1,6	1
	A	1,642	0,523	1,543	1,523	0,563	1,167	1,658	1,623	1,682	1,187	1,512	1,612	1,412	1,267	1,452
	I	1	1	2	2	1	0	2	2	1	1	1	1	1	2	2
	ICS	1,4168	0,7292	1,5772	1,4092	0,8252	0,7868	1,6232	1,6092	1,3528	1,0748	1,2848	1,4048	1,2448	1,5468	1,3808
2021	T	1,4	0,8	1,6	1,2	1	0,8	1,4	1,6	1,2	0,8	1,2	1,4	1,2	1,6	1
	A	1,692	0,467	1,623	1,504	0,598	1,124	1,722	1,578	1,732	1,053	1,563	1,663	1,463	1,312	1,498
	I	1	1	2	2	2	0	2	2	1	1	1	1	1	2	2
	ICS	1,4368	0,7068	1,6892	1,4816	1,0392	0,7696	1,6488	1,6712	1,3728	0,9412	1,3052	1,4252	1,2652	1,5648	1,3992
2022	T	1,4	0,8	1,8	1,4	1	0,8	1,4	1,8	1,4	0,8	1,2	1,4	1,4	1,8	1
	A	1,726	0,412	1,587	1,557	0,543	1,212	1,585	1,643	1,776	0,923	1,612	1,712	1,512	1,356	1,543

Продолжение приложения В

Год	Индекс	Резервный банк Австралии	Центральный банк Аргентины	Европейский центральный банк	Банк Канады	Народный банк Китая	Агентство денежного обращения Саудовской Аравии	Центральный банк Российской Федерации	Федеральная резервная система США	Банк Англии	Центральный банк Республики Турция	Центральный банк Бразилии	Швейцарский национальный банк	Южно-Африканский резервный банк	Банк Японии	Резервный банк Индии
	I	1	1	2	2	2	0	2	2	1	1	1	1	1	2	2
	ICS	1,4504	0,6848	1,7548	1,5828	1,0172	0,8048	1,594	1,7772	1,4704	0,8892	1,3248	1,4448	1,3648	1,6624	1,4172
2023	T	1,6	0,8	2	1,4	1	0,8	1,4	18	1,6	0,8	1,2	1,4	1,4	1,8	1,2
	A	1,754	0,453	1,723	1,582	0,578	1,198	1,745	1,712	1,824	1,042	1,673	1,763	1,587	1,412	1,598
	I	2	1	2	2	1	0	2	2	1	1	1	1	1	2	2
	ICS	1,7416	0,7012	1,8892	1,5928	0,8312	0,7992	1,658	1,6048	1,5696	0,9368	1,3492	1,4652	1,3948	1,6848	1,5192
2024	T	1,4	0,8	2	1,4	1	0,8	1,6	1,8	1,8	1	1,4	1,4	1,4	1,8	1,2
	A	1,772	0,487	1,842	1,591	0,612	1,152	1,833	1,763	1,863	1,127	1,724	1,812	1,643	1,463	1,643
	I	2	1	2	2	1	0	2	2	1	1	2	1	1	2	2
	ICS	1,6688	0,7148	1,9368	1,5964	0,8448	0,7812	1,7732	1,8252	1,6652	1,0508	1,6496	1,4848	1,4172	1,7052	1,5372
2025	T	1,6	0,8	2	1,4	1	0,8	1,6	1,8	1,8	1	1,4	1,6	1,6	1,8	1,4
	A	1,782	0,523	1,879	1,622	0,643	1,224	1,901	1,823	1,911	1,213	1,789	1,886	1,712	1,512	1,712
	I	2	1	2	2	1	0	2	2	1	1	2	1	1	2	2
	ICS	1,7528	0,7292	1,9516	1,6088	0,8572	0,8096	1,8004	1,8492	1,6844	1,0852	1,6756	1,5944	1,5248	1,7248	1,6448

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Справки о внедрении результатов диссертационного исследования

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Банк России)**

**Северо-Западное
главное управление**

191038, г. Санкт-Петербург,
наб. реки Фонтанки, д. 68, 70-72-74
www.cbr.ru

от 19 ноября 2025 № _____
на № _____ от _____

СПРАВКА

**о внедрении результатов исследования
диссертационной работы Кошкина Андрея Вячеславовича
на тему: «Коммуникационные стратегии центральных банков как инструмент
денежно-кредитной политики в России и зарубежом»**

5.2.4 Финансы

Подтверждаем, что методы и инструменты анализа коммуникации центральных банков, предложенные в диссертационной работе Кошкина А.В., являются актуальными и могут применяться в деятельности Северо-Западного ГУ Банка России.

Среди всех научных разработок, на наш взгляд, особую значимость и актуальность имеют: авторская концепция коммуникационной стратегии центрального банка, предложенная новая типология инструментов коммуникации центральных банков, а также сформулированная методика оценки открытости коммуникационной стратегии регуляторов. Особое внимание автор уделил инновационным подходам для оценки коммуникационных стратегий центральных банков, что позволило сохранить объективность выстраиваемого индекса.

Использование разработанных в рамках исследования рекомендаций может способствовать повышению эффективности проводимой Банком России денежно-кредитной политики.

Справка выдана без финансовых обязательств организации перед автором для представления в диссертационный совет Д 24.2.490.01 при ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского».

Заместитель начальника
Северо-Западного ГУ Банка
России, к.э.н., доцент

В.В. Пивоваров

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ БАНК

ГОЛОВНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ПО САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

ПАО Сбербанк
191124, г. Санкт-Петербург, ул. Красного Текстильщика, д.2
Т 8-(800)-555-55-50, 8-800-707-00-70
combox@sberbank.ru, www.sberbank.ru

№ 25/12 от 25.11.2025

на № _____

СПРАВКА

о внедрении результатов исследования
диссертационной работы Кошкина Андрея Вячеславовича
на тему: «Коммуникационные стратегии центральных банков как инструмент денежно-
кредитной политики в России и зарубежом»
5.2.4 Финансы

Разработанная и отраженная в диссертации Кошкина А.В. авторская концепция коммуникационной стратегии центрального банка, позволяющая преодолеть методологические ограничения односторонних (сигнальных) трактовок, полезна для предприятия в части эффективного анализа коммуникации Банка России. В работе доказано, что в структуре внешних взаимодействий центральных банков существуют имеющие существенное значение для денежно-кредитной политики примеры двусторонней коммуникации (такие как Мониторинг предприятий Банка России), обеспечивающие регулятору системную обратную связь и доступ к информации, необходимой для прогнозирования и принятия решений. Так, продемонстрирована значимость получаемой Банком России в рамках «Мониторинга предприятий» информации при принятии решений по денежно-кредитной политике.

Справка выдана Кошкину Андрею Вячеславовичу для представления в диссертационный совет Д 24.2.490.01 при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского».

Начальник управления
клиентских менеджеров РГС
25.11.2025

Н.Н. Алямкина

ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«БАНК «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»
(ПАО «Банк «Санкт-Петербург»)

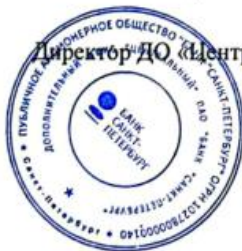
СПРАВКА

о внедрении результатов исследования
диссертационной работы Кошкина Андрея Вячеславовича
на тему: «Коммуникационные стратегии центральных банков как инструмент денежно-
кредитной политики в России и зарубежом»

5.2.4 Финансы

Разработанная и отраженная в диссертации Кошкина А.В. авторская концепция коммуникационной стратегии центрального банка, позволяющая преодолеть методологические ограничения односторонних (сигнальных) трактовок, полезна для предприятия в части эффективного анализа коммуникации Банка России. В работе доказано, что в структуре внешних взаимодействий центральных банков существуют имеющие существенное значение для денежно-кредитной политики примеры двусторонней коммуникации (такие как Мониторинг предприятий Банка России), обеспечивающие регулятору системную обратную связь и доступ к информации, необходимой для прогнозирования и принятия решений. Так, продемонстрирована значимость получаемой Банком России в рамках «Мониторинга предприятий» информации при принятии решений по денежно-кредитной политике.

Справка выдана Кошкину Андрею Вячеславовичу для представления в диссертационный совет Д 24.2.490.01 при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского».

Фильчагина М.Г.

ЭКСИ-Банк (АО)

ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫЙ БАНК
(АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО)

пр-кт Малый В.О., д. 54, к. 4, литер В, помещ. 1-Н,
г. Санкт-Петербург, 199178
Тел.: (812) 327-50-64, (812) 565-45-21
E-mail: postmaster@exibank.ru
ОГРН 1027800000942,
ИНН 7831000940, КПП 780101001,
ОКПО 31044988, ОКВЭД 64.19
Кор/счет 30101810400000000889
В ОКС № 1 СЗГУ Банка России
БИК 044030889

от 13.11.2025 № 01-01-07/6099

СПРАВКА

о внедрении результатов исследования
диссертационной работы Кошкина Андрея Вячеславовича
на тему: «Коммуникационные стратегии центральных банков как инструмент денежно-кредитной
политики в России и за рубежом»
5.2.4 Финансы

Сформулированные в диссертационной работе Кошкина А.В. предложения по разработанному инструментарию анализа коммуникации центральных банков как инструмента денежно-кредитной политики, имеют научно-практическую значимость для экономических агентов, в частности коммерческих банков, и представляют интерес для последующего его использования при осуществлении их деятельности.

В частности, разработанная в рамках диссертационного исследования Кошкина А.В., типология инструментов коммуникации центральных банков способствует более точной трактовке рекомендаций, закладываемых Банком России в своих пресс-релизах, а также возможности более глубокого и всестороннего анализа передаваемой Банком России информации для ее использования в текущей работе и дальнейших проработок экономическими агентами в рамках двустороннего взаимодействия.

Использование средств ИИ для детального анализа коммуникаций центральных банков, подробно описанного в работе, соответствуют техническим возможностям человечества, что делает исследование, проведенное Кошкиным А.В., актуальным и значимым в современных реалиях.

Справка дана для представления в диссертационный совет Д 24.2.490.01 при ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского».

Заместитель генерального директора
ЭКСИ-Банк (АО)

Главный бухгалтер
ЭКСИ-Банк (АО)

Шенрок Е.Е.

Андреева М.О.

Исп. Андреева М.О. (812) 565-45-21 (д.110)

Общество с ограниченной
ответственностью
"Управляющая компания
"Ленинградский"

ИНН 4205186963
г. Кемерово, бр. Строителей, д. 46/1
телефон/факс: +7(3842)73-38-15

www.uk-kemerovo.ru
info@uk-kemerovo.ru
vk.com/ukleningradskiy
instagram.com/ukleningradskiy

СПРАВКА

о внедрении результатов исследования
диссертационной работы Кошкина Андрея Вячеславовича
на тему: «Коммуникационные стратегии центральных банков как инструмент денежно-кредитной
политики в России и за рубежом»
5.2.4 Финансы

Разработанная и отраженная в диссертации Кошкина А.В. авторская концепция коммуникационной стратегии центрального банка, позволяющая преодолеть методологические ограничения односторонних (сигнальных) трактовок, полезна для предприятия в части эффективного анализа коммуникации Банка России. В работе доказано, что в структуре внешних взаимодействий центральных банков существуют имеющие существенное значение для денежно-кредитной политики примеры двусторонней коммуникации (такие как Мониторинг предприятий Банка России), обеспечивающие регулятору системную обратную связь и доступ к информации, необходимой для прогнозирования и принятия решений. Так, продемонстрирована значимость получаемой Банком России в рамках «Мониторинга предприятий» информации при принятии решений по денежно-кредитной политике.

Вместе с этим, разработанная методика лингвистического анализа коммуникации центральных банков на основе искусственной нейронной сети позволяет автоматизировать процесс анализа коммуникации Банка России в целях прогнозирования его решений по денежно-кредитной политике, что имеет практическое значение для развития предприятия. Оригинальность созданной методики заключается в ее акценте на преодоление языковых барьеров и объективной оценке доступности коммуникаций для широкой аудитории, что делает ее полезной не только в прогнозировании решений Банка России, но и зарубежных центральных банков.

Директор ООО «УК «Ленинградский»
07.11.2025 г.

Сивоплясов К.А.

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ УК «Высота»

ОГРН 1174205026841 ОКПО 20045921 ИНН 4205361728 КПП 420501001

Юридический адрес: 650003, Россия, Кемеровская область, Кемерово г., Строителей бр., д. 46, корп. 1 офис 2
тел./факс 8-(3842) 73-38-15

р/с 40702810609500000076 Банк «Левобережный»(ПАО) г.Новосибирск БИК 045004850 к/с 30101810100000000850

СПРАВКА

о внедрении результатов исследования
диссертационной работы Кошкина Андрея Вячеславовича
на тему: «Коммуникационные стратегии центральных банков как инструмент денежно-
кредитной политики в России и зарубежом»

5.2.4 Финансы

Подтверждаем, что предложенные механизмы анализа коммуникации центральных банков в диссертационной работе Кошкина А.В. являются актуальными и могут применяться в деятельности предприятий ООО УК «Высота».

Среди всех научных разработок на наш взгляд наибольшее значение и актуальность имеют: авторская концепция коммуникационной стратегии центрального банка, обращающая внимание регуляторов на необходимость двустороннего диалога с представителями бизнеса, предложенная новая типология инструментов коммуникации центральных банков, разработанная методика анализа финансовых коммуникаций, а также сформулированная концепция механизма денежно-кредитной политики с учетом двусторонней коммуникации.

Использование разработанных в рамках исследования рекомендаций позволит повысить эффективность прогнозирования денежно-кредитной политики Банка России, что в целом обеспечит рост прибыли предприятия.

Справка выдана без финансовых обязательств предприятия перед автором.

И.О. директора ООО УК «Высота»

05.11.2025 г.

Е.А.

Харина Е.А.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА»
(РГПУ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА)

Наб. р. Моисей, д. 28, Санкт-Петербург, 191060
тел. (812) 312-55-92, факс (812) 312-11-95
<http://www.hczen.ru>, e-mail: mail@hczen.ru
ОБДПО 02079520 ОУНН 1027809134439
ИНН/КПП 7808017840/784001004

19.11.25 № 0322-82
на № _____ от _____

В диссертационный совет на базе
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени
Михаила Туган-Барановского

СПРАВКА

о внедрении результатов исследования
диссертационной работы Кошкина Андрея Вячеславовича
на тему: «Коммуникационные стратегии центральных банков как инструмент денежно-
кредитной политики в России и за рубежом»
5.2.4 Финансы

Основные теоретические разработки и выводы диссертационной работы Кошкина А. В. планируется использовать в учебном процессе ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» в институте экономики и управления по направлениям подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление, 38.03.02 Менеджмент, 44.03.01 Педагогическое образование при преподавании учебных дисциплин: «Основы финансовой грамотности», «Финансово-экономический практикум», «Управление социально-экономическим развитием субъекта федерации», «Основы экономической безопасности организации» а также при выполнении обучающимися курсовых и выпускных квалификационных работ.

И. о. директора института
экономики и управления

Т. В. Рогозина

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»
(ФГАОУ ВО «СПбПУ»)

**ИНСТИТУТ ПРОМЫШЛЕННОГО
МЕНЕДЖМЕНТА, ЭКОНОМИКИ И ТОРГОВЛИ**

В Диссертационный совет Д 24.2.490.01
на базе федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени
Михаила Туган-Барановского»

СПРАВКА № 1029/37 от 28.11.2025
о внедрении в учебный процесс
результатов диссертационного исследования

Разработанные в диссертационном исследовании Кошкина Андрея Вячеславовича на тему «Коммуникационные стратегии центральных банков как инструмент денежно-кредитной политики в России и за рубежом» по специальности 5.2.4 – Финансы методологические положения и научно-практические рекомендации, а именно

- определение коммуникационных стратегий центральных банков как систематического подхода к передаче и получению информации, который позволяет регуляторам управлять ожиданиями экономических агентов и с большей точностью прогнозировать экономические показатели, повышая эффективность денежно-кредитной политики

- периодизация трансформации коммуникационных стратегий центральных банков с 1985 по 2025 гг.

- методика оценки открытости коммуникационных стратегий центральных банков, разработанная с учетом показателей доступности языка, полноты размещаемой информации и интерактивности коммуникации, который в отличие от существующих аналогов не ограничен учетом только односторонней (сигнальной) коммуникацией и одним языком для анализа

были внедрены в учебный процесс и использовались в рамках реализации программ направлений подготовки: 38.03.01 Экономика, 38.03.06 Торговое дело, 43.03.01 Сервис и 43.03.02 Туризм для методического обеспечения и проведения учебных занятий при актуализации научно-методического обеспечения дисциплин: «Макроэкономика», «Инвестиционный анализ», «Введение в экономическую теорию», а также при выполнении обучающимися курсовых и выпускных квалификационных работ.

Директор Института
промышленного менеджмента,
экономики и торговли
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский
Политехнический университет
Петра Великого

Владимир Энгелевич Щепинин

ДОСТОВЕРЯЮ
Ведущий специалист
по кадрам
20__г.